

**Федеральное государственное научно-исследовательское учреждение
«Институт законодательства и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации»**

На правах рукописи

Османова Диана Османовна

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРИ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)

Специальность 12.00.03 – гражданское право;
предпринимательское право; семейное право;
международное частное право

Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук
Беляева Ольга Александровна

Москва
2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Злоупотребления по делам о несостоятельности (банкротстве): общетеоретический аспект	15
§ 1. Понятие и признаки злоупотребления при несостоятельности (банкротстве).....	15
§ 2. Генезис института злоупотребления правом по делам о несостоятельности (банкротстве).....	30
§ 3. Виды и формы злоупотреблений при несостоятельности (банкротстве)	42
Глава 2. Особенности отдельных форм злоупотреблений при несостоятельности (банкротстве)	74
§ 1. Сделка как основная форма злоупотребления правом при банкротстве	74
§ 2. Иные формы злоупотреблений при банкротстве	90
Глава 3. Несовершенство отдельных стадий несостоятельности (банкротства), влекущее злоупотребления	126
§ 1. Злоупотребления на стадиях наблюдения и конкурсного производства	126
§ 2. Злоупотребления в рамках заключения и утверждения мирового соглашения	145
Заключение.....	169
Принятые сокращения.....	177
Библиографический список.....	179

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Институт банкротства – наиболее сложный инструмент удовлетворения требований и защиты прав. Тем не менее в последнее время он применяется все чаще, что подтверждает актуальность темы исследования.

Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, количество обращений с заявлениями о несостоятельности из года в год увеличивается: 2014 год – 41 996, 2015 год – 50 779, 2016 год – 67 744, 2017 год – 79 358.

При этом неизменным остается количество дел, переходящих в процедуру конкурсного производства (в среднем 14 тысяч заявлений), и возрастает число дел, производство по которым прекращается (полагаем, что объясняется это отсутствием средств, необходимых для покрытия всех судебных процедур)¹.

Следует отметить, что многие споры завершаются заключением мирового соглашения.

Участники гражданских правоотношений все чаще обращаются к механизму банкротства в целях получения удовлетворения от своих контрагентов (в 2014–2017 годах инициаторами несостоятельности в подавляющем большинстве случаев являлись кредиторы). Однако такой подход недостаточно эффективен судя по количеству завершаемых дел. Мировое соглашение в такой ситуации – это компромисс для всех участников, когда каждый из них готов отказаться от причитающейся ему части в целях получения определенного блага. И то, что число таких соглашений растет, подтверждает, что в конечном счете большая часть участников процедуры банкротства осознают невозможность удовлетворения интересов в полном объеме и согласны на частичное исполнение обязательств со стороны должника во избежание более негативных последствий.

Необходимость поиска компромисса при невозможности получения от должника исполнения в полном объеме объясняется изменяющимся отношением

---

¹ URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.01.2018).

к тем правовым средствам, которые предоставляет институт несостоятельности. Участниками гражданского сообщества часто искажается суть установленной законом нормы (без формального ее нарушения) с целью защиты собственных активов либо освобождения от долгового бремени. Нарастающее число таких ситуаций на практике наряду с усложнением сути конфликта обуславливает необходимость более детального изучения указанного явления в целях его предотвращения и восстановления баланса интересов вовлеченных в процедуру банкротства лиц.

Степень научной разработанности темы исследования. Общим вопросам механизма банкротства, а также отдельным более узким правовым проблемам в указанной области посвящено множество исследований. В то же время, несмотря на актуальность и высокую степень разработанности изучаемой процедуры, нет работ, где воздействие концепции злоупотребления правом как на институт несостоятельности (банкротства) в целом, так и на отдельные его элементы анализировалось бы комплексно.

Теоретические и методологические вопросы процедуры несостоятельности отражены в трудах таких ученых-правоведов, как М.М. Агарков, С.С. Алексеев, П.Д. Баренбойм, В.С. Белых, С.Н. Братусь, В.В. Витрянский, В.П. Грибанов, С.П. Гришаев, А.Х. Гольмстен, Е.П. Губин, Е.Г. Дорохина, И.В. Ершова, О.С. Иоффе, С.А. Карелина, А.А. Каримов, Б. Колб, О.А. Красавчиков, Л.А. Лунц, К.И. Малышев, Р.Т. Мифтахутдинов, О.М. Олейник, И.А. Покровский, В.Ф. Попондопуло, Е.Ю. Пустовалова, С.Д. Радченко, М.В. Телюкина, В.Н. Ткачев, А.Ф. Трайнин, Д.В. Туткевич, С.Ю. Чуча, Г.Ф. Шершеневич, Т.П. Шишмарева, В.А. Химичев, и многих других.

В научных исследованиях в указанной области, как правило, рассматриваются следующие вопросы: назначение процедуры несостоятельности, ее роль в хозяйственной жизни субъектов¹; установление главенствующего

---

¹ См.: Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008; Маликов А.Ф. Правовое регулирование реабилитационных процедур несостоятельности (банкротства): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2017; Телюкина М.В. Конкурсное право. Гражданско-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.

признака, который должен быть положен в основу понятия несостоятельности¹; усовершенствование оснований для оспаривания сделок в порядке главы III.1 Закона о несостоятельности²; роль контролирующих и управляющих должником – юридическим лицом лиц в процедуре банкротства³; значение отдельных стадий процедуры банкротства⁴.

При этом затрагивается и возможность недобросовестных действий, поскольку они неизбежны, если речь идет о процедуре несостоятельности. Тем не менее всеобъемлющего исследования, в котором подробно, развернуто были бы изложены конкретные формы, виды и само понятие злоупотребления применительно к процедуре несостоятельности, в науке не представлено.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе недобросовестного осуществления хозяйствующими субъектами и физическими лицами своих прав, выражающегося в злоупотреблении правом, и связанные с иницированием процедуры несостоятельности (банкротства) и участием в ней.

Предметом диссертационного исследования являются нормы специального законодательства о банкротстве, гражданского законодательства и иных правовых актов Российской Федерации, прямо или косвенно регулирующих отдельные вопросы процедуры несостоятельности (банкротства) юридических и физических

---

¹ См.: Галкин С.С. Правовое положение должника – юридического лица в российском законодательстве о банкротстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016; Карелина С.А. Указ соч.; Попов Е.Ю. Формирование гражданско-правового института банкротства физического лица в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2012; Телюкина М.В. Проблемы несостоятельности и банкротства юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997.

² См.: Ларин А.М. Правовой режим имущества несостоятельного должника по российскому законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008; Овчинникова А.В. Права и охраняемые законом интересы кредиторов в процедурах банкротства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013; Телюкина М.В. Конкурсное право. Гражданско-правовые проблемы; Циндяйкина А.Э. Правовое регулирование конкурсного оспаривания сделок должника при несостоятельности (банкротстве): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012; Эрлих М.Е. Конфликт интересов в процессе несостоятельности (банкротства): правовые средства разрешения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

³ См.: Николаев А.Р. Правовое положение контролирующих должника лиц в процедурах несостоятельности (банкротства): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013; Телюкина М.В. Проблемы несостоятельности и банкротства юридических лиц.

⁴ См.: Адаева В.Н. Прекращение обязательств при несостоятельности (банкротстве) юридических лиц по гражданскому праву России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009; Кораев К.Б. Правовое положение неплатежеспособного должника: дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2014; Маликов А.Ф. Правовое регулирование реабилитационных процедур несостоятельности (банкротства): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2017.

лиц (в том числе имеющих статус индивидуального предпринимателя), а также основополагающие идеи, отраженные в научных работах по исследуемой тематике, принципиальные судебные позиции, связанные с формированием и совершенствованием механизма применения концепции злоупотребления правом при несостоятельности.

Цель и задачи исследования. Цель диссертационного исследования состоит в формировании научного представления об особенностях проявления концепции недобросовестного поведения применительно к институту банкротства посредством комплексного анализа судебной практики и имплементации судебных решений прецедентного характера в специальное законодательство.

Для достижения указанной цели были поставлены и решены следующие научные задачи:

1) провести анализ исторического развития концепции недобросовестного поведения в законодательстве о банкротстве и судебной практике, в рамках которого выявить способствующие этому обстоятельства;

2) определить юридическую сущность злоупотреблений при несостоятельности посредством введения отдельного понятия; выделить признаки подобного поведения;

3) исследовать цель недобросовестного поведения и установить его связь с назначением и правовой ролью механизма банкротства;

4) определить круг участников, способных быть субъектом злоупотреблений в рамках несостоятельности; систематизировать и классифицировать формы и виды злоупотреблений при банкротстве;

5) проанализировать недочеты и коллизии правоприменения в части корректности обращения к концепции недобросовестного поведения при рассмотрении отдельных вопросов и споров в рамках процедуры банкротства;

6) выработать рекомендации по совершенствованию нормативного регулирования с целью разрешения наиболее актуальных проблем, связанных с недобросовестным поведением в рамках процедуры банкротства.

Методологическая основа исследования представлена совокупностью общенаучных (методы анализа, синтеза, дедукции, индукции, статистический метод) и частнонаучных (конкретно-исторический, формально-юридический методы, а также метод правового моделирования) приемов и способов.

Теоретическую основу исследования составляют фундаментальные труды отечественных ученых, изучающих понятие и специфику злоупотребления правом, проблемы правового регулирования несостоятельности (банкротства).

Эмпирическая основа исследования представлена материалами правоприменительной практики Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Диссертантом проанализировано свыше 200х судебных актов для установления практических выводов и эффективного разрешения поставленных задач.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что диссертантом предложен принципиально новый подход к определению понятия и сущности злоупотреблений при несостоятельности (банкротстве).

Автором выделены и проанализированы признаки указанного явления, отличающие его от иных форм недобросовестного поведения. Выявленные специфические свойства способствуют не только идентификации злоупотреблений в науке, но и их своевременному обнаружению на практике.

Обоснована необходимость обращения к концепции недобросовестного поведения при рассмотрении отдельных вопросов в рамках процедуры банкротства. Систематизированы формы и виды злоупотреблений при несостоятельности.

На основе проведенного диссертационного исследования автором сформулированы **следующие положения, выносимые на защиту:**

1. Злоупотребление при несостоятельности (банкротстве) – это самостоятельная форма правомерного, но нежелательного, недобросовестного поведения, в рамках которой участники процедуры банкротства, искажая назначение норм Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»,

используют их для удовлетворения собственных потребностей без учета прав и интересов иных лиц.

Такая форма недобросовестного поведения согласно пункту 1 статьи 10 ГК РФ является «иной формой», то есть непоименованной в данной статье, что объясняется рядом причин.

Во-первых, процедура банкротства характеризуется множественностью участников, вовлеченных в правоотношение, что формирует незаинтересованность в соблюдении установленного порядка при удовлетворении своих требований. Ограниченность ресурса для удовлетворения собственного интереса порождает правовой эгоизм, внешне проявляющийся в недобросовестном поведении. В этом состоит отличие злоупотребления при банкротстве от осуществления гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу (шиканы).

Во-вторых, в отличие от действий в обход закона злоупотребление при банкротстве представляет собой правомерное поведение. Участники заинтересованы в том, чтобы их недобросовестное поведение было обосновано с точки зрения права, а потому признак противоправности (как при обходе закона) отсутствует. Норма статьи 10 ГК РФ сформулирована таким образом, что поведение, соответствующее пункту 1 статьи 10 ГК РФ, влечет полный или частичный отказ в судебной защите права и иные предусмотренные законом последствия.

Иными словами, подобное поведение субъекта правомерно, но более не защищено, поскольку форма его внешнего выражения недопустима.

2. Злоупотребление при банкротстве не является прямым намерением лица причинить вред другому лицу. Это «побочный эффект», но не самоцель такого поведения. Причинение вреда – это не признак злоупотребления при банкротстве, а условие применения (или неприменения) средства противодействия такому поведению. В рамках процедуры банкротства лицо действует недобросовестно, поскольку намерено удовлетворить свой личный интерес, а к интересам остальных участников относится безразлично.

3. Процедура несостоятельности (банкротства) – это сложный механизм достижения баланса разнонаправленных интересов участников, вовлеченных в данный процесс.

Указанный механизм выполняет двойную функцию: с одной стороны, это устранение ненадежных и нестабильных элементов, создающих ситуацию повышенного риска для остальных участников гражданского оборота; с другой стороны, – восстановление положения тех субъектов, которые в силу определенных обстоятельств испытывают финансовые сложности, но потенциально способны быть активными участниками гражданского оборота.

В связи с этим требуется строго дифференцированный подход при инициировании процедуры банкротства.

Основным условием для обращения в суд с заявлением о признании должника банкротом следует признать длительность неисполнения обязательства, при этом продолжительность указанного периода должна зависеть от фигуры должника: для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей срок должен быть дольше, чем для физических лиц, не имеющих статуса индивидуального предпринимателя.

Выбор процедуры, которая может быть применена в рамках процесса, должен зависеть от суммы образовавшейся к указанному периоду времени задолженности: при одном значении это только такие стабилизационные процедуры, как финансовое оздоровление, внешнее управление, реструктуризация долга; при превышении порогового значения возможно обращение к ликвидационным процедурам – конкурсному производству и реализации имущества должника. Возможность заключения мирового соглашения при этом не может быть ограничена суммой задолженности.

Предложенный подход детерминирован особенностями фигуры самого должника: физическое лицо, не являющееся индивидуальным предпринимателем, как правило, не обладает дополнительными источниками дохода, в связи с чем период накопления задолженности для него должен быть сокращен по сравнению с таким же периодом для юридического лица, а при банкротстве некоторых

юридических лиц (например, сельскохозяйственных производителей) необходимо учитывать и зависимость производственного цикла от сезона и природных условий.

4. Отказ в судебной защите (универсальное последствие установления недобросовестного поведения) представляет собой не самое эффективное средство защиты от злоупотреблений при несостоятельности.

Основное средство противодействия – это лишение правового значения последствий такого поведения (желаемых результатов). Согласно пункту 2 статьи 10 ГК РФ указанная мера относится к категории «иные меры, предусмотренные законом».

На практике это выражается в возможности инициирования процедуры банкротства (когда формальные признаки не соблюдены, но фактически должник является несостоятельным), применения односторонней реституции при недействительности сделки, отказа во включении требований недобросовестного кредитора, понижения очередности включаемого требования и т.п.

5. Типология злоупотреблений при банкротстве может быть раскрыта через категории формы и вида недобросовестного поведения при несостоятельности. Форма – это внешнее выражение злоупотребления при несостоятельности. Вид указывает на структурную единицу механизма банкротства.

Виды злоупотреблений можно классифицировать по двум основаниям: по субъекту злоупотребления и по этапу процедуры, на котором злоупотребление совершено. При этом этап не тождественен стадии банкротства, поскольку не ограничен рамками возбужденного дела о несостоятельности, а охватывает любые действия, совершаемые заинтересованными лицами как до возбуждения дела о несостоятельности, так и в его процессе.

В зависимости от этапа совершения соответствующего действия необходимо выделить следующие виды злоупотреблений: 1) при инициировании банкротства; 2) на первой стадии рассмотрения дела о несостоятельности; 3) на иных стадиях возбужденного дела о несостоятельности, помимо конкурсного

производства и мирового соглашения; 4) в рамках конкурсного производства; 5) при реализации имущества должника; 6) при заключения мирового соглашения.

В зависимости от субъекта совершения злоупотребления при банкротстве могут быть выявлены следующие виды, каждый из которых может быть представлен несколькими подвидами:

1) злоупотребление должника (должника – гражданина; контролирующего должника лица; собственника имущества должника; иных органов юридического лица);

2) злоупотребление арбитражного управляющего;

3) злоупотребление кредиторов должника (реестровых кредиторов, в том числе отдельного кредитора, группы кредиторов, комитета или собрания кредиторов; текущих кредиторов должника);

4) злоупотребления иных лиц, участвующих в деле о банкротстве;

5) злоупотребления третьих лиц, вовлеченных в процедуру банкротства (аффилированного с должником лица, связанного с должником узами родства или свойства; аффилированного с должником лица, не связанного с ним узами родства или свойства; иного третьего лица, не связанного с должником, а действующего в собственных интересах или в интересах иных участников);

6) злоупотребления иных лиц, привлеченных для работы в рамках процедуры несостоятельности (представителя участника процедуры банкротства; эксперта или специалиста; иного лица).

Каждый предложенный вид может быть реализован посредством определенной формы недобросовестного поведения при банкротстве. Анализ судебной практики и положений специального законодательства позволяет выделить следующие формы злоупотреблений при банкротстве: а) сделка (универсальная форма); б) вывод активов; в) манипулирование механизмом торгов; г) акт недобросовестной конкуренции; д) погашение задолженности третьим лицом; е) манипулирование преимущественным правом; ж) преднамеренное банкротство; з) контролируемое банкротство.

6. Вопреки закреплению термина преднамеренного банкротства в административном и уголовном законодательстве истоки данной конструкции поведения следует искать в нормах гражданского права. Тождество терминов в таком случае отнюдь не означает тождества определяемых понятий.

Разница между уголовно и административно наказуемыми деяниями и злоупотреблением при банкротстве заключается в том, что в рамках злоупотребления недобросовестный субъект не создает намеренно ситуацию невыполнения требований кредиторов. Подобная ситуация складывается в процессе обычной хозяйственной деятельности и может уже иметь место (но при этом контрагентом выступает дружественное лицо либо должник фактически способен исполнить обязательство). Более того, она может быть искусственно созданной на основании несуществующего обязательства должника (номинального обязательства или фактически исполненного обязательства, которое используется как неисполненное для инициирования процедуры банкротства).

Теоретическая и практическая значимость исследования. Теоретическая значимость работы заключается в выявлении сущности злоупотребления при несостоятельности (банкротстве) и основных его признаков с учетом институционального применения. Особое значение имеет сформулированный диссертантом персонифицированный подход как к самой процедуре несостоятельности в качестве инструмента достижения определенных целей и решения задач, так и к механизму противодействия особо вредоносному недобросовестному поведению, проявляемому в рамках несостоятельности.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в возможности использования его основных положений в области регулирования отношений, связанных с несостоятельностью (банкротством). Сформулированные в исследовании выводы имеют прикладное значение для эффективного разрешения локальных вопросов, возникающих на практике, и могут быть применены в деятельности хозяйствующих субъектов, в правоприменительной практике российских судебных органов, а в последующем имплементированы в

нормы законодательства с целью его совершенствования. Предложенные идеи также могут быть отражены в научных исследованиях в рамках гражданского и предпринимательского права. Результаты диссертации могут быть использованы в процессе преподавания учебных дисциплин по специальности 12.00.03.

Апробация результатов исследования отражена в публикациях диссертанта, в выступлениях на профессиональных и научных конференциях (Ежегодной конференции аспирантов и молодых ученых Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации «Формирование и развитие научно-правовых концепций (федеральное государственное научно-исследовательское учреждение «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», 28 апреля 2015 г.), Ежегодной конференции аспирантов, соискателей и молодых ученых «Национальное и международное право: проблемы преодоления коллизий» (федеральное государственное научно-исследовательское учреждение «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», 29 апреля 2016 г.), XII Ежегодных научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся (федеральное государственное научно-исследовательское учреждение «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», 25 октября 2017 г.), VII Международной научно-практической конференции «Право в современном мире» (Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 07 декабря 2017 г.), Международной конференции «Институт несостоятельности (банкротства) в России и зарубежных странах: проблемы эффективности (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 29 марта 2018 г.), заседании секции «Частное право» ученого совета федерального государственного научно-исследовательского учреждения «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации» (федеральное государственное научно-исследовательское учреждение «Институт законодательства и сравнительного

правоведения при Правительстве Российской Федерации», (16 мая 2018 г.)) и при подготовке экспертных заключений для специализированных организаций.

Основные идеи исследования были успешно использованы при судебном рассмотрении отдельных споров в рамках процедуры несостоятельности в профессиональной деятельности таких коммерческих организаций как ООО Юридическая фирма «Абаддир» и ООО «Правовой центр 2М», а также профессиональной деятельности Союза «Саморегулируемой организации арбитражных управляющих субъектов естественных монополий топливно-энергетического комплекса» (Союз СРО «СЕМТЭК»).

Результаты исследования были успешно использованы при проведении семинаров для магистрантов 2 курса в рамках внедрения нового формата интерактивного образования – научно-исследовательских семинаров аспирантов – при реализации магистерской программы «Корпоративный юрист» (кафедра частноправовых дисциплин Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ)¹.

---

¹ URL: <http://www.izak.ru/institute/events/novyy-format-interaktivnogo-obrazovaniya-nauchno-issledovatel'skie-seminary-aspirantov-instituta/> (дата обращения: 20.08.2018 г.).

ГЛАВА 1. ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ): ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

§ 1. Понятие и признаки злоупотребления при несостоятельности (банкротстве)

Точное и неукоснительное следование норме права не всегда означает желательность такого поведения, поскольку любая правовая норма может быть интерпретирована субъектом не в том значении, которое было заложено при ее создании. Искаженное понимание объективной нормы выражается в соответствующем использовании субъективного права, либо правового института или механизма, что, в свою очередь, обуславливает возникновение проблемы злоупотребления таким правом.

В рамках гражданского права (пункт 2 статьи 1 ГК РФ) физические и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Указанная аксиома составляет основу гражданского оборота. Тем не менее действие в своем интересе всегда будет ограничено интересом другого субъекта правовых отношений.

Установление разумного баланса в подобном столкновении интересов участников гражданских отношений является одной из основных задач цивилистики, поскольку служит предотвращению конфликта. Ключевым при этом является принцип добросовестности, который, как правильно указывает А.Е. Егоров, призван сдерживать проявление личного эгоизма там, где этот эгоизм начинает выступать препятствием для жизни социума¹.

Особое значение поиск разумного соотношения разнонаправленных интересов приобретает тогда, когда в правоотношения вовлечены множество участников, а последствия конфликта могут существенно затронуть не только права и интересы его участников, но и иных лиц, связанных с ними косвенно. Наиболее яркий пример – процедура несостоятельности (банкротства).

---

¹ См.: Егоров А.В. Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ: первые шаги реформы // Legal insight. 2013. №2(18). С. 9.

В рамках процедуры несостоятельности баланс интересов приобретает иную природу. Это не только правильное соотношение интереса должника и противопоставленных ему лиц, но и градирование указанного интереса между всеми участниками в зависимости от их статуса и положения в общем механизме банкротства: интересы на различных стадиях (наблюдение, финансовое оздоровление, конкурсное производство и т.п.), интересы различных субъектов (должник, кредитор, собственник имущества и т.п.), интересы различных групп (одна очередь удовлетворения, разные очереди, текущие кредиторы, не вовлеченные в процедуру банкротства, но опосредованно на нее влияющие)¹.

Такое подробное деление в первую очередь направлено на поддержание указанного баланса, поскольку отдельные виды и формы злоупотреблений при несостоятельности – это проявление нарушения баланса внутри процедуры банкротства (вне зависимости от уровня).

Например, каждый кредитор считает для себя возможным получить удовлетворение наравне с иными кредиторами, но объективно в рамках процедуры существует очередность погашения задолженностей, либо лицо может быть заинтересовано в получении какого-либо конкретного имущества должника. Несогласие с установленным порядком погашения задолженности либо процедурой реализации имущества порождает злоупотребление.

Таким образом, сложность заключается не только в множественности участников отношения, но и в многоаспектности самой процедуры.

Сохранение баланса интересов всех участников обусловлено тем, что его нарушение влечет злоупотребления, что, в свою очередь, усложняет процедуру восстановления нарушенных прав тех субъектов, которые не используют подобные методы для удовлетворения своих требований.

Несмотря на то что проблема злоупотребления правом не нова и отдельные дискуссионные аспекты указанной доктрины были основным предметом научных трудов М.М. Агаркова, О.И. Барминой, Л. Васильева, А.В. Волкова, Я.В. Грель, В.П. Грибанова, С.А. Карелиной, А.А. Малиновского, О.А. Поротиковой, С.Д.

---

¹ О необходимости соблюдения баланса интересов см.: Габов А.В. Государство и бизнес в системе правовых координат: Монография. М., 2014. С. 22 – 24.

Радченко, С. Рухтина, М.В. Телюкиной, А. Эрделевского, Я. Янева и многих других ученых, вопросу институционального применения указанной концепции не уделялось должного внимания.

Указанную теоретическую недоработку необходимо устранить ввиду возросшего интереса как к самой процедуре несостоятельности, так и к определению категории недобросовестного поведения ее участников.

Причины существования проблемы недобросовестного поведения могут быть обоснованы с точки зрения объективных и субъективных факторов.

Объективной предпосылкой, как правильно указывает В.М. Пашин, является то, что право, решая поставленную задачу, должно быть не только формально определенным, но и достаточно гибким, а гибкость приводит к неопределенности, которая, в свою очередь, порождает злоупотребление¹. Иными словами, право изначально заключает в себе возможность для варьирования поведения и не может исключать подобной свободы выбора². В противном случае оно не сможет выполнять свою регулятивную функцию. Однако указанная позиция при всей своей рациональности не единственное объяснение недобросовестного поведения.

Объективной причиной является и несовершенство законодательной техники при издании правовых норм, наличие коллизий и пробелов в праве. А.В. Волков указывает, что недобросовестные действия совершаются лицом умышленно в ситуациях правовой неопределенности с использованием формализма и недостатков гражданского права, как то: абстрактность, узость, пробелы, оговорки, ошибки, противоречия правовых норм и договорных условий и т.п.³ Ранее аналогичное мнение было высказано А.М. Васильевым¹, Я.В. Грель², В.П. Грибановым³.

---

¹ См.: Пашин В.М. Институт злоупотребления субъективными правами *de lege ferenda* // Актуальные проблемы гражданского права: сборник статей / под ред. О.Ю. Шиловцова. М., 2003. Вып. 7. С. 31.

² На это указывал Ю.С. Васильев, полагая, что во всех случаях вопрос о злоупотреблении возникает в результате конфликта между внешне правильным использованием правовых возможностей и в сущности аморальным поведением. См.: Васильев Ю.С. Взаимодействие права и морали // Советское государство и право. 1996. №11. С.19.

³ См.: Волков А.В. Понятие «обход закона» в доктрине и практике гражданского права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. №1. С. 75.

Обращаясь к субъективным предпосылкам возникновения указанного явления, необходимо указать, что в основе любого поведения лежит критерий воли, определяющий направление действий. Воля каждого субъекта всегда будет стремиться к удовлетворению собственных потребностей без учета прав и свобод третьих лиц⁴. Внутренний эгоизм, сопряженный с непониманием пределов меры возможного поведения, приводит к тому, что лицо поступает недобросовестно.

Критерий воли субъекта права важен и положен в основу нескольких теорий недобросовестного поведения.

Например, в рамках «теории легальной видимости» недобросовестное действие обосновано с точки зрения направленности воли субъекта на достижение определенного результата. Тогда положения законов вступают в особое отношение, когда видимого нарушения определенных предписаний не происходит, но фактически нарушаются принципы права, страдает юридически признанная свобода других лиц⁵.

«Теория интереса» разъясняет, что злоупотребление правом представляет собой столкновение воли субъекта на определенное поведение и интереса, ради которого предприняты те или иные действия⁶. Лицо злоупотребляет своим правом тогда, когда обращается к нему, не имея интереса в его использовании.

В рамках несостоятельности поведению участников процедуры банкротства нередко свойственны элементы обеих теорий. Например, введение процедур банкротства при обстоятельствах, свидетельствующих об отсутствии у заявителя реального намерения удовлетворения должником его требований; скупка кредитором долгов должника с тем, чтобы заявить о его банкротстве, не имея реальной имущественной заинтересованности в исполнении должником

---

¹ См.: Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки систем категорий теории права. М., 1976.

² См.: Грель Я.В. Злоупотребление сторон процессуальными правами в гражданском и арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2006. С. 4.

³ См.: В.П. Грибанов указал, что нарушение права связано с неверно избранным способом, типом, порядком или средством осуществления права. См.: Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000.

⁴ См.: Кант И., Гегель Г.В.Ф., Шеллинг Ф.В.И. Немецкая классическая философия. Т. 1. М., 2000. С. 701.

⁵ См.: Зайцева С.Г. Злоупотребление правом как правовая категория и как компонент нормативной системы законодательства Российской Федерации. Рязань, 2002. С. 81, 115.

⁶ См.: Гольмстен А.Х. Учение о праве кредитора опровергать юридические акты, совершенные должником в его ущерб. СПб., 1893; Иеринг Р. Интерес и право. Ярославль, 1880. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003592988> (дата обращения: 13.10.2016); Эннекцерус Л. Курс германского гражданского права. Т. 1, полутом 2. М., 1950.

требований, а с целью добиться возбуждения производства по делу о банкротстве либо назначения дружественного управляющего для парализации деятельности должника (захвата бизнеса должника)¹.

Подобные действия основаны на положениях специального законодательства и не представляют собой видимого нарушения («теория легальной видимости»), в то же время субъекты такого поведения не имеют интереса в обращении к указанному правовому институту («теория интереса»).

Так или иначе, объективные и субъективные причины существования проблемы злоупотребления правом – это константы. В таком случае правильным является подход, направленный не на поиск и искоренение причин, а на своевременное обнаружение и предотвращение злоупотреблений.

Общий запрет на недопустимость извлечения выгоды из недобросовестного поведения (пункт 4 статьи 1 ГК РФ) раскрыт в статье 10 ГК РФ «Пределы осуществления гражданских прав». Указанная статья представляет собой правовую проекцию одной из наиболее распространенных теорий недобросовестного поведения – теории пределов осуществления гражданских прав. Основные идеи указанной теории были высказаны советскими цивилистами (М.М. Агарковым, В.П. Грибановым) и подхвачены современными исследователями (А.В. Волковым, О.А. Поротиковой²).

Суть указанной теории заключается в том, что всякое субъективное право, будучи мерой возможного поведения, имеет определенные границы как по своему содержанию, так и по характеру осуществления. Границы представляют собой гарантию равновесия в системе общественных отношений. Выход за его пределы путем использования гражданских прав, равно как и правовых инструментов, институтов, механизмов является злоупотреблением правом³. Думается, что эта теория может быть критерием систематизации различных типов поведения. Прежде всего, это касается разграничения правовых и неправовых поступков, где неправовыми являются те, которые не попадают под нормативное регулирование.

¹ См.: Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. М, 2013.

² См.: Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективными гражданскими правами: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002.

³ См.: Радченко С.Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России. М. Волтерс Клувер, 2010.

Правовые действия могут быть разграничены на правомерные и неправомерные, где неправомерные нарушают границу специализированных и регулятивных правовых норм.

Более четкой идентификации способствуют определенные специфические признаки, позволяющие отграничить одно деяние от их иных видов внутри конкретной системы. Например, степень общественной опасности квалифицирует преступление или проступок (административный, гражданский, дисциплинарный, процессуальный)¹. Гораздо сложнее подобным образом соотнести область правомерного и недобросовестного (злоупотреблений).

Термин «недобросовестное поведение» определяет совокупность форм воплощения такого поведения в жизнь. Само по себе недобросовестное поведение вне какой-либо конкретной формы не может быть отнесено к правомерному либо неправомерному, а потому соотносить необходимо конкретные формы такого поведения.

В исключительных случаях, когда последствия совершенных действий существенным образом нарушают права остальных участников правоотношения, законодатель определяет конкретную форму недобросовестного поведения в качестве правонарушения. Тем самым подчеркивается значимость охраняемого права и опасность последствий совершаемых недобросовестных действий.

Однако это не значит, что любая форма недобросовестного поведения является правонарушением². Указанный вывод приобретает ключевое значение при анализе злоупотреблений при банкротстве.

Формы недобросовестного поведения отражены в пункте 1 статьи 10 ГК РФ. Перечень является открытым и включает в себя как поименованные формы недобросовестного поведения (осуществление прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, ограничение конкуренции, злоупотребление доминирующим положением на рынке), так и иные формы.

¹ См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М., 2004. С. 211; Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник. М., 2002. С. 308, 309.

² Аналогичной позиции придерживается Л. Эннексерус, полагая, что определение неправомерности поведения исходит из его сущности. См.: Эннексерус Л. Курс германского гражданского права: в 1 т. М., 1950. С. 437.

Злоупотребление при банкротстве не может быть отнесено к разновидности какой-либо из поименованных форм недобросовестного поведения ввиду того, что, например, в отличие от шиканы, определяющим критерием которой является цель причинения вреда другому лицу, злоупотребление при банкротстве имеет другую направленность. Цель поведения, когда речь идет о правоотношении, в которое вовлечены множество участников, заключается в максимальном удовлетворении потребностей отдельных субъектов банкротного процесса без учета прав и интересов остальных лиц.

Иными словами, множественность участников исключает цель, характерную для шиканы. Намерение причинить вред другому лицу возникает, когда в отношении вовлечен ограниченный круг субъектов. Неограниченность количества участников, наоборот, обуславливает безразличие к остальным и четкое намерение скорейшего удовлетворения собственного интереса.

В рамках процедуры банкротства интерес у всех разный: у должника – вывести из конкурсной массы ликвидные активы (при их наличии) и освободиться от долгового бремени; у кредиторов – получить максимальное удовлетворение по существующим требованиям¹; у арбитражного управляющего – быстро и эффективно завершить процедуру банкротства и получить причитающееся вознаграждение².

При этом каждый из них исходит из понимания того, что конкурсной массы недостаточно для удовлетворения всех имеющихся требований, а при наличии иных заинтересованных лиц и установленной очередности погашения скопившихся обязательств риск неполучения исполнения возрастает.

Ставя свой интерес выше остальных, недобросовестный участник не имеет цели причинить вред остальным субъектам процедуры банкротства, он относится к интересам других безразлично. Вред (в случае его наличия) становится «побочным эффектом», но не самоцелью поведения.

---

¹ В рамках одного из судебных актов ВС РФ интерес кредитора был раскрыт как намерение прироста имущества за счет конкурсной массы должника. См.: Определение ВС РФ от 29.01.2018 №310-ЭС17-13555 по делу №А14-3727/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Бородкин В.Г. Введение финансового оздоровления и столкновение конкурирующих интересов // Право и экономика. 2014. №11.

Недобросовестное поведение при банкротстве не тождественно злоупотреблению доминирующим положением на рынке либо использованию прав в целях ограничения конкуренции.

Вопреки тому, что указанные примеры недобросовестного поведения указаны в пункте 1 статьи 10 ГК РФ и должны быть расценены как самостоятельные формы, полагаем необоснованным рассматривать их в таком качестве в данном случае.

Доминирующее положение на рынке – это условие, сопутствующее недобросовестному поведению. Оно является таковым как в рамках действий, совершаемых с намерением причинить вред другому лицу, так и при иных формах недобросовестного поведения.

В ходе процедуры банкротства доминирующее положение на рынке может стать благоприятным фактором для совершения действий, направленных на приобретение ликвидных активов должника в рамках реализации имущества (на стадии конкурсного производства) и т.д.

Акт недобросовестной конкуренции определяет мотив поведения, реализуемый в какой-либо форме: злоупотребление при банкротстве, шикана, обход закона и т.д.

Частными примерами недобросовестного поведения при банкротстве являются множественные действия лица против группы участников, производящих или реализующих аналогичную продукцию, по инициированию в отношении них процедуры банкротства.

Таким образом, указанные правовые явления полностью охватываются формами недобросовестного поведения, в том числе, злоупотреблением при банкротстве, а потому не могут быть отождествлены с последней.

Злоупотребление при банкротстве не может быть отнесено к действиям, совершаемым лицом в обход закона. Запрет обхода закона предполагает закрепление в нормах права недопустимости достижения неправомерной цели как самым очевидным способом, так и посредством более сложного алгоритма, формально не нарушающего требования действующего законодательства.

Недобросовестным такое поведение становится тогда, когда действия в обход закона совершаются с противоправной целью. В рамках поведения, направленного на обход закона, индивид создает видимость правомерности своих действий.

Невозможность отождествления действий в обход закона с противоправной целью и злоупотребления при банкротстве обоснована с точки зрения различий не только в цели поведения, но и объективной правомерности такого поведения. Субъекты процедуры банкротства не создают видимость, а действительно используют те или иные механизмы несостоятельности: их поведение направлено на максимально обоснованное с точки зрения норм права изменение режима того или иного имущества или его перераспределение или прекращение обязательств, или достижение иного блага.

Не менее значимым разграничением указанных форм недобросовестного поведения является то, что действия в обход закона с противоправной целью относятся к категории правонарушений. Цель указанных действий включает в себе намерение нарушить норму права, что указывает на неправомерность такого поведения.

В то же время злоупотребление при банкротстве не может быть отнесено к неправомерному поведению. Любое правонарушение характеризуется определенными признаками: это акт волевого, виновного, противоправного и вредного поведения. Неправомерным такое действие становится только в случае совокупности указанных признаков¹.

Действия в обход закона в полной мере отвечают вышеназванным критериям, однако признак противоправности не применим в случае злоупотребления при банкротстве.

Распространенной является позиция, согласно которой злоупотребление правом нарушает норму, закрепленную в пункте 3 статьи 1 ГК РФ. Между тем подобное формальное нарушение не может свидетельствовать о противоправности поведения ввиду нижеследующего.

---

¹ См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Указ. соч. С. 208; Морозова Л.А. Указ. соч. С. 304.

Нормы права, отраженные в статье 1 ГК РФ, представляют собой основные начала гражданского законодательства (принципы, на которых на должны базироваться правовые отношения). В отличие от регулятивных норм, устанавливающих конкретные правила поведения, подобные нормы являются механизмом использования регулятивных норм.

Иными словами, нормы – принципы выполняют двойную функцию: отождествляют представление законодателя о надлежащем гражданском обороте и ориентируют субъектов права при использовании ими предоставленных прав и выполнении обязанностей.

Признак противоправности, характеризующий неправомерное поведение, подразумевает нарушение не всякой нормы, а только регулятивной, то есть нарушение установленного правила поведения. В то же время нарушение принципа, закрепленного в рамках законодательства, не может свидетельствовать о неправомерности.

Настаиваем, что в предложенной позиции кроется основное отличие неправомерного и недобросовестного поведения: в том случае, если поведение нарушает и регулятивную норму, и норму – принцип (основное начало), оно является неправомерным; однако, если поведение нарушает только норму – принцип (основное начало), оно является недобросовестным.

Указанное мнение коррелирует правовой позиции КС РФ¹, а также пункту 4 статьи 1 ГК РФ, в рамках которого незаконное и недобросовестное поведение разграничены.

Таким образом, в качестве признаков злоупотребления при банкротстве необходимо отметить то, что это непоименованная (иная с точки зрения статьи 10 ГК РФ) форма недобросовестного поведения, при этом правомерного, но нежелательного для законодателя и неожиданного для остальных участников гражданского оборота.

---

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 13.02.2018 №8-П "По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "ПАГ" // СПС «КонсультантПлюс».

Поскольку институт банкротства предназначен для безвредного для остальных участников исключения из оборота ненадежного субъекта, недобросовестное поведение вовлеченных участников всегда будет препятствовать исполнению указанной цели либо неоправданно затягивать ее достижение.

Невозможность быстрого и эффективного исполнения предназначения процедуры банкротства обосновывает критерий нежелательности подобного поведения, поскольку каждый участник гражданского оборота заинтересован в исключении из предпринимательской сферы ненадежных контрагентов.

Неожиданность такого поведения обусловлена императивной аксиомой добросовестности любого субъекта правоотношений (пункт 5 статьи 10 ГК РФ). Нарушение указанного предписания всегда будет неожиданным для добросовестной стороны. Аналогичный вывод представлен в пункте 1 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»: оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота¹.

Таким образом, злоупотребление при банкротстве – это непоименованная (иная) форма недобросовестного правомерного поведения.

В качестве очередной отличительной особенности подобного поведения необходимо отметить используемые при такой форме средства противодействия.

Согласно пункту 2 статьи 10 ГК РФ во взаимосвязи с разъяснениями, изложенными в пункте 1 указанного постановления общим последствием установления любой формы недобросовестного поведения является отказ в защите права и применение иных мер, установленных законом.

Связывая данные нормы с позицией ВС РФ о том, что под злоупотреблением правом следует понимать любые негативные последствия,

---

¹ См. также: Эрделевский А.М. О недобросовестности и ее последствиях // Хозяйство и право. 2016. № 9. С. 15.

явившиеся прямым или косвенным результатом осуществления права¹, можно прийти к выводу, что степень опасности конкретной формы недобросовестного поведения определяется уровнем вреда последствий такого поведения.

В рамках процедуры несостоятельности недобросовестное поведение участников направлено на достижение определенного результата (последствия такого поведения), которое может причинить вред остальным участникам процесса несостоятельности.

В таком случае эффективным средством противодействия злоупотреблению при банкротстве является лишение не судебной защиты права, а правового значения последствия осуществления права. Подобная мера относится к категории «иных» с точки зрения пункта 2 статьи 10 ГК РФ.

Например, злоупотребление на этапе инициирования процедуры банкротства может быть проявлено в действиях третьих лиц, направленных на намеренное погашение задолженности фактического банкрота так, чтобы ее размер был ниже пороговой суммы, равной 300 000 руб. (если должник – юридическое лицо). Последствие такого поведения (и одновременно мотив) – невозможность введения процедуры банкротства в отношении лица, которое не способно исполнять свои обязательства, что позволяет такому лицу функционировать и наращивать задолженность (принимая на себя новые обязательства). Поведение, намеренно создающее преграду для вывода из предпринимательского оборота неплатежеспособного контрагента, является злоупотреблением при банкротстве. Последствие такого поведения – оставление в гражданском обороте ненадежного и нестабильного контрагента с многочисленными долгами. Согласно пункту 2 статьи 10 ГК РФ при установлении факта злоупотребления в приведенном примере необходимо ввести процедуру банкротства даже при отсутствии необходимого размера задолженности. В таком случае последствие недобросовестного поведения лица, погашающего задолженность, будет лишено своего правового значения.

---

¹См.: Определение ВС РФ от 14.06.2016 №52-КГ16-4 // СПС «КонсультантПлюс».

Указанная мера при установлении злоупотребления при банкротстве не только отражает специфику подобной формы недобросовестного поведения, но и позволяет эффективно и персонафицированно бороться с его проявлением на практике.

Подобное средство противодействия представляет собой мощный инструмент для применения, а потому требует четкого понимания того, какое последствие недобросовестного поведения допускает возможность его использования.

Примеров негативных последствий злоупотреблений при банкротстве множество, но, как уже было указано выше, их значимость определяется степенью причиняемого вреда.

Степень вреда совершаемого злоупотребления и наличие вреда при злоупотреблении – не тождественные понятия. Негативным последствием злоупотребления при банкротстве может быть нарушение порядка погашения задолженности перед кредиторами, оставление ценного имущества за самим должником за счет введения в процедуру банкротства взаимосвязанных лиц, завершение процедуры банкротства посредством заключения мирового соглашения на необоснованных условиях и т.д. Однако не каждое из указанных последствий влечет причинение вреда другим участникам процедуры несостоятельности.

Поскольку процедура несостоятельности – это механизм нахождения баланса при удовлетворении многочисленных разнонаправленных интересов, в случае злоупотребления правом вред может быть обнаружен только тогда, когда этот баланс нарушен и отдельные интересы остаются неудовлетворенными.

Например, само по себе изменение порядка погашения задолженности перед кредиторами не является вредным, если даже в случае его изменения будут удовлетворены требования всех заявленных лиц. Аналогично не является вредным приобретение самим должником ценного актива, если в конкурсную массу поступит денежная сумма, эквивалентная его рыночной стоимости. В таком случае имеет место злоупотребление правом, негативное последствие, но не

причинение вреда, поскольку в конечном счете баланс интересов сохранен. Иными словами, степень вреда таких действий минимальна и не требует применения особого механизма противодействия.

Однако при неудовлетворении отдельных интересов, когда в результате подобных действия не происходит реального приращения конкурсной массы либо удовлетворение требований всех кредиторов становится невозможным, вред причиняется.

В таком случае вред в рамках злоупотребления при банкротстве – это ситуация неисполнения нормой права своего предназначения и неполучения в связи с этим заинтересованным лицом того, что оно рассчитывало получить, обращаясь к процедуре банкротства.

Лица, злоупотребляющие правами при банкротстве, действуют без намерения причинить вред: они поступают так, потому что безразлично относятся к интересам остальных участников. Вред от недобросовестного поведения при банкротстве – не обязательный его признак, поскольку злоупотребление в рамках несостоятельности не всегда влечет неудовлетворение интересов всех участников. Тем не менее, причинение вреда имеет ключевое значение для использования такого средства противодействия подобному поведению, как лишение последствий такого поведения своего правового значения. Иными словами, критерий вреда становится основополагающим не при идентификации недобросовестного поведения, а при избрании средства противодействия ему.

Резюмируя вышеизложенное, выделим все признаки злоупотребления при банкротстве.

Прежде всего, злоупотребление при несостоятельности представляет собой самостоятельную форму правомерного недобросовестного поведения (то есть нежелательного и неожиданного для остальных участников гражданского оборота, в частности, для участников процедуры банкротства), не поименованную в пункте 1 статьи 10 ГК РФ (иную форму недобросовестного поведения).

Злоупотребление при банкротстве не предполагает намерения лица причинить вред другому лицу или нарушить норму права (в этом заключается

одно из ключевых отличий указанной формы недобросовестного поведения от поименованных форм). В рамках процедуры банкротства лицо действует недобросовестно, поскольку нацелено удовлетворить свой личный интерес, к интересам остальных участников несостоятельности оно при этом относится безразлично. Такие субъекты обращаются к нормам Закона о несостоятельности, искажают их значение и используют их для достижения определенного результата (последствия поведения).

Последствие злоупотребления при банкротстве может быть разного уровня вреда. Для идентификации поведения в качестве злоупотребления при банкротстве установления наличия вреда не требуется, поскольку вред является «побочным эффектом», но не его самоцелью. Небольшая степень вреда не исключает факта недобросовестности, но предопределяет необходимость (либо ее отсутствие) применения мер противодействия выявленному злоупотреблению при банкротстве.

Высокий уровень вреда от злоупотребления при банкротстве позволяет применить к уличенному субъекту иные средства, установленные законом. Учитывая, что недобросовестное поведение при несостоятельности направлено на достижение определенного результата (последствие такого поведения), наиболее эффективным средством противодействия является лишение последствий такого поведения их правового значения. Подобное средство противодействия позволяет своевременно и эффективно реагировать на все недобросовестные проявления в рамках процедуры банкротства.

На основе предложенных признаков указанной формы недобросовестного поведения раскроем понятие злоупотребления правом при банкротстве. Злоупотребление правом при несостоятельности (банкротстве) представляет собой самостоятельную форму правомерного и нежелательного недобросовестного поведения, в рамках которой участники процедуры банкротства, искажая назначение норм Закона о несостоятельности, используют их для удовлетворения собственных потребностей без учета прав и интересов остальных лиц.

§ 2. Генезис института злоупотребления правом по делам о несостоятельности (банкротстве)

Исследование недобросовестного поведения имеет длительную историю – истоки ее зарождения обнаруживаются в отдельных казусах, рассматриваемых римскими юристами; свое дальнейшее развитие она получила в Средние века, Новое и Новейшее время.

Уголовно-правовая плоскость долгое время была основной сферой использования теории недобросовестного поведения, как в рамках национального, так и зарубежного законодательства (Русская Правда, Германское уголовно-судебное уложение – Каролина 1533 г., Ордонанс Виллер-Котре 1539 г., Декрет против спекуляций 1793 г.¹) вплоть до принятия Декларации прав и свобод человека и гражданина 1789 г.

На всем протяжении исторического развития до этапа Новейшего времени концепция недобросовестного поведения (в том числе применительно к институту банкротства) не рассматривалась в качестве самостоятельного правового явления, а потому могла проследиваться только в рамках отдельных правовых вопросов.

Тем не менее, несмотря на отсутствие теоретического обоснования недобросовестного поведения при несостоятельности, нормативное регулирование имело место.

Так, Русская Правда закрепила два вида несостоятельности: объективную несостоятельность (связанную с внешними факторами и не зависящими от действий банкрота: «Если же какой-либо купец, отправившись с чужими деньгами, где-нибудь потерпит кораблекрушение или подвергнется нападению неприятеля, или (его) настигнет пожар...») и субъективную несостоятельность (результат поведения должника: «...если же он пропьяется или проиграется, в безумии нанеся ущерб чужому товару...»). В первом случае должник был поставлен в более льготное положение, поскольку порядок выплаты

---

¹ См.: Малиновский А.А. Злоупотребление правом. М., 2002. С. 7, 9-11; Кашайкина О.Г. Особенности криминального банкротства в истории отечественного уголовного законодательства (XIX-XX вв.) // История государства и права. 2014. №5.

задолженности полностью зависел от его воли, при этом его имущество не могло быть подвержено продаже. В случае субъективной несостоятельности порядок расчетов определялся волей кредиторов такого должника, которые, в том числе, могли обратить взыскание на его имущество.

В качестве злоупотребления приведено такое поведение лица, которое обладая признаками несостоятельности, скрывает этот факт от контрагента, который не знает и не может знать о финансовой нестабильности такого лица, заключает с таким контрагентом сделку без намерения ее исполнения («Если какой-либо должен будет многим, а крупный иногородний или чужеземный купец приехав, не зная этого, отдаст ему товар, а (тот) не захочет отдавать купцу деньги...»)¹.

Думается, что подобное регулирование считалось эффективным для своего времени, поскольку было воспроизведено с некоторыми изменениями в Судебнике Ивана III 1497 г. и Соборном уложении 1649 г.

Так, Судебник Ивана III 1497 г. уточнял, что в случае объективной (безвиной) несостоятельности такому должнику выдается «грамота», закрепляющая, что задолженность может быть погашена в рассрочку и без процентов, а в случае субъективной (виновной) несостоятельности – должник переходит в кабалу к своему кредитору².

В свою очередь, Соборное уложение 1649 г. ограничивало срок исполнения долговых обязательств, устанавливая, что рассрочка платежа не может превышать 3х лет³.

Однако как указывают исследователи (О.Г. Кашайкина, Т.П. Мельник) к XVIII в. Прежняя система норм уже не отвечала изменившимся экономическим реалиям и требовала замены, поэтому на протяжении всего XVIII в. Имели место настойчивые попытки создать новую правовую базу в данной сфере отношений. И хотя они потерпели неудачу, тем не менее, они подготовили необходимую

---

¹ См.: Черепнина Л.В. Памятники русского права. Вып. 4, Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства, XV-XVII вв. М., 1956. С. 232 – 261.

² См.: Греков Б.Д. Судебники XV-XVI веков. М., 1952.

³ См.: Тихомиров М.Н. Соборное уложение 1649 года: Учебное пособие для высшей школы. М, 1961.

почву для настоящего прорыва в правовом регулировании несостоятельности, который произошел в XIX веке¹.

Здесь следует отметить, что А.Х. Гольмстен позже отметил, что в условиях того времени дальнейшее развитие законодательства о банкротстве могло происходить по трем направлениям: иностранное, национальное самобытное и канцелярско-кодификационное². Иностранное направление заключалось в адаптации к российским условиям норм иностранных конкурсных законов – в первую очередь это касалось тех процедур, в которые были вовлечены иностранные кредиторы. Национально-самобытное развитие заключалось в себе идею закупничества, когда должника передавали кредитору, которому он должен был отработать свой долг³.

Третье направление (канцелярско-кодификационное) состояло в разработке конкурсных уставов. Следуя данному пути необходимо отметить особый памятник законодательства, посвященный институту банкротства – Устав о банкротах 1880 г., соединивший в себе нормативное наследие предыдущих актов и воплотивший принципиально новые тенденции, отвечавшие реалиям общественной жизни того времени.

Банкротом считалось лицо, которое «не может сполна заплатить своих долгов». Невозможность заплатить по долгам могла возникнуть либо в силу объективных причин («несчастливая» несостоятельности) либо в силу субъективных причин («неосторожная», «злостная» несостоятельность).

Устав 1800 г. различал виды банкротства в зависимости от субъекта: несостоятельность купеческая (торговая) и неторговая (дворян и чиновников), каждая из которых была урегулирована специальными постановлениями.

Кредиторам должника уделялось особое внимание – одна из важнейших особенностей Устава 1800 г. Кредиторы определяли юридическую судьбу должника и определяли правовую оценку банкротства (является ли оно

---

¹ См.: Кашайкина О.Г. Особенности криминального банкротства в истории отечественного уголовного законодательства (XIX – XX вв.) // История государства и права. 2014. №5. С. 37.

² См.: Гольмстен А.Х. Исторический очерк русского конкурсного процесса. СПб., 1888. С. 7,8.

³ См.: Мельник Т.П. Хронологические аспекты отношений несостоятельности (банкротства) в дореволюционной России // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2006. №3. С. 21, 22.

неосторожным или злостным), а также назначали размер ежегодных выплат. Суд был связан указанным мнением и обязан был на него опираться¹.

В дальнейшем первая часть Устава 1800 г. была изменена в рамках Устава 1832 г. Главным отличием являлось то, что воля кредитором в рамках Устава 1832 г. перестала быть обязательной для судебного органа (то есть носила рекомендательный характер).

Тем не менее, в отличие от Русской Правды, последующие нормативные источники не закрепляли каких-либо иных примеров злоупотреблений при несостоятельности.

Параллельно с национальным реформированием формировалось нормативное регулирование на международной арене. С принятием Декларации прав и свобод человека и гражданина 1789 г. область применения концепции недобросовестного поведения была расширена.

Взаимосвязанные положения статей 4 и 11 Декларации прав и свобод человека и гражданина 1789 г. закрепили понятие недобросовестного поведения в более современном его значении. Злоупотребление теперь не было ограничено рамками уголовно-правовой сферы и означало такое поведение, которое причиняет вред другому лицу и недопустимость которого определена законом.

С 1845 г. до 1922 г. фактически процедура банкротства была под запретом. За это время была разработана строгая система наказаний для лица, решившего воспользоваться процедурой несостоятельности (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Уголовное уложение 1903 г., частично Гражданский кодекс РСФСР 1922 г.). По этой причине проблеме недобросовестного поведения при банкротстве долгое время не уделялось должного внимания.

Диссертант полагает, что отношение к процедуре банкротства, господствующее в настоящее время, отчасти определяется условиями становления и развития указанного института.

---

¹ См.: Полное Собрание Законов Российской Империи (Собрание первое). СПб., 1830.

На протяжении долгого периода времени регулирование процедуры банкротства осуществлялось только на бумаге: плановость экономики, стабильная финансовая поддержка и отработанный механизм санации со стороны государства – три столпа, поддерживающие средние и крупные предприятия и исключаяющие необходимость обращения к несостоятельности.

С переходом к рыночному механизму экономика государства была лишена своей опоры и в такое время процедура банкротства могла предотвратить кризисные явления и поддержать незащищенные или финансово ослабленные предприятия. Экономическая основа государства была лишена своей опоры, а потому могла рухнуть в любой момент. Именно в этот момент процедура банкротства могла проявить все свои достоинства, предотвратить кризисные явления и поддержать предприятия, лишенные былой поддержки.

Однако неподготовленность российских предприятий к новому укладу и необходимость использования малоизученного механизма несостоятельности способствовали не только повышению значимости последнего, но и росту злоупотреблений при обращении к нему.

Поскольку подъем активности обращения к процедуре несостоятельности был в первую очередь связан с необходимостью избавления от неликвидных организаций и сохранения более устойчивых и эффективных предприятий, это отразилось на формировании отношения субъектов частного сектора к процедуре банкротства. По их мнению, процедура несостоятельности – это не просто средство решения их проблем, а механизм устранения наиболее слабых, то есть тех, кто не смог найти иные способы сохранения своей платежеспособности и своих активов.

Сменявшие друг друга нормативные правовые акты, регулирующие указанный механизм, подтверждали факт усложнения отношений в рамках процедуры и появления новых, все более изощренных форм злоупотреблений (Закон о несостоятельности 1992 г., Закон о несостоятельности 1998 г. и действующий Закон о несостоятельности 2002 г.).

Тем не менее законодательство не способно опередить быстро меняющиеся правовые отношения, а потому дальнейшее изучение злоупотреблений при банкротстве происходило в рамках ключевых позиций судебных органов.

Анализ основополагающих решений высших судебных инстанций позволяет заключить, что злоупотребление при банкротстве на протяжении долгого времени воспринималось исключительно с точки зрения такого поведения, которое выражено в заключении необоснованных сделок.

Иными словами, указанная форма недобросовестного поведения была необоснованно сужена.

Пункт 10 постановления Пленума ВАС РФ от 30.04.2009 г. №32 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» указывает, что недопустимость злоупотребления гражданскими правами (пункт 1 статьи 10 ГК РФ) означает возможность признания сделки, направленной на нарушение прав и законных интересов кредиторов (в частности, на уменьшение конкурсной массы или отчуждение имущества должника по заведомо заниженной цене), недействительной¹. При этом, как правило, лицом, злоупотребляющим своими правами, является сам должник.

Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» содержит только одно указание, связанное с недобросовестным поведением при банкротстве, и заключается оно в возможности оспаривания сделок, где установлен факт злоупотребления правом, как по общим основаниям (ГК РФ), так и по специальным (Закон о несостоятельности)².

Аналогично постановление Президиума ВАС РФ от 22.03.2011 г. № 14995/10 по делу № А50-39013/2009 отождествляет злоупотребление при

---

¹ Вестник ВАС РФ. 2009. № 7.

² Вестник ВАС РФ. 2011. № 3.

банкротстве с действиями должника по отчуждению имущества в преддверии банкротства¹.

Только в рамках постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» была отмечена возможность злоупотребления правом арбитражным управляющим. Это касалось тех ситуаций, когда полномочия арбитражного управляющего исполняет лицо, в компетенции, добросовестности и независимости которого у суда имеются существенные и обоснованные сомнения².

Однако это не способствовало изменению сложившейся тенденции отождествления вопроса злоупотреблений исключительно с оспариванием сделок должника. Отнесение вопроса злоупотребления при банкротстве к определенной категории споров – обжалованию сделок должника – открыло достаточно широкие возможности для обжалования подобных действий на практике.

Не умаляя значение вышеуказанных судебных позиций, тем не менее некорректно полагать, что злоупотребление при банкротстве может быть выражено только в одной области.

Институт оспаривания сделок в рамках процедуры банкротства, безусловно, является основной составляющей недобросовестного поведения при несостоятельности, а потому требует к себе особого внимания. В то же время это только часть целого механизма, и на каждом этапе могут быть обнаружены злоупотребления.

Необходимо отметить, что до 2016 г. в судебной практике едва ли можно обнаружить решения, которые рассматривали бы вопрос злоупотреблений иных лиц – участников банкротной процедуры. Диссертантом проанализировано свыше 200 судебных актов, среди которых обнаружен лишь один, в котором рассматривался вопрос о недобросовестном поведении арбитражного

---

¹ Вестник ВАС РФ. 2011. № 6.

² Вестник ВАС РФ. 2012. № 8.

управляющего¹, и один – о недобросовестном поведении представителя работников должника². Отсутствие судебных позиций по иным вопросам злоупотреблений при банкротстве (чем вопросы оспаривания сделок должника) дополнительно подтверждает то, что изначально правоприменителем был избран слишком узкий подход к исследуемому явлению.

С одной стороны, это позволило углубить и детализировать знание о такой форме злоупотребления при банкротстве, как необоснованная сделка. Так, были предложены прогрессивные выводы относительно значимости воли сторон при оценке их действий в качестве недобросовестных, поскольку, как указал суд в одном из решений, отсутствие у сторон намерения исполнить принятые обязательства, а также заведомая неисполнимость сделки свидетельствует о том, что должник злоупотребляет своими правами³.

Особое внимание уделено критерию разумности действий контрагентов, поскольку в рамках одного из дел было установлено, что условия договора, определяющие предоставление одной из сторон, существенно превышающее встречное предоставление или обычную рыночную цену, уплачиваемую в подобных случаях, может свидетельствовать о недобросовестном поведении, являющемся основанием для признания сделки недействительной⁴.

Не менее значимым является вывод о необходимости подробного анализа причин обращения должника к процедуре несостоятельности, поскольку, как было указано в одном из решений, безвозмездное отчуждение предпринимателем в предбанкротный период единственного имеющегося у него ликвидного имущества члену своей семьи при наличии существенной задолженности по

---

¹ См.: Постановление Пленума ВАС РФ от 12.11.2013 г. № 7473/13 по делу № А56-34688/2012 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 4.

² См.: Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 11.12.2013 по делу №А27-7188/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Постановление Пленума ВАС РФ от 13.09.2011 №1795/11 по делу №А56-6656/2010 // Вестник ВАС РФ. 2011. №12.

⁴ См.: Постановление Пленума ВАС РФ от 11.02.2014 №13846/13 по делу №А19-2903/10-58 // СПС «КонсультантПлюс».

обязательствам указывает на наличие в действиях лица признаков злоупотребления правом¹.

И разумеется, нельзя обойти вниманием тот факт, что именно благодаря судебным позициям в пункте 1 статьи 61.1 Закона о несостоятельности появилась норма о возможности оспаривания сделок должника как по общим (ГК РФ), так и по специальным основаниям (Закона о несостоятельности)².

С другой стороны, существенным недостатком такого подхода является необоснованное игнорирование иных проявлений злоупотребления при банкротстве: иными участниками и на иных этапах.

Вышеприведенный пример о наличии в судебной практике дел о рассмотрении споров о недобросовестном поведении арбитражного управляющего может быть обоснован ссылкой на пункт 56 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 №35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» и статью 20.4 Закона о несостоятельности. Данные нормы являются основанием для привлечения конкретного участника процедуры банкротства (арбитражного управляющего) к специальной ответственности. Возможность привлечения иных участников не предусмотрена.

Иными словами, рассмотрение споров с другим лицом, помимо должника, было связано не с расширением области применения такой формы недобросовестного поведения, как злоупотребление при банкротстве, а с наличием специального правового института.

Однако несмотря на возможность противодействия в том числе недобросовестному поведению арбитражного управляющего на основании специальной нормы, эффективность ее применения на практике минимальна³, что подтверждается судебными решениями Арбитражного суда Московской области,

---

¹ См.: Постановление Пленума ВАС РФ от 27.07.2011 №3990/11 по делу №А10-1176/2010 // Вестник ВАС РФ. 2011. №11.

² См.: Федеральный закон от 28.04.2009 №73-ФЗ «О внесении изменения в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Уксусова Е.Е. Конкурсное судопроизводство и «мини-производство» на примере обжалования действий (бездействия) арбитражного управляющего // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. №7.

Арбитражного суда Северо-Западного округа, Арбитражного суда Уральского округа¹.

Таким образом, узость подхода к использованию концепции недобросовестного поведения в рамках банкротства и отождествление последней только с институтом оспаривания необоснованных сделок должника долгое время препятствовали детальному изучению указанной формы недобросовестного поведения, когда субъектом выступал иной участник процедуры, помимо должника. Кроме того, подобное отношение правоприменителей делало невозможным изучение сущности иных форм злоупотребления при банкротстве, помимо сделки.

Вышеотмеченные недостатки представляются существенными, поскольку урон от действий иных лиц может быть более масштабным, а затянутость сроков обнаружения злоупотребления может свести на нет применение всех правовых средств противодействия такому поведению.

В 2016 году благодаря ключевым позициям Экономической коллегии Верховного Суда РФ позиция судебных органов стала меняться. Так, в рамках определения ВС РФ от 16.06.2016 №302-ЭС16-2049 по делу №А33-20480/2014 был исследован вопрос недобросовестного поведения третьего лица в рамках процедуры банкротства. Третье лицо пыталось включиться в процедуру несостоятельности должника посредством погашения суммы основного долга одному из его кредиторов. Кредитор с таким поведением был не согласен и оспорил решение апелляционной и кассационной инстанций (первая в осуществлении замены лица отказала). Верховный Суд РФ определил, что действия третьего лица фактически направлены на принудительный выкуп отдельных требований к должнику в целях получения либо контроля над ходом процедуры банкротства, либо дополнительных голосов на собрании кредиторов без несения дополнительных издержек, указанное поведение представляет собой

---

¹ См.: Решение Арбитражного суда Московской области от 18.12.2009 по делу №А41-36068/09 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 30.01.2017 №Ф07-12872/2016 по делу №А52-4273/2015 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26.01.2017 №Ф09-10626/16 по делу №А07-8372/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

пример злоупотребления правом, в связи с чем третьему лицу необходимо отказать в осуществлении правопреемства¹.

Аналогично в 2016 году был разрешен иной спор о недобросовестном поведении третьего лица, но уже на этапе инициирования процедуры банкротства. В отношении потенциального должника несколько раз были поданы заявления о признании его банкротом, однако третье лицо (предполагается, аффилированное с должником) погашало долги перед кредиторами таким образом, что совокупный размер требований снижался до 299 тыс. руб., то есть становился ниже «пороговой» суммы. Верховный Суд РФ расценил такое поведение как злоупотребление правом. Позиция была обоснована тем, что поскольку предоставляемая кредиторам возможность инициирования процедуры несостоятельности является одной из форм защиты права на получение от должника причитающегося надлежащего исполнения, правило о минимальном пороговом значении размера учитываемого требования (300 тыс. руб.) необходимо рассматривать как разумное ограничение пределов реализации указанного способа защиты. Вместе с тем такое ограничение, будучи обусловленным незначительностью размера требования к должнику, не должно освобождать последнего от введения процедуры несостоятельности при наличии сведений, очевидно указывающих на неплатежеспособность должника, то есть на прекращение исполнения им денежных обязательств².

Предложенные позиции не только указали на необходимость анализа поведения иных участников с точки зрения добросовестности, но и стали толчком к новому пониманию изучаемого явления. Теперь в практике нижестоящих судов чаще встречаются вопросы, связанные с рассмотрением, например, поведения кредиторов должника³ либо уполномоченных органов⁴ на предмет наличия в их действиях злоупотреблений в рамках процедуры банкротства.

---

¹ СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Определение ВС РФ от 15.08.2016 №308-ЭС16-4658 по делу № А53-2012/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.06.2017 № Ф05-11678/2016 по делу № А40-174124/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.02.2016 № 13АП-31634/2015 по делу № А21-4330/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно выделить ряд ключевых выводов о развитии такой формы недобросовестного поведения, как злоупотребление при несостоятельности (банкротстве):

– проблема недобросовестного поведения возникла еще в эпоху Древнего мира и получила свое дальнейшее развитие в Средние века, Новое и Новейшее время; на протяжении долгого времени она не рассматривалась в качестве самостоятельного правового явления, а потому разрешалась в рамках отдельных правовых вопросов;

– отсутствие должной теоретической разработанности не мешало ее нормативному регулированию, в том числе, в рамках банкротства;

– Русская Правда и последовавшие за ней источники права не только закрепляли пример недобросовестного поведения при несостоятельности, но и определяли порядок противодействия подобному явлению на практике;

– с начала XIX в. до конца XX в. процедура банкротства была фактически под запретом в связи с особенностями экономического развития страны;

– в условиях жесткой борьбы субъектов среднего и крупного бизнеса за рынок процедура банкротства была воспринята (и такое восприятие сохранилось до настоящего времени) не как средство бесконфликтного избавления от неликвидных контрагентов, предотвращающее кризисные явления в стране, а как способ ликвидации слабых предприятий, не способных применить иные средства для сохранения своих активов и платежеспособности;

– изменения, вносившиеся в законодательство, свидетельствовали об усложнении банкротных отношений и необходимости обращения к судебной практике при поиске ответов на наиболее сложные вопросы;

– высшие судебные инстанции, а вслед за ними и нижестоящие суды избрали путь отождествления недобросовестного поведения при банкротстве с институтом оспаривания сделок должника. Несмотря на все достоинства избранного пути, главным его недостатком является неоправданное сужение сферы применения такой формы недобросовестного поведения, как злоупотребление при банкротстве;

– изменение указанной недоработки было отмечено в 2016 году, когда высшая судебная инстанция высказала позицию о возможности обнаружения недобросовестного поведения не только у должника и не только в рамках заключения сделок;

– судебная практика быстро развивается в части исследования злоупотреблений при банкротстве, тем самым позволяя законодателю эффективно реформировать действующие нормы, а теоретикам разрабатывать новые подходы, средства и способы своевременного обнаружения такого поведения на практике.

§ 3. Виды и формы злоупотреблений при несостоятельности (банкротстве)

Процедура несостоятельности многоаспектна не только с точки зрения количества вовлеченных участников, но и множественности стадий и отдельных этапов, которые необходимо преодолеть для достижения конечного результата. Такой многоуровневый механизм может быть эффективным только в том случае, если все его участники стабильны. Однако добиться этого на практике крайне сложно. Во-первых, множественность интересов порождает глобальный конфликт, в рамках которого стороны не всегда готовы к компромиссным решениям; во-вторых, невозможность установления злоупотребления на более раннем этапе нередко влечет утрату возможности защиты нарушенных прав. Диссертант полагает, что злоупотребления при банкротстве требуют классификации, что не только позволит систематизировать полученные данные, но и станет вспомогательным инструментом для своевременного обнаружения злоупотреблений.

Для дальнейшего рассмотрения указанного вопроса следует определиться с терминологией: формой определяется внешнее выражение злоупотреблений при несостоятельности, вид указывает на структурную единицу механизма банкротства.

Первоначальным основанием для классификации является этап процедуры банкротства. Использование термина «этап» необходимо во избежание смешения

понятий «этап механизма банкротства» и «стадия банкротства», поскольку указанные категории не тождественны друг другу.

Стадия процедуры банкротства определяет установленный законом период в рамках возбужденного дела о несостоятельности: начало и окончание каждого периода отмечено соответствующим судебным актом. Каждая стадия регламентирована определенной главой Закона о несостоятельности, в рамках которой отражены права и обязанности участников процесса. Стадиями процедуры банкротства являются наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление, конкурсное производство и мировое соглашение.

Этап механизма банкротства не ограничен рамками возбужденного дела о несостоятельности, а охватывает любые действия, совершаемые заинтересованными лицами как до возбуждения дела о несостоятельности, так и в его рамках.

Необходимость разграничения стадии и этапа продиктована тем, что злоупотребления не связаны рамками стадии, нередко чаще проявляя себя внутри одной из них.

Первый этап – инициирование процедуры банкротства, когда действия направлены на выполнение условий, необходимых для возбуждения дела о несостоятельности (период неплатежеспособности, сумма долга и выполнение иных условий в случае необходимости).

Второй этап – первая процедура, применяемая в рамках возбужденного дела о банкротстве. В настоящее время таковой является обязательная с точки зрения Закона о несостоятельности процедура наблюдения, когда изучается финансовое состояние должника, решается вопрос о переходе в дальнейшую стадию и все заинтересованные контрагенты оповещаются о наличии потенциальной угрозы неисполнения обязательств перед ними. В науке и практике неоднократно поднимался вопрос о неэффективности указанной стадии, в связи с чем в Государственную Думу РФ был внесен законопроект о ее упразднении¹. Какая бы

---

¹ См.: Проект федерального закона № 239932-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части процедуры реструктуризации долгов в делах о банкротстве юридических лиц» // СПС «КонсультантПлюс».

процедура ни следовала за принятием заявления о признании должника банкротом, она будет считаться первой, и именно с нее начинается производство по делу, а потому первый и второй этапы всегда последовательны, поскольку процесс подготовки к процедуре банкротства предшествует ее официальному старту.

Третий этап является факультативным – это переход на любую иную стадию, кроме конкурсного производства и мирового соглашения. В настоящее время в рамках Закона о несостоятельности предусмотрено три подобных стадии: финансовое оздоровление, внешнее управление и реструктуризация долгов гражданина. Поскольку реформирование законодательства о банкротстве происходит стремительно, возможно, в ближайшем будущем будут предложены иные стадии, и тем не менее все они будут отнесены к третьему этапу.

Четвертый этап – стадия конкурсного производства, когда как для арбитражного управляющего, так и заинтересованных участников процедуры банкротства предоставлены достаточно широкие полномочия.

Пятый этап – реализация имущества должника (юридического лица либо гражданина – со статусом индивидуального предпринимателя и без него). Фактически это ключевая ступень в процедуре банкротства, поскольку за счет нее формируется конкурсная масса. Данный этап является определяющим для установления тех требований, которые будут удовлетворены, и тех, которые останутся без удовлетворения.

Шестой этап факультативный – обращение к процедуре мирового соглашения, которое является ключевым средством для соблюдения баланса интересов всех заинтересованных лиц.

Третий – шестой этапы не обязательно последовательны, к тому же большинство из них не обязательны. Тем не менее это не умаляет их значимости.

Таким образом, в зависимости от этапа, на котором может быть допущено недобросовестное поведение, предлагается следующая квалификация видов злоупотреблений при банкротстве:

- 1) при инициировании банкротства;

- 2) на первой стадии, применяемой в рамках дела о несостоятельности;
- 3) на иных стадиях возбужденного дела о несостоятельности, помимо конкурсного производства и мирового соглашения;
- 4) в рамках конкурсного производства;
- 5) при реализации имущества должника;
- 6) при заключении мирового соглашения.

Учитывая, что инициирование процедуры банкротства представляется наиболее сложным с точки зрения установления факта злоупотребления, необходимо проанализировать причины недобросовестного поведения на данном этапе и предложить возможный путь решения проблемы.

Обращение к процедуре банкротства всегда обусловлено совокупностью определенных условий, именуемых «признаками банкротства». Исследователи по-разному раскрывают указанное понятие. Одни полагают, что это совокупность формальных и материальных фактов, которые дают возможность суду признать лицо банкротом¹. Другие проводят дифференциацию в зависимости от юридической роли: *сущностные*, то есть необходимые и достаточные для квалификации банкротства должника, и *внешние*, служащие основанием для подачи заявления о признании должника банкротом в арбитражный суд и возбуждения производства по делу о банкротстве². Некоторые ученые считают признаки одним из элементов юридического состава несостоятельности³. Подобное разночтение связано с неопределенностью законодательного регулирования указанного вопроса.

Нормы Закона о несостоятельности, регулирующие возможность обращения к процедуре банкротства, сформулированы таким образом, что не представляется возможным определить с достаточной степенью достоверности, что именно законодатель вкладывает в понятие «признаки банкротства».

---

¹ См.: Ткачев В.Н. Конкурсное право. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) в России: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2012. С. 80.

² См.: Попондопуло В.Ф. Банкротство. Правовое регулирование: науч.-практ. пособие. М., 2013. С. 113.

³ См.: Карелина С.А. Несостоятельность (банкротство) как юридический состав // Российская юстиция. 2008. №4. С. 8.

В толковом словаре понятие «признак» определяется как показатель, примета, знак, по которым можно что-то узнать или определить¹. Общая теория права рассматривает признак как основную специфическую черту какого-либо явления.

Таким образом, категория «признак» применительно к банкротству представляет собой ориентир, позволяющий определить, что указанный субъект правоотношений более не способен быть участником гражданского оборота ввиду невозможности далее исполнять свои обязательства, что вынуждает его обратиться к процедуре несостоятельности.

Соответствующим образом данное понятие закреплено в статье 3 «Признаки банкротства юридического лица» Закона о несостоятельности: юридическое лицо считается неспособным удовлетворить требования кредиторов, если соответствующие обязательства не исполнены им в течение трех месяцев с даты, когда они должны быть исполнены.

С одной стороны, в качестве единственного признака для признания должника – юридического лица банкротом законодатель определяет длительность неисполнения последним денежных обязательств. Длительным считается период времени продолжительностью три и более месяца.

С другой стороны, Закон о несостоятельности содержит статью 213.4 «Заявление о признании должника банкротом» и статью 6 «Рассмотрение судом дела о банкротстве», нормы которых определяют признаки несостоятельности, позволяющие должнику обратиться в суд с соответствующим заявлением. К таким признакам относятся: для должника – юридического лица размер задолженности не менее 300 тыс. руб. при длительности (три и более месяцев) неисполнения обязательств по уплате указанной суммы, для должников – физических лиц размер задолженности не менее 500 тыс. руб., притом что исполнение обязательств перед одним из кредиторов повлечет невозможность

---

¹ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 2-е изд., испр. и доп. М., 1995.

исполнения обязательств перед иными кредиторами при аналогичной длительности неисполнения¹.

В таком случае при отсутствии совокупности вышеуказанных признаков банкротства обращение в суд для признания должника банкротом невозможно даже при длительности неисполнения какого-либо обязательства перед кредиторами.

Таким образом, Закон о несостоятельности содержит два вида признаков: первые указывают на неплатежеспособность лица, вторые позволяют инициировать процедуру банкротства в суде².

Тем не менее подобная определенность обманчива и на практике создает благоприятную почву для злоупотреблений.

Закон о несостоятельности оперирует двумя основными понятиями, каждое из которых может быть основным критерием для признания должника несостоятельным: неплатежеспособность и неоплатность (недостаточность имущества).

Неплатежеспособность – прекращение исполнения должником части денежных обязательств или обязанностей по уплате обязательных платежей, вызванное недостаточностью денежных средств (абзац 35 статьи 2, пункт 3 статьи 213.6 Закона о несостоятельности). Недостаточность имущества (неоплатность) – превышение размера денежных обязательств и обязанностей по уплате обязательных платежей должника над стоимостью имущества (активов) должника (абзац 34 статьи 2 Закона о несостоятельности).

Каждый из предложенных критериев в зависимости от того, какой становится основным, определяет систему признаков, достаточных для признания должника несостоятельным.

---

¹ См.: Рябинин В.В. Новое в процедуре банкротства юридических лиц // Налоговая проверка. 2015. №3; Богданов Е.В. Особенности оспаривания сделок юридических лиц арбитражным управляющим в деле о банкротстве и арбитражным управляющим юридическим лицом // Адвокат. 2015. №10.

² Следует отметить, что в одном из решений ВС РФ была отмечена возможность инициирования процедуры банкротства при неисполнении указанных условий в том случае, если возбуждение дела о несостоятельности осуществляется на основании статьи 8 Закона о несостоятельности (в случае предвидения банкротства) См.: Определение ВС РФ от 05.04.2018 № 307-ЭС17-20207 по делу № А56-5164/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

При недостаточности имущества (неоплатности) в случае использования в качестве основного критерия единственным признаком для признания должника несостоятельным является недостаточность активов субъекта для удовлетворения требований кредиторов.

Указанный подход был положен в основу Закона о несостоятельности 1992 г., а его сущность была более подробно раскрыта в рамках постановления Правительства РФ № 498¹.

Приложение №1 к постановлению Правительства РФ № 498, поименованное как «Система критериев для определения неудовлетворительной структуры баланса неплатежеспособных предприятий», определяло три коэффициента для признания должника несостоятельным: коэффициент текущей ликвидности; коэффициент обеспеченности собственными средствами; коэффициент восстановления (утраты) платежеспособности.

Коэффициент текущей ликвидности характеризовал обеспеченность предприятия оборотными активами и определялся как соотношение фактической стоимости оборотных средств (денежные средства, дебиторская задолженность, производственные запасы, готовая продукция, незавершенное строительство и т.п.) и наиболее срочных обязательств (краткосрочные кредиты, займы и т.п.). Его значение должно было быть более 2.

Коэффициент обеспеченности собственными средствами свидетельствовал о финансовой устойчивости должника о достаточности у него средств для функционирования и представлял собой соотношение разницы между объемами источников собственных средств и фактической стоимостью внеоборотных активов (в том числе основных средств) и фактической стоимости оборотных средств предприятия. Он должен был превышать значение 0,1.

Коэффициент восстановления (утраты) платежеспособности определял наличие либо отсутствие у должника шансов на восстановление финансового состояния в течение полугода и выражался в соотношении расчетного

---

¹ См.: Закон РФ от 19.11.1992 № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий». Документ утратил силу с 01.03.1998 (СПС «КонсультантПлюс»); Постановление Правительства РФ от 20.05.1994 №498 «О некоторых мерах по реализации законодательства о несостоятельности (банкротстве) предприятий». Документ утратил силу в связи с изданием постановления Правительства РФ от 15.04.2003 №218 (СПС «КонсультантПлюс»).

коэффициента текущей ликвидности (суммы фактического коэффициента текущей ликвидности на конец отчетного периода и изменения значения этого коэффициента между окончанием и началом отчетного периода в пересчете на установленный период восстановления (утраты) платежеспособности, равный шести месяцам) и его установленного значения. При установленном коэффициенте текущей ликвидности коэффициент восстановления (утраты) платежеспособности должен был быть более 1.

Структура баланса предприятия могла быть признана неудовлетворительной в том случае, если один из первых двух коэффициентов был меньше установленного, а третий указывал на утрату платежеспособности¹.

Вышеуказанные критерии подвергались критике, поскольку являлись практически неисполнимыми. Тем не менее судебные органы ими руководствовались: в том случае, если коэффициенты соответствовали норме, производство по делу о банкротстве подлежало прекращению.

На практике это приводило к тому, что предприятие-должник функционировало при наличии удовлетворительной структуры баланса (согласно коэффициентам) и отсутствии выполненных обязательств перед кредиторами. Нередко руководители должников поддерживали размер долговых обязательств на уровне несколько меньшем, чем стоимость активов, что позволяло им избежать угрозы признания организации несостоятельной и свободно участвовать в обороте².

Помимо неэффективности предложенных критериев в целом, рассматриваемый критерий имел и другие существенные недостатки:

во-первых, длительная задержка между подачей заявления о признании должника несостоятельным и фактическим инициированием процедуры банкротства, что было невыгодно как для кредиторов, так и для самого должника;

во-вторых, сложности с доступом кредиторов к процедуре банкротства: они не располагают информацией о должнике.

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 20.05.1994 №498 «О некоторых мерах по реализации законодательства о несостоятельности (банкротстве) предприятий». Документ утратил силу в связи с изданием постановления Правительства РФ от 15.04.2003 №218 (СПС «КонсультантПлюс»).

² См.: Витрянский В.В. Банкротство: ожидания и реальность // Экономика и жизнь. 1994. № 49.

Более того, подобный подход не универсален, поскольку не может быть применен к тем категориям субъектов, специфика деятельности которых всегда предполагает превышение пассивов над активами (например, фирмы – посредники).

Также в результате применения подобного подхода на суд были возложены не свойственные ему функции анализа финансовых документов и проверки бухгалтерских расчётов. Сложность проверки бухгалтерских документов обусловлена в том числе спецификой ведения подобной документации в Российской Федерации: отсутствие во многих случаях переоценки активов либо переоценки основных средств по установленным коэффициентам безотносительно к рыночной стоимости, когда балансовая стоимость предприятия не отражает действительного финансового положения юридического лица¹.

Недостатки перевесили главное достоинство подобного подхода – минимизацию рисков использования процедуры банкротства в недобросовестных целях, хотя вышеописанные критерии (при всех своих недостатках) максимально точно отражали реальное финансовое положение должника. В таком случае возможность искусственного наращивания задолженности была существенно ограничена.

Тем не менее, как правильно отметил А.Н. Трайнин: «Спора нет, было бы значительно прочнее и лучше, если бы все предприятия владели бы собственным капиталом. Но ради неосуществимого лучшего нельзя жертвовать настоящим; невозможно разрушить функционирующие предприятия на основании того лишь, что пассив превышает актив»², а потому указанный подход был изменен в 1998 г.

Теперь основным критерием является неплатежеспособность должника³, согласно которому в качестве основного признака для признания должника несостоятельным устанавливается факт прекращения исполнения обязательств вне зависимости от стоимости имущества лица.

---

¹ См.: Карелина С.А. Указ. соч. С. 136–137.

² См.: Трайнин А.Н. Несостоятельность и банкротство. СПб., 1913. С. 13.

³ Здесь необходимо уточнить, что указанный подход применялся исключительно к должникам – юридическим лицам, в то время как к физическим лицам применялся критерий неоплатности.

Подобное понимание неплатежеспособности коррелирует термину, предложенному Г.Ф. Шершеневичем: «такие обстоятельства для должника, в которых он не способен удовлетворить все требования своих кредиторов»¹.

Переход к указанному критерию был воспринят позитивно как более рациональный и эффективный² и является превалирующим до настоящего времени.

Гражданский оборот способен нормально функционировать только тогда, когда все участвующие в нем контрагенты выполняют свои обязательства. В такой ситуации вопрос активов и пассивов должника отходит на второй план, уступая место исполнимости должником своих обязательств.

Достоинство предложенного подхода – исключение необходимости проверки и проведения сложных подсчетов при оценке стоимости имущества должника. Это, в свою очередь, облегчает процедуру инициирования процедуры банкротства, что также является дисциплинирующим фактором для исполнения контрагентами условий заключаемых соглашений. В конечном счете созданная при таком подходе правовая обстановка повышает степень защищенности интересов кредиторов.

Тем не менее упрощение порядка инициирования процедуры банкротства становится недостатком, когда заявления подаются хаотично и направлены на достижение иной цели, помимо побуждения должника к исполнению обязательств.

Подобное упрощение существенным образом влияет на добросовестных должников, которые в целях предотвращения возбуждения дела о банкротстве соглашаются на рискованные операции, берут кредиты под невыгодные проценты и совершают иные необдуманные с экономической точки зрения действия. При этом очевидно, что в более выгодном положении окажутся кредиторы более

---

¹ См.: Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 200.

² См.: Телюкина М.В. Основы конкурсного права. М., 2004; Полуэктов М.Г. Условия несостоятельности (банкротства) кредитных организаций // Законодательство и экономика. 2000. №11; Витрянский В.В. Новое в правовом регулировании несостоятельности (банкротства) // Хозяйство и право. 2003. №1.

активные либо более осведомленные, что несправедливо по отношению с остальным¹.

Иными словами, основная опасность подобного подхода – это слишком буквальное его восприятие.

Указанная проблема четко обозначена в доводе М.В. Телюкиной о том, что при использовании критерия неплатежеспособности получается, что возможно признание банкротом должника, обладающего значительным количеством имущества, но по каким-то причинам не удовлетворяющего кредиторов, и невозможно банкротство должника, практически никакого имущества не имеющего, но изыскивающего средства для своевременного удовлетворения требований². Дело в том, что объем имущества должника не всегда подтверждает его платежеспособность. Для участия в гражданском обороте неважно, каково соотношение между активами и пассивами, главное – чтобы хозяйствующий субъект исполнял свои обязательства³. Имущество может быть заложено, уступлено либо иным образом задействовано в обороте в качестве предмета обеспечительного обязательства. Такой контрагент становится таким же ненадежным, как и другой субъект с меньшим объемом активов.

Вместе с тем, нельзя исключать ситуацию, когда лицо фактически несостоятельно, но использует любые способы для недопущения инициирования процедур банкротства. Такой участник более опасен для оборота, поскольку создает обстановку правовой неопределенности и повышенного риска для своих контрагентов. Таким образом, ни один из предложенных критериев (неоплатность или неплатежеспособность) не лишен недостатков, что делает процедуру банкротства уязвимой для недобросовестного использования.

Сложность избрания одного из них в качестве основного заключается в том, что они взаимосвязаны. В.В. Витрянский отмечает, что при обращении к критерию неплатежеспособности мы только предполагаем, что должник не имеет

---

¹ См.: Телюкина М.В. Указ. соч. С. 91–92.

² См.: Телюкина М.В. Указ. соч. С. 97–98.

³ См.: Короткова О.И. Государственное регулирование института несостоятельности и его роль в судьбе хозяйствующего субъекта – государственного предприятия // Законодательство и экономика. 2014. №4.

активов для исполнения обязательств, в то время как при обращении к критерию неоплатности мы в этом уверены¹.

Г.Ф. Шершеневич подчеркивал, что неплатежеспособность – это внешняя сторона неоплатности. Неоплатность имеет две стороны: внутреннюю – превышение пассивов над активами, внешнюю – прекращение (приостановление) выплат кредиторам. Следовательно, используя критерий неплатежеспособности, мы имеем дело с той же неоплатностью, обнаруженной во внешней, яркой ее форме².

Описанная взаимосвязь рациональна и не подлежит сомнению, но тем не менее требует некоторой корректировки. Основным критерием следует считать неплатежеспособность должника, то есть прекращение исполнения должником своих обязательств.

Приостановление исполнения обязательств может быть продиктовано временными финансовыми сложностями, а потому носить непостоянный характер, либо действительными проблемами, когда имущества должника недостаточно для исполнения обязательств (состояние неоплатности).

Подобный подход характерен для законодательства Германии, которое разделяет «чистую» неплатежеспособность, угрозу неплатежеспособности и чрезмерную задолженность.

Чистая неплатежеспособность – это прекращение осуществления должником своих платежей. Угроза неплатежеспособности – это вероятность того, что должник не сможет исполнить обязательства (аналог закреплен в статье 8 Закона о несостоятельности о возможности для должника подать заявление о признании себя несостоятельным в случае предвидения банкротства). Чрезмерная задолженность – это состояние, когда активы должника не покрывают его обязательства. Временные трудности осуществления платежей, выражающиеся в задержке выплат сроком от четырех до шести недель, во внимание не принимаются.

---

¹ См.: Витрянский В.В. Пути совершенствования законодательства о банкротстве // Вестник ВАС РФ. 2003. Спец. прил. к №3. С. 92–93.

² См.: Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 162–163.

Любое из вышеописанных состояний позволяет должнику (либо его кредиторам) обратиться в суд с требованием о признании себя банкротом. Размер задолженности не установлен, а потому единственным признаком является факт прекращения исполнения обязательств¹.

В российской цивилистической науке можно обнаружить позиции о необходимости использования в качестве основного критерия (как для признания должника банкротом, так и для инициирования процедуры банкротства) только факт длящегося неисполнения обязательств.

В частности, П.Д. Баренбойм и В.В. Витрянский полагают, факт прекращения выполнения обязательств может быть установлен, когда длительность неисполнения составляет шесть месяцев. Это обосновано тем, что меньший период приостановки исполнения является обычным для условий отечественного рынка, соответствующим уровню правосознания предпринимателей².

М.В. Телюкина в целом поддерживая идею о предложенном признаке несостоятельности, не согласна с мнением своих коллег в части длительности неисполнения. При таком подходе под действие законодательства о банкротстве перестанут подпадать мелкие и средние предприятия, а применение к субъекту норм о несостоятельности не всегда означает наступление отрицательных последствий, поскольку, по ее мнению, целью Закона о несостоятельности является не только удовлетворение требований кредиторов, но и восстановление платежеспособности должников³.

В любом случае использование в качестве основного признака факта прекращения платежей чревато: «Любая страна заслужила бы благодарность торгового мира, если бы смогла дать определение прекращению платежей»⁴.

Анализ судебной практики позволяет заключить, что суды ориентированы на критерии инициирования процедуры банкротства и факт прекращения

¹ См.: Шишмарева Т.П. Институт несостоятельности в России и Германии. М., 2015. С. 25.

² См.: Баренбойм П.Д. Правовые основы банкротства: учеб. пособие. М., 1995; Витрянский В.В. Пути совершенствования законодательства о банкротстве // Вестник ВАС РФ. 2001. №3; Его же. Банкротство: научно-практический комментарий новелл законодательства и практики его применения. М., 2010.

³ См.: Телюкина М.В. Указ. соч. С. 102.

⁴ См.: Малышев К.И. Исторический очерк конкурсного процесса. СПб., 1871. С. 190.

платежей рассматривают с позиции наличия или отсутствия установленной законом задолженности и длительности срока не исполнения.

Подобное решение принималось Арбитражным судом Северо-Западного округа (производство в отношении должника было прекращено в связи с тем, что третье лицо частично погасило задолженность перед кредитором и в результате размер оставшегося денежного обязательства стал ниже требуемой законом суммы)¹, а также ФАС Московского округа² и ВС РФ³.

Данные примеры показательны с точки зрения не только формальности избранного судебными органами подхода к разрешению вопроса обоснованности введения процедуры банкротства, но и нерациональности закрепления в законе пороговой суммы для возбуждения дела о банкротстве.

Барьер, не допускающий повсеместную подачу заявлений о признании субъектов банкротами при наличии несущественной задолженности, нужен. Однако он не должен представлять собой препятствие для исключения из оборота фактического банкрота и не должен ориентироваться на конкретную сумму, установленную в законе, поэтому важно исключить излишний формализм на стадии принятия решения о необходимости (либо ее отсутствия) введения банкротства.

Подобная позиция отражена в практике некоторых судов. Так, Арбитражный суд Уральского округа, разбирая очередной спор, углубился в изучение мотивов поведения третьего лица, которое погасило задолженность таким образом, что сумма стала меньше необходимой. Суть спора заключалась в том, что кредитор, которому было частично исполнено обязательство третьим лицом, обжаловал действия этого лица, поскольку ему была важна личность исполнителя. Такое заявление показалось суду сомнительным, поскольку кредитор и должник являются юридическими лицами, деятельность которых направлена на систематическое извлечение прибыли посредством заключения

---

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 04.10.2016 №Ф07-7965/2016 по делу №А56-93100/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Постановление ФАС Московского округа от 01.09.2010 №КГ-А40/9267-10 по делу №А40-14159/10-71-76Б // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Определение ВС РФ от 01.04.2016 №305-ЭС16-1506 по делу №А41-33372/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

гражданско-правовых договоров, не предполагающих личные взаимоотношения с исполнителем. Разбираясь в указанном споре, суд, ссылаясь на положения пункта 1 статьи 10 ГК РФ, обоснованно пришел к выводу, что правоотношения, возникшие между кредитором и должником, направлены исключительно на создание задолженности, позволяющей обратиться в суд с заявлением о признании должника несостоятельным¹.

В рамках другого спора, переданного на рассмотрение в Арбитражный суд Московского округа, с должника – ООО «Лэндл Сити» – было взыскано порядка 6 млн. руб. в пользу ООО «Инженерные системы». Затем в порядке процессуального правопреемства взыскатель был заменен на физическое лицо (В.А. Рассолова), которое обратилось в суд с заявлением о признании ООО «Лэндл Сити» несостоятельным (банкротом) и о введении в отношении него наблюдения. Однако после принятия указанного заявления третье лицо – ООО «УК АВТОРЕЙС» – осуществило частичное погашение имеющейся задолженности, в результате чего сумма основного долга перед В.А. Рассоловым составила 299 500 руб. Учитывая указанные обстоятельства, суды первой и апелляционной инстанций отказали в удовлетворении заявления В.А. Рассолова и прекратили производство по делу, мотивируя это тем, что на дату рассмотрения спора задолженность должника составила менее 300 тыс. руб.

Кассационная инстанция с таким решением не согласилась, отменив решение о прекращении производства по делу. Однако отменяя решение о прекращении производства по делу, кассационная инстанция по-прежнему продемонстрировала формальный подход к указанному вопросу, скорректировав его только в той части, что пороговая сумма имеет значение на момент предъявления требования о признании должника банкротом. Дальнейшее погашение задолженности (в рамках начавшейся процедуры банкротства), когда

---

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 13.10.2016 №Ф09-9490/16 по делу №А60-24220/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

сумма долга юридического лица становится менее 300 тыс. руб., в любом случае препятствует введению в отношении должника процедуры наблюдения¹.

Основополагающим в своем роде стало решение ВС РФ по аналогичному вопросу. В отношении потенциального должника несколько раз были поданы заявления о признании его банкротом, однако третье лицо погашало долги перед кредиторами таким образом, что совокупный размер требований снижался до 299 тыс. рублей.

Тем не менее Верховный суд РФ расценил такое поведение как злоупотребление правом, пояснив, что поскольку предоставляемая кредиторам возможность инициирования процедуры несостоятельности является одной из форм защиты права на получение от должника причитающегося надлежащего исполнения, правило о минимальном пороговом значении размера учитываемого требования (300 тыс. руб.) необходимо рассматривать как разумное ограничение пределов реализации указанного способа защиты.

Вместе с тем такое ограничение, будучи обусловленным незначительностью размера требования к должнику, не должно освобождать последнего от введения процедуры несостоятельности при наличии сведений, очевидно указывающих на неплатежеспособность должника, то есть на прекращение исполнения им денежных обязательств².

Тем самым ВС РФ официально закрепил позицию о необходимости проведения соответствующего анализа на этапе инициирования процедуры банкротства, когда признаки не должны превратиться в инструмент подавления права добросовестных кредиторов на исключение из оборота неплатежеспособного контрагента и получение своего удовлетворения.

Вышеизложенное позволяет заключить, что признаки несостоятельности должника, в том числе, позволяющие ввести процедуру банкротства, должны быть дифференцированы в зависимости от фигуры должника, от специфики его деятельности, от условий возникновения задолженности, от лица, которое

---

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.05.2016 №Ф05-4891/2016 по делу №А41-76549/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Определение ВС РФ от 15.08.2016 №308-ЭС16-4658 по делу №А53-2012/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

обращается с соответствующим заявлением в суд, а также от иных факторов, имеющих существенное значение.

Приостановление исполнения обязательств со стороны должника на определенный период – это сигнал для заинтересованных лиц о наличии потенциальной угрозы и необходимости принятия мер во избежание нарушения собственных прав и интересов.

Временной интервал неисполнения обязательств должен быть дифференцирован в зависимости от фигуры должника. В случае, если должником является физическое лицо, соответствующий период неплатежеспособности не должен превышать трех месяцев. Это объясняется тем, что большинство физических лиц имеют один источник дохода, а потому указанный период является достаточным для определения потенциальной возможности самостоятельного восстановления финансовой стабильности. Если должником является юридическое лицо (либо гражданин со статусом индивидуального предпринимателя), вышеупомянутый срок целесообразно увеличить до шести месяцев (а в некоторых случаях и дольше), поскольку профессиональные участники предпринимательского оборота имеют гораздо больше возможностей и способов для восстановления своего финансового положения.

Подобная дифференциация обоснована, поскольку потенциальному должнику предоставляется достаточно времени для восстановления финансовой стабильности и предотвращается его недобросовестное поведение (например, когда такое лицо намеренно вовлекает новых контрагентов в отношения с целью наращивания задолженности и ее дальнейшего невозврата за счет процедуры банкротства). На продолжительность срока влияет и специфика деятельности должника. Например, в случае с сельскохозяйственными предприятиями следует принимать во внимание сезонный фактор.

Скопившийся за период приостановки исполнения объем обязательств не имеет значения для инициирования процедуры банкротства, но дифференцирует стадии, которые могут быть применены к такому должнику.

Такая позиция продиктована в том числе установленной в настоящее время суммой для физических лиц – 500 тыс. руб. Согласно официальным данным Федеральной службы государственной статистики на 2017 г., средняя заработная плата трудоспособного населения Российской Федерации составляет 36 664 руб., однако предполагается, что данные цифры завышены и в регионах они существенно меньше¹. Поскольку заработная плата в большинстве случаев является единственным источником дохода, данная пороговая сумма не обоснована.

Допустим, если сумма задолженности физического лица за указанный период составляет менее 200 тыс. руб., то в рамках дела о банкротстве может быть применена только процедура реструктуризации долга без освобождения от бремени выплат. При таком подходе будут учитываться интересы как кредиторов, так и должника, поскольку первые получают исполнение по своим требованиям, а последний будет поставлен в положение, дающее ему реальную возможность погашения долга (поскольку с момента введения процедуры прекращается начисление всех штрафных санкций).

Аналогичные правила (с увеличенной суммой долга – например, 300 тыс. руб.) надлежит использовать и в отношении юридических лиц. При более существенной сумме задолженности возможно обращение к иным механизмам в рамках дела о несостоятельности.

Предложенный дифференцированный подход к определению признаков несостоятельности (в том числе необходимым для возбуждения дела о банкротстве) должен снизить привлекательность процедуры несостоятельности для недобросовестного использования, когда исполнение обязательств становится более выгодным, чем обращение к банкротству.

Особенности инициирования процедуры банкротства заключаются не только в сложности установления недобросовестного поведения, но и в том, что именно в рамках данного этапа может быть выявлена иная форма

---

¹ URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_costs (дата обращения: 18.11.2017).

недобросовестного поведения – действия с намерением причинить вред другому лицу.

Как было указано выше, отличительная особенность между злоупотреблением при банкротстве и шиканой заключается в различии целей данных форм недобросовестного поведения. Множественность участников предопределяет иную цель злоупотребления в рамках процедуры банкротства. Однако на этапе инициирования критерий множественности отсутствует, потому цель может быть обусловлена намерением причинить вред.

Речь идет о тех случаях, когда действия одного лица направлены против конкретного участника предпринимательского рынка и намерение заключается в желании одного лица причинить репутационный, имущественный или иной вред другому.

Таким образом, инициирование банкротства является практически единственным этапом, когда возможно проявление иной формы недобросовестного поведения, поскольку заявитель по делу и потенциальный должник противостоят друг другу, что, в свою очередь, указывает на цель, характерную для шиканы. И в этом заключается особенность этапа инициирования процедуры несостоятельности.

Иные этапы, так или иначе, сопряжены со стадиями процедуры банкротства, а потому подробнее они будут раскрыты в следующей главе.

Предложенное основание классификации не единственное. Как уже было указано, в процедуру банкротства вовлечены множество заинтересованных участников, каждый из которых может вести себя недобросовестно.

Нормы статей 34 и 35 Закона о несостоятельности закрепляют перечень лиц, которые участвуют: 1) в деле о банкротстве и 2) в арбитражном процессе по делу о банкротстве.

Так, лицами, участвующими в деле, являются: должник, арбитражный управляющий, конкурсные кредиторы, уполномоченные органы, органы исполнительной власти и лицо, предоставившее обеспечение для проведения финансового оздоровления.

Лицами, участвующими в процессе по делу о банкротстве, являются: представитель работников должника; представитель собственника имущества должника; представитель учредителей (участников) должника; представитель собрания кредиторов или представитель комитета кредиторов; представитель федерального органа исполнительной власти; уполномоченный представитель интересов субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, органов местного самоуправления; саморегулируемая организация арбитражных управляющих; орган по контролю (надзору) при рассмотрении вопросов, связанных с утверждением арбитражных управляющих; кредиторы по текущим платежам; иные лица, предусмотренные законом.

Указанные лица являются ориентиром для предложенной классификации. В зависимости от субъекта совершения могут быть выявлены следующие виды злоупотреблений при банкротстве:

1) злоупотребления должника – действия, совершаемые самим должником (должник – физическое лицо) либо его органами (должник – юридическое лицо). Указанный вид представлен несколькими подвидами:

- 1.1. злоупотребления должника – гражданина (независимо от наличия или отсутствия статуса индивидуального предпринимателя);
- 1.2. злоупотребления контролирующего должника лица¹;
- 1.3. злоупотребления собственника имущества должника;
- 1.4. злоупотребление иных органов юридического лица;

2) злоупотребления арбитражного управляющего – указанные действия совершаются лицом, назначенным в соответствующем качестве, независимо от процедуры банкротства;

3) злоупотребления кредиторов должника – действия, совершаемые кредиторами, как прямо, так и косвенно вовлеченными в процедуру банкротства. Указанный вид представлен двумя основными подвидами:

---

¹ Следует отметить, что к указанной категории относятся все возможные субъекты, прямо или косвенно влияющие на принятие должником решений, в том числе номинальные руководители. См.: Постановление Пленума ВС РФ от 21.12.2017 №53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Российская газета. 2017. №297.

3.1. злоупотребления реестровых кредиторов – недобросовестные действия, совершаемые реестровыми кредиторами. Указанный вид представлен несколькими самостоятельными подвидами. Особенностью здесь является возможность существования коллективного субъекта злоупотребления:

3.1.1. злоупотребление отдельного кредитора;

3.1.2. злоупотребление группы кредиторов;

3.1.3. злоупотребление комитета или собрания кредиторов;

3.2. злоупотребления текущих кредиторов должника – недобросовестные действия могут быть выявлены в поведении лиц, прямо не вовлеченных в процедуру банкротства, но оказывающих на нее влияние опосредованно;

4) злоупотребления иных лиц, участвующих в деле о банкротстве и в арбитражном процессе по делу о банкротстве, – это недобросовестные действия лиц, указанных в пункте 1 статьи 34 и пункте 1 статьи 35 Закона о несостоятельности и не отмеченных ранее (работников должника, уполномоченных органов и т.д.);

5) злоупотребления третьих лиц, вовлеченных в процедуру банкротства – это недобросовестные действия участников, положение которых никак прямо не закреплено в Законе о несостоятельности. Тем не менее, их поведение оказывает существенное влияние на процедуру банкротства. Указанный вид представлен несколькими подвидами:

5.1. злоупотребления аффилированного с должником лица, связанного с должником узами родства либо свойства (независимо от фигуры должника);

5.2. злоупотребления аффилированным с должником лицом, не связанным с должником узами родства либо свойства (независимо от фигуры должника);

5.3. злоупотребление иным третьим лицом, то есть лицом, которое не связано с должником, а действует в собственных интересах или в интересах иных участников;

б) злоупотребления иных лиц, привлеченных для работы в рамках процедуры несостоятельности – это действия тех участников банкротства, которые вступают в указанную процедуру по просьбе или с согласия иных лиц. Указанный вид представлен несколькими подвидами:

6.1. злоупотребления представителя участника процедуры банкротства;

6.2. злоупотребления эксперта или специалиста;

6.3. злоупотребления иного лица.

Долгое время недобросовестное поведение воспринималось только с точки зрения поведения самого должника, в то время как действия иных лиц игнорировались. Нормативная возможность привлечения к ответственности еще одного участника – арбитражного управляющего – не принесла должных результатов.

Диссертант полагает, что исключение формализма при исследовании вопроса злоупотреблений при несостоятельности положительно повлияет на судебную практику.

Предложенные критерии позволяют классифицировать виды злоупотреблений при несостоятельности. Каждый предложенный вид реализуется посредством определенной формы недобросовестного поведения при банкротстве.

Наиболее универсальной формой злоупотребления при банкротстве является *сделка* (как правило, двусторонняя или многосторонняя). Первоначальное восприятие недобросовестного поведения было отождествлено не только с поведением конкретного лица (должника), но и с определенной формой – необоснованной сделкой. Судебная практика подробно исследует указанную форму злоупотребления при банкротстве, поскольку она является основным выражением недобросовестных действий. Она может быть выявлена на

любом этапе механизма банкротства, с участием любого субъект и представлена различными видами: договор купли-продажи (или иной гражданско-правовой договор), соглашение о разделе имущества, алиментное соглашение, брачный договор и т.д. Данная форма универсальна, но не единственная в своем роде.

Особенным видом указанной формы злоупотребления при банкротстве является *мировое соглашение*, правовая природа которого тождественна природе договора, однако в рамках несостоятельности имеет свою специфику.

Вывод активов должника – это недобросовестное поведение, в рамках которого основной интерес сосредоточен на выведении из конкурсной массы какого-либо имущества. Указанная форма характеризуется двумя основными признаками – наличием единого интереса и взаимообусловленностью действий заинтересованных лиц.

Манипулирование механизмом торгов – форма злоупотребления в рамках такой процедуры реализации имущества должника, как торги.

Акт недобросовестной конкуренции – это поведение лица, интерес которого сосредоточен на исключении из предпринимательского рынка конкурирующих субъектов. Если акт недобросовестной конкуренции направлен против конкретного субъекта предпринимательского рынка, недобросовестное поведение является формой шиканы. Если акт недобросовестной конкуренции выражен в инициировании процедуры банкротства против любого субъекта (или нескольких субъектов, поскольку указанные действия могут быть совершены параллельно) в целях монополизации рынка, или захвата преимущественного сектора оборота, или в принципе против любого иного лица, реализующего аналогичную продукцию, он является формой злоупотребления при банкротстве. Такое разделение объясняется тем, что в данном случае целью является не причинение вреда конкретному лицу (или лицам), а удовлетворение собственного интереса по исключению остальных соперников.

Злоупотребление при погашении задолженности третьим лицом – участники необоснованно используют право, закрепленное в статье 313 ГК РФ о возможности погашения задолженности третьим лицом. Указанная форма

злоупотребления распространена в рамках банкротства и не ограничена определенным этапом или субъектом.

Менее распространено *манипулирование преимущественным правом*. Подобная форма хотя и ограничена в субъекте исполнения, но может быть выявлена в рамках процедуры банкротства (особенно в отношении определенной категории должников).

Особое внимание считаем необходимым уделить таким формам злоупотребления при банкротстве, как *преднамеренное и контролируемое банкротство*¹. Здесь сразу следует пояснить, что, несмотря на то, что административное и уголовное право включают состав преднамеренного банкротства, истоки данной конструкции поведения следует искать в нормах гражданского права. Поскольку злоупотребление при банкротстве является добросовестным поведением, указанные конструкции до тех пор, пока поведение не обладает признаками, характерными для состава правонарушения или преступления, относятся к сфере гражданского права. В случае же совершения лицом действий, охватываемых диспозициями соответствующих норм УК РФ или КоАП РФ, подобное поведение перестает быть злоупотреблением и становится правонарушением. Нормы УК РФ и КоАП РФ раскрывают понятие преднамеренного банкротства.

Преднамеренное банкротство – это совершение руководителем или учредителем (участником) юридического, лица либо индивидуальным предпринимателем, либо гражданином действий (бездействия), заведомо влекущих неспособность юридического лица, либо индивидуального предпринимателя, либо гражданина в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если эти действия (бездействие) не содержат уголовно наказуемых деяний (статья 14.12 КоАП РФ). Уголовно наказуемыми соответствующие деяния становятся в случае причинения интересам кредиторов крупного ущерба (статьи 196, 197 УК РФ).

---

¹ См.: Чуча С.Ю. Проблемы установления факта преднамеренного банкротства // Арбитражная практика. 2002. №7; Яни П.С. Проблемы квалификации преступлений в сфере банкротства // Законность. 2014. №1.

Тождество терминологии в данном случае не означает тождества определяемых понятий. Разница между уголовно и административно наказуемыми деяниями и злоупотреблением при банкротстве заключается в том, что в рамках формы злоупотребления недобросовестный субъект не создает намеренную ситуацию невыполнения требований кредиторов. Подобная ситуация складывается в процессе обычной хозяйственной деятельности и может уже иметь место (но при этом контрагентом выступает дружественное лицо либо должник фактически способен исполнить обязательство). Более того она может быть искусственно созданной на основании несуществующего обязательства должника (номинального обязательства или фактически исполненного обязательства, которое используется как неисполненное для инициирования процедуры банкротства).

Для *контролируемого банкротства* легального термина не существует, однако полагаем, что это создание ситуации фактического контроля над процессом банкротства.

Единство указанных форм злоупотреблений при банкротстве заключается в том, что все они проявляют себя на этапе инициирования процедуры. Потенциальный должник искусственно создает ситуацию выполнимости условий, необходимых для обращения в суд с заявлением о признании его банкротом. Это позволяет ему начать процедуру несостоятельности.

Различаются преднамеренное и контролируемое банкротство наличие или отсутствием контроля над процедурой.

Преднамеренное банкротство не предполагает контроль над процессом несостоятельности, а потому указывает на то, что должник готовился к процедуре несостоятельности посредством преждевременного вывода ликвидных активов. Для остальных участников это показатель того, что должник подготовлен, а потому процедура несостоятельности едва ли гарантирует им исполнение обязательств.

Контролируемое банкротство, наоборот, является показателем вынужденного поведения. Должнику или иному заинтересованному лицу важен

контроль, поскольку имеется какой-либо актив, за счет которого можно исполнить обязательство и который не был своевременно выведен из конкурсной массы. Контролируемое банкротство – сигнал о неподготовленности должника: либо когда обращение к банкротству является меньшим злом, чем последствия продолжения функционирования на рынке, либо когда должник вообще не был намерен обращаться к данному механизму.

Не менее важным отличием между преднамеренным и контролируемым банкротством является субъект использования подобной формы злоупотребления: первое характерно для поведения самого должника, в то время как второе для любого участника процесса несостоятельности.

Таким образом, данные формы злоупотреблений имеют определенную взаимосвязь, но их особенности могут способствовать своевременному реагированию на подобное поведение.

Сигналом к началу действий может стать поведение самого должника (повышение заработной платы (ее совокупный размер превышает фактический фонд оплаты труда), аккумулярование задолженности перед ресурсоснабжающими и иными организациями, наращивание текущей задолженности и т.д.¹ или назначение в рамках процедуры дружественного арбитражного управляющего). Арбитражный управляющий на первоначальном этапе проверяет финансовое состояние должника², затем осуществляет все необходимые действия по наращиванию его конкурсной массы. Иными словами, его действия (равно как и бездействие) существенным образом влияют на права и интересы остальных участников.

Анализ судебной практики дает множество примеров недобросовестного поведения арбитражного управляющего. Например, арбитражный управляющий не стал оспаривать сделку должника, направленную на отчуждение имущества

---

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14.09.2015 №Ф07-6392/2015 по делу №А44-4393/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

² В рамках наблюдения арбитражный управляющий в том числе устанавливает наличие признаков преднамеренного или фиктивного банкротства (с точки зрения административно или уголовно наказуемого деяния) см.: Постановление Правительства РФ от 27.12.2004 №855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства» // СПС «КонсультантПлюс»). Полагаем, что аналогично арбитражный управляющий должен рассматривать вопрос о наличии в поведении лица признаков соответствующих форм злоупотребления при банкротстве.

незادолго до инициирования процедуры банкротства. Подобное бездействие стало предметом спора между ним и заинтересованными кредиторами¹.

Хотя поведение арбитражного управляющего не всегда является таким явным, тем не менее это не свидетельствует о его незаинтересованности. Так, в рамках одного из решений внешним управляющим был составлен отрицательный отчет по должнику, однако у суда не возникло сомнений в добросовестности последнего при принятии хозяйственных решений².

Заинтересованное лицо может задействовать не только арбитражного управляющего, но и третье лицо, намеренно вводимое в процедуру банкротства в качестве кредитора, покупателя имущества либо иного субъекта. Сопутствующим условием подобной формы злоупотребления может быть взаимосвязанность должника и третьего лица. Например, в рамках спора, переданного на рассмотрение ВАС РФ, были проанализированы взаимоотношения между должником и одним из кредиторов, в результате чего суд выявил признаки поведения, свидетельствующие о доведении должника до контролируемого банкротства:

- действия были направлены на создание необоснованно высокой задолженности перед кредитором, которая фактически привела к банкротству субарендатора;

- в результате аккумуляции доли в размере процентов требований всех конкурсных кредиторов арендатор по сути смог контролировать процесс банкротства субарендатора;

- необоснованные условия договора, заключенного между сторонами, и противоречивое поведение одной из сторон фактически создали препятствие для процедуры банкротства³.

---

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 07.12.2015 по делу №А66-5989/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Определение ВАС РФ от 13.10.2010 №ВАС-9787/10 по делу №А07-13873/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 11.02.2014 №13846/13 по делу №А19-2903/10-58 // СПС «КонсультантПлюс».

Недостатком предложенного решения является то, что предметом спора было рассмотрение другой формы злоупотребления – сделки, хотя суд прямо указал на контролируемость процедуры.

Иными словами, проблема заключается в том, что судебная практика избегает идентификации такой формы злоупотребления, как преднамеренное или контролируемое банкротство, поскольку первое, по их мнению, соотносится только со сферой уголовного или административного права, а второе проигнорировано действующим законодательством. Для установления подобной формы злоупотребления требуется подробный анализ поведения должника или иного лица, в отношении которого рассматривается спор.

Например, в рамках несостоятельности ООО «РТМ-Липецк» заявитель (один из конкурсных кредиторов) полагал, что причиной банкротства послужили взаимосвязанные действия контролирующих должника лиц, выразившиеся в совершении в период 2006 – 2009 г.г. следующих действий:

- заимствование денежных средств у аффилированных лиц с целью формирования кредиторской задолженности;
- предоставление займов аффилированным лицам, в то время как у должника имелась непогашенная кредиторская задолженность;
- создание двухуровневой системы управления, в результате которой дублировались функции управляющих компаний и денежные средства, поступающие от предпринимательской деятельности, расходовались на оплату их услуг.

Среди прочего в материалах дела содержалось заключение временного управляющего, по мнению которого причиной банкротства явилось неэффективное управление предприятием, выразившееся в привлечении большого объема заемных средств. Тем не менее представленные в материалы дела доказательства и доводы заявителя не убедили в контролируемом банкротстве ни одну из судебных инстанций¹.

---

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 30.10.2014 по делу №А36-2124/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

Однако проблема заключается не только в неспособности некоторых судебных органов обратить внимание на суть поведения субъектов процедуры банкротства, но в том числе в том, что подобные формы злоупотребления не рассматриваются в качестве самостоятельных.

Вопрос о преднамеренном или контролируемом банкротстве, как правило, поднимается только в рамках споров о недействительности сделок. Подобная практика отражена в решениях арбитражных судов Волго-Вятского округа¹, Восточно-Сибирского округа², Западно-Сибирского округа³, Московского округа⁴, Северо-Кавказского округа⁵ и т.д.

Тем не менее среди проанализированных решений был обнаружен один пример, когда вопрос о такой форме злоупотребления, как контролируемое банкротство, был исследован не во взаимосвязи с разрешением вопроса о действительности сделки как поведение лиц, искусственно создающих условия для инициирования процедуры банкротства. Подобный вывод был указан в решении Арбитражного суда Северо-Западного округа⁶.

Наличие подобного решения позволяет прийти к выводу о возможности исследования судебными органами в качестве отдельной формы злоупотребления при банкротстве контролируемого или преднамеренного банкротства.

Таким образом, само по себе недобросовестное поведение вне какой-либо конкретной формы не несет правовой нагрузки. Оно становится опасным, когда выражено какими-либо внешними действиями. То же самое относится и к злоупотреблениями при банкротстве.

Различные формы злоупотреблений при банкротстве, как правило, не связаны с конкретными элементами процедуры банкротства, а потому сложнее

---

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 14.09.2017 №Ф01-3496/2017 по делу №А31-6981/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 18.03.2016 №Ф02-1165/2016 по делу №А58-6441/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 08.02.2018 №Ф04-5962/2017 по делу №А27-12443/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.12.2017 №Ф05-15669/2017 по делу №А40-120622/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 04.12.2017 №Ф08-9296/2017 по делу №А53-29023/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 30.05.2017 №Ф07-4653/2017 по делу №А13-9133/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

поддаются классификации. Их изучение и систематизация осложнены тем обстоятельством, что они меняются одновременно с изменением отношений, в которых могут быть выявлены. Они требуют к себе пристального внимания, поскольку представляют собой внешнее выражение недобросовестного поведения в рамках несостоятельности.

Анализ судебной практики и положений специального законодательства позволяет выделить следующие формы злоупотреблений при банкротстве:

- 1) сделка;
- 2) вывод активов;
- 3) манипулирование механизмом торгов;
- 4) акт недобросовестной конкуренции;
- 5) погашение задолженности третьим лицом;
- 6) манипулирование преимущественным правом;
- 7) преднамеренное банкротство;
- 8) контролируемое банкротство.

Систематизация данных подразумевает наличие определенной классификации. Поскольку процедура несостоятельности может быть разложена на составляющие элементы, постольку допустимо обращение к такой категории, как вид злоупотребления при банкротстве. Вид ориентирует на определенную составляющую процесса несостоятельности.

Вид определяется более устойчивым критерием. В рамках процедуры несостоятельности два подобных критерия: субъект злоупотребления при банкротстве и этап совершения недобросовестного действия.

В зависимости от этапа, на котором может быть обнаружено недобросовестное поведение, диссертант выделяет следующие виды злоупотреблений при банкротстве:

1. при инициировании банкротства;
2. на первой стадии, применяемой в рамках дела о несостоятельности;
3. на иных стадиях возбужденного дела о несостоятельности, кроме конкурсного производства и мирового соглашения;

4. в рамках конкурсного производства;
5. при реализации имущества должника;
6. при заключении мирового соглашения.

В зависимости от субъекта совершения могут быть выявлены следующие виды злоупотреблений при банкротстве:

1. злоупотребления должника (гражданина, контролирующего должника лицо, собственника имущества, иных органов юридического лица);
2. злоупотребления арбитражного управляющего;
3. злоупотребления кредиторов должника (реестровых кредиторов (отдельного кредитора, группы кредиторов, комитета или собрания кредиторов), текущих кредиторов);
4. злоупотребление иных лиц, участвующих в деле о банкротстве и в арбитражном процессе по делу о банкротстве (работников должника, уполномоченных органов и т.д.);
5. злоупотребление третьих лиц, вовлеченных в процедуру банкротства (злоупотребления аффилированного с должником лица, связанного с должником официальными или фактическими узами родства либо свойства, аффилированного с должником лица, связанного с должником официальными или фактическими узами родства либо свойства, злоупотребление иного третьего лицом, то есть лица, которое не связано с должником, а действует в собственных интересах или интересах иных участников);
6. злоупотребления иных лиц, привлеченных для работы в рамках процедуры несостоятельности (представителя участника процедуры банкротства, эксперта или специалиста, иного лица).

Систематизация изученной информации по данному вопросу является дополнительным средством своевременного выявления подобного поведения и предотвращения его негативных последствий.

Следует отметить, что помимо категории «форма злоупотребления при банкротстве» возможно обращение к таким понятиям, как «сопутствующее условие для злоупотребления», «способ или прием недобросовестного

поведения». Однако предложенные термины настолько близки друг к другу, что в рамках конкретных споров граница между ними может быть стерта. Например, состояние взаимосвязанности, родства или свойства, доминирование на рынке могут играть роль сопутствующего для недобросовестного поведения условия. В рамках вывода активов из конкурсной массы механизм торгов может быть рассмотрен как способ удовлетворения интереса.

Иными словами, данная типология представляет собой авторское видение изучаемого явления. Она может видоизменяться в зависимости от категории спора. Элемент нестабильности, свойственный предложенной классификации, напрямую связан с предметом систематизации, который изменчив по своей природе.

Важно, что данная систематизация показывает, что злоупотребление при банкротстве может быть выявлено не только в рамках возбужденного дела о несостоятельности. Такой вывод позволяет по-иному взглянуть на некоторые формы злоупотребления при банкротстве.

Принимая во внимание то, что форма злоупотребления при банкротстве, как правило, не связана с конкретным субъектом или этапом процедуры, изучение предложенных форм является одной из ключевых задач настоящего исследования.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ ФОРМ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ ПРИ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)

§ 1. Сделка как основная форма злоупотребления правом при банкротстве

На протяжении долгого периода времени злоупотребления при банкротстве отождествлялись с действиями по заключению необоснованных сделок. Несмотря на установление иных форм, сделка представляет собой наиболее распространенную и универсальную форму недобросовестного поведения при несостоятельности.

Г.Ф. Шершеневич отмечал, что конкурсный процесс представляет собой особую форму исполнительного процесса, задача которого – равномерное распределение между всеми кредиторами ценности, представляющей имущество несостоятельного ввиду вероятной его недостаточности для полного удовлетворения всех требований. Законодатель признает опровержимыми со стороны конкурсного управления ряд сделок, потому что в большинстве случаев они скрывают в себе злое намерение должника причинить ущерб кредиторам¹.

Диссертант полагает, что указанная форма недобросовестного поведения при банкротстве характерна не только для фигуры должника, но и для иных лиц, участвующих в деле.

Установление особенностей данной формы злоупотребления является одной из ключевых задач настоящего исследования.

Согласно статье 153 ГК РФ сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Сделки могут быть односторонние, двусторонние и многосторонние (статья 154 ГК РФ).

Поскольку процедура банкротства предполагает множественность участников, постольку сделки в рамках данного механизма, как правило, являются двусторонними или многосторонними.

---

¹ Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. IV: Торговый процесс. Конкурсный процесс. М., 2003. С. 198, 231.

В классификации юридических фактов сделка определена как правомерное волевое действие. Тем не менее не всякая сделка является допустимой и желательной с точки зрения гражданского оборота.

Представляя собой распространенное юридическое основание для порождения прав и обязанностей субъектов, сделка, заключающая в себе пороки, теряет свою юридическую силу и более не может быть воспринята в качестве юридического действия. Такая сделка является недействительной.

Недействительность сделки создает обязанность для сторон возратить друг другу все полученное по ней (пункт 2 статьи 167 ГК РФ), но для формы злоупотребления механизм противодействия представляется более сложным, чем двусторонняя реституция.

Таким образом, универсальное средство противодействия сделке с пороками – признание ее недействительной. Применяемое последствие недействительности (двусторонняя реституция или иная мера) предопределяет сущность исследуемого явления и позволяет выявить форму злоупотребления при банкротстве.

В науке гражданского права применяются два подхода к установлению оснований недействительности сделки – субъективный и объективный. Первый определяет, что недействительной является только та сделка, которая направлена на причинение вреда кредиторам. Второй устанавливает условия, наличия которых достаточно для признания сделки недействительной¹.

По мнению С.А. Карелиной, применение первого подхода значительно усложняет процедуру оспаривания, тем не менее обеспечивая стабильность гражданского оборота, в то время как второй подход в наибольшей степени защищает интересы кредиторов должника. Всегда легче доказать объективные условия, чем определить волю субъекта².

---

¹ См.: Эрлих М.Е. Конфликт интересов в процессе несостоятельности (банкротства). Правовые средства решения: монография. М., 2015.

² См.: Карелина С.А. Подозрительные сделки в процессе несостоятельности (банкротства): правовые проблемы оспаривания // Предпринимательское право. 2012. № 4. С. 22.

Объективные условия для признания сделки недействительной – это пороки, заложенные в указанной сделке, выявление и установление которых необходимо для лишения последствий такого поведения правового значения.

Пороки (применительно к процедуре банкротства) могут быть условно разделены на два вида – общие (закрепленные в положениях ГК РФ) и специальные (установленные в статьях 61.2 и 61.3 Закона о несостоятельности).

В рамках несостоятельности сделка может быть признана недействительной при наличии в ней пороков обеих категорий (пункт 1 статьи 61.1 Закона о несостоятельности).

Предполагается, что подобное правило было введено в интересах кредиторов, однако на практике такой широкий перечень оснований для признания сделки недействительной не только создает путаницу, но и способствует процессуальному злоупотреблению.

Избранное основание для оспаривания влияет на срок исковой давности: либо один год, либо три года. Нередко стороны намеренно обращаются к тем основаниям оспаривания, которые увеличивают срок исковой давности, если годичный срок к моменту обращения уже пропущен¹. Однако намеренное некорректное использование оснований для оспаривания не представляет собой настолько существенной угрозы, как действительное непонимание различий между указанными основаниями.

Применение любой нормы при разрешении споров, в том числе связанных с отношениями несостоятельности, – это вопрос разрешения правовой коллизии.

На первый взгляд ответы на поставленные вопросы очевидны: коллизия между общей и специальной нормой будет разрешена в пользу специальной; коллизия между двумя нормами одной юридической силы – в пользу той, которая

---

¹ См.: Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.07.2015 №15АП-21058/2014 по делу №А53-21988/2010 // СПС «КонсультантПлюс»; Решение Арбитражного суда Московской области от 15.11.2016 по делу №А41-35746/16 // СПС «КонсультантПлюс»; Решение Арбитражного суда г. Москвы от 21.06.2017 г. по делу №А40-3903/2017 // СПС «КонсультантПлюс»; Решение Арбитражного суда г. Москвы от 26.02.2016 г. по делу №А40-168599/15 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение ВС РФ от 31.08.2017 №305-ЭС17-4886 по делу №А41-20524/2016 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 07.02.2017 №Ф04-689/2016 по делу №А27-18234/2013 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 17.12.2015 №Ф08-9359/2015 по делу №А53-36951/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

наиболее четко регламентирует правоотношение, либо в пользу той нормы, которая была издана позже (в зависимости от специфики коллизии).

Тем не менее на практике указанный вопрос не всегда решается предложенным способом, особенно в рамках коллизии между нормой о несостоятельности и нормой из иной отрасли (права или законодательства).

Следует отметить, что внесенные в Закон о несостоятельности изменения в части возможности признания гражданина без статуса индивидуального предпринимателя банкротом расширили область возможного правового столкновения¹.

Наиболее часто возникает вопрос соотношения норм Закона о несостоятельности и положений ГК РФ, Налогового кодекса РФ, Земельного кодекса РФ, Трудового кодекса РФ, Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ), иных неcodифицированных федеральных законов, таких как федеральные законы от 30.12.2004 №214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», и от 08.02.1998 №14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью». Этот перечень можно продолжить.

Приоритет в таком случае будет установлен не с учетом юридического старшинства либо специализации, а исходя из возможности урегулирования с помощью такой нормы правоотношения с большим количеством субъектов.

Принимая во внимание указанный критерий, при рассмотрении в рамках процедуры банкротства споров, затрагивающих иную сферу правоотношений, коллизия будет разрешена в пользу законодательства о несостоятельности. Подобная позиция была выявлена в судебных решениях.

Так, ФАС Западно-Сибирского округа в рамках постановления от 25.01.2013 по делу №А03-7920/2011 определил приоритет банкротных норм по отношению к нормам уголовного права. Арбитражный суд постановил, что арест и иные ограничения распоряжения имуществом должника, наложенные в том числе ранее по уголовному делу, подлежат снятию, так как иное толкование

---

¹ См.: Ерофеев А.А. Банкротство гражданина – должника как новелла российского законодательства // Современное право. 2015. №4. С. 79.

закона приведет к удовлетворению в индивидуальном порядке (не в рамках дела о банкротстве) требований кредиторов, не включенных в реестр, что ставит их в преимущественное положение по сравнению с другими кредиторами¹.

В мотивировочной части постановления ФАС Дальневосточного округа от 15.05.2003 г. по делу № Ф03-А04/03-1/1003 был закреплен приоритет норм о несостоятельности по отношению к нормам отрасли права социального обеспечения. Как указывает суд, несмотря на то, что должник является единственным социально значимым объектом, в первую очередь необходимо решить вопрос о том, не нарушаются ли права кредиторов такого должника, а потому не включать в реестр требований кредиторов отдельных субъектов только в связи с особым статусом должника недопустимо².

Приоритет банкротных норм над трудовым законодательством был закреплен в постановлении Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», в пункте 1 которого отражена позиция, согласно которой выплаты заработной платы и премии могут быть оспорены в рамках процедуры несостоятельности, в том числе со ссылкой на положения специальной главы III.1 Закона о банкротстве³.

Приоритет банкротных норм над семейным законодательством был установлен в определении ВАС РФ от 16.01.2012 г. № ВАС-15154/11 по делу № А67-2757/2009, согласно которому реализация прав, установленных семейным законодательством, не должна приводить к необоснованному нарушению прав кредиторов одного из супругов на получение причитающихся им денежных средств в деле о его банкротстве⁴.

Иными словами, необходимость поддержания баланса интересов множества участников предопределяет установленный приоритет. Однако здесь столкновение происходит в рамках разнопорядковых правоотношений. Сложнее

---

¹ СПС «КонсультантПлюс».

² Там же.

³ Вестник ВАС РФ. 2011. №3.

⁴ СПС «КонсультантПлюс».

определить приоритет в рамках одного правоотношения, урегулированного различными нормами.

Речь идет о коллизии оснований недействительности сделки, установленных в ГК РФ, и оснований, закрепленных в Законе о несостоятельности.

На первый взгляд предпочтение в таком случае должно быть отдано специальным нормам Закона о несостоятельности, однако на практике мотивировочные части судебных решений изобилуют примерами смешения общих и специальных оснований, когда оно нецелесообразно и не обосновано¹.

Полагаем, что подобная ситуация связана с тем, что всякую недействительную сделку отождествляют с недобросовестным поведением, однако на деле это не всегда так.

В рамках Закона о несостоятельности сделки могут быть оспорены по одному из следующих оснований: сделка совершена с неравноценным встречным предоставлением; в результате сделки был причин вред кредиторам, а сторона по сделке знала о намерении причинить вред; в результате совершения сделки одному из кредиторов оказано предпочтение (статьи 61.2 и 61.3).

Следует отметить, что указание в качестве цели «причинение вреда» не совсем корректно. Это объясняется тем, что согласно пункту 2 статьи 61.2 Закона о несостоятельности цель причинения вреда имущественным правам кредиторов предполагается, если на момент совершения сделки должник отвечал или в результате ее совершения стал отвечать признаку неплатежеспособности или недостаточности имущества, то есть усматривается, что поведение должника направлено на создание условий, необходимых для инициирования процедуры банкротства (либо создание задолженности, либо ее аккумуляция). И в этом заключается основная цель его поведения. Иные последствия будут сопутствующими, но не самоцелью.

---

¹ См.: Определение ВС РФ от 09.02.2017 №307-ЭС16-10973(2) по делу №А52-2134/2014 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 06.02.2018 №Ф02-7736/2017 по делу №А69-3918/2015 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.02.2018 №Ф05-12971/2013 по делу №А40-98294/12-101-66 // СПС «КонсультантПлюс».

С учетом предложенной формулировки понятия «цель поведения», специальные пороки сделки указывают на недобросовестность участников, и отождествление в таком случае обоснованно. Если сделка заключает в себе пороки, установленные нормами статей 61.2 и 61.3 Закона о несостоятельности, коллизия между общей и специальной нормой разрешается в пользу специальной нормы.

Однако недостатки сделки могут выходить за пределы специальных пороков. Тогда необходимо использовать общие основания недействительности, установленные в ГК РФ. Это следует из разъяснений ВАС РФ о том, что сделка может быть оспорена по общим основаниям только тогда, когда ее пороки выходят за пределы специальных норм¹.

Тогда коллизия между специальной и общей нормами подлежит разрешению в пользу общей, однако правовое столкновение возможно и далее.

Основания недействительности, указанные в общих положениях ГК РФ, указывают на различные пороки: в содержании сделки, в ее субъекте, в форме сделки или в волеизъявлении сторон. Однако для оспаривания сделок в рамках процедуры банкротства единственный порок, имеющий значение для обжалования, это установление факта злоупотребления.

Таким образом, фактически отсылка к общим основаниям обжалования – это указание на нормы статей 10 и 168 ГК РФ, а потому коллизия возникает между специальными нормами статей 61.2 и 61.3 Закона о несостоятельности и статьями 10 и 168 ГК РФ.

Как уже было отмечено ранее, сделка, пороки которой закреплены в статьях 61.2 и 61.3 Закона о несостоятельности, действительно указывает на недобросовестность участников, но при рассмотрении таких споров установление факта недобросовестности не является ключевым. Специальное регулирование для того и предусмотрено, чтобы всякая сделка, соответствующая определенным условиям, могла быть признана недействительной. Основная задача в рамках подобных споров – доказать наличие определенных законом условий.

---

¹ См.: Постановление Пленума ВАС РФ от 28.01.2014 №13116/13 по делу №А32-11077/2012 // Вестник ВАС РФ. 2014. №6.

В то же время установленные в статьях 61.2 и 61.3 Закона о несостоятельности условия могут отсутствовать, однако сделка вредоносна для заинтересованных лиц. На вред такой сделки указывает то обстоятельство, что в результате ее совершения конкурсной массы недостаточно для погашения всех заявленных требований. И для защиты прав остальных участников предусмотрена возможность обращения к общим основаниям ГК РФ, а точнее к статьям 10 и 168 ГК РФ¹.

Здесь следует пояснить, как соотносится положение о том, что злоупотребление при банкротстве представляет собой правомерное поведение, и возможность применения к одной из форм злоупотребления при банкротстве статьи 168 ГК РФ, когда сделка является недействительной, если она нарушает требование закона или иного правового акта.

Прежде всего, законодатель может расценивать некоторые формы злоупотребления (в том числе в рамках другой формы) в качестве правонарушения в зависимости от специфики деяния и значимости охраняемого права, но в данном случае ситуация несколько иная.

Любая форма недобросовестного поведения наказывается в равной степени – отказом в защите права. Злоупотребление при банкротстве не исключение. Однако в рамках процедуры несостоятельности множественный интерес предопределяет необходимость применения иных средств противодействия. Оставление самой сделки без внимания и отказ в защите права (в случае спора) – неэффективное средство противодействия, если речь идет о несостоятельности сторон, поскольку в сделку вовлечены не только стороны, но и третьи лица, интересы которых указанная сделка нарушает.

Недействительность сделки в таком случае более приемлемое средство сохранения баланса. Однако злоупотребление правом – это порок особой природы, установленный только в рамках статьи 10 ГК РФ. По этой причине правоприменитель отсылает к общей норме статьи 168 ГК РФ как к

---

¹ Возможность оспаривания сделки по указанным основаниям в случае установления злоупотребления правом предусмотрена в пункте 4 постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 №63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. 2011. №3.

единственному возможному основанию для признания сделки с таким пороком недействительной.

Такая позиция оправданна, поскольку позволяет сохранить баланс интересов: сторона возвращает все в конкурсную массу, а реституционное требование подлежит включению в соответствующую очередь (в зависимости от предмета требования, срока совершения сделки и т.д. (пункты 25 и 27 постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»). И то, что сторона по сделке не лишается своего права в рамках процедуры банкротства, дополнительно доказывает правомерность поведения сторон.

Таким образом, применение норм статей 10 и 168 ГК РФ представляет собой специфическое средство сохранения баланса интересов в рамках процедуры банкротства, когда правоприменитель вынужденно заменяет закрепленное последствие установления факта злоупотребления на более эффективное с учетом специфики правоотношения.

В связи с этим следует подчеркнуть, что предложенный способ противодействия недобросовестному поведению (отсылка к статьям 10 и 168 ГК РФ) является субсидиарным механизмом. Необходимость обращения к нему должна быть обусловлена несколькими условиями.

Прежде всего, пороки сделки должны выходить за пределы того, что указано в нормах статей 61.2 и 61.3 Закона о несостоятельности. Помимо этого, сделка должна быть вредной, то есть последствием ее совершения является недостаточность конкурсной массы для удовлетворения требований всех заинтересованных лиц (иными словами, в результате указанного действия нарушается баланс интересов участников процедуры банкротства). И самое главное, поведение при этом направлено на удовлетворение собственного интереса без учета прав и интересов остальных участников правоотношения (установление факта злоупотребления правом).

Совокупность всех этих факторов указывает на то, что данная сделка представляет собой форму злоупотребления правом при банкротстве и вследствие такого поведения должно быть лишено правового значения.

Однако основное отличие сделки, пороки которой отражены в статьях 61.2 и 61.3 Закона о несостоятельности, от сделки, представляющей собой форму злоупотребления при банкротстве, заключается в том, что возможность оспаривания такой сделки не ограничена стадиями внешнего управления и конкурсного производства.

Несовершенство законодательной техники на этапе формирования норм либо намеренное их закрепление в подобной редакции способствовали формированию позиции, согласно которой оспаривание сделок должника по основаниям статей 61.2 и 61.3 Закона о несостоятельности допустимо только в процедурах внешнего управления или конкурсного производства (пункт 30 постановления Пленума ВАС РФ №63)¹.

Такое буквальное прочтение положений закона видится необоснованным: в том случае, если на этапе наблюдения или финансового оздоровления очевидно, что оспаривание сделки (либо нескольких сделок) приведет к восстановлению платежеспособности должника, нецелесообразно исключить возможность признания такой сделки (либо совокупности сделок) недействительной в рамках указанных процедур. Аналогично неоправданно закреплять необходимость обращения с подобными требованиями в рамках отдельных споров. Это приводит к существенному затягиванию процедуры банкротства².

Окончательно необходимость поиска альтернативного способа разрешения обозначенной проблемы признана после установления объективной неэффективности применяемого в настоящее время способа – возможности

---

¹ См.: Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 №63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. 2011. №3.

² Некоторые исследователи отмечают неэффективность наличия такой стадии, как наблюдение, поскольку это способствует неоправданному затягиванию процедуры несостоятельности и предоставляет дополнительное время для вывода ликвидных активов либо наращивания задолженности. См.: Мифтахутдинов Р.Т. Судебный акт как условие возбуждения дела о банкротстве и гегелевская диалектика: комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 12.10.2016 №306-ЭС16-3611 // Вестник экономического правосудия РФ. 2017. №2.

наложения ареста на имущество, отчужденное должником по оспариваемой сделке¹.

На этапе реализации указанного способа защиты прав заинтересованных участников процедуры несостоятельности было выявлено два существенных недостатка.

Первый из них заключается в длительности рассмотрения заявлений, поскольку суды нижестоящих инстанций не всегда сразу применяют ограничительные меры: подобные споры выявлены в практике Арбитражного суда Северо-Западного округа (первая и апелляционные инстанции отказали в наложении ареста)², Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда (первая инстанция удовлетворила заявление о наложении обеспечительных мер частично)³, Тринадцатого арбитражного апелляционного суда (суд первой инстанции отказал в удовлетворении заявления)⁴, Семнадцатого арбитражного апелляционного суда (первая инстанция отказала в удовлетворении заявления финансового управляющего о наложении ареста на земельный участок в рамках несостоятельности физического лица)⁵ и других судебных органов.

Второй недостаток связан с некорректным пониманием сущности вводимых ограничений: позиция сводится к тому, что арест представляет собой временную меру, следовательно, срок наложения ареста существенно ограничен, как и строгость ограничения – контрагент по сделке лишен только права распоряжения. Соответствующий подход продиктован тем, что в случае действительной недобросовестности указанная сделка может быть оспорена на других стадиях, а потому на данном этапе нет правовых оснований для ограничения прав другой стороны сделки.

---

¹ См.: Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 №63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

² См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20.02.2016 №Ф07-2398/2016 по делу №А56-40284/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.05.2013 по делу №А49-8749/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.01.2017 №13АП-33995/2016 по делу №А56-62267/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.05.2016 №17АП-2041/2016-ГК по делу №А60-47982/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

Примерами служат решения Арбитражного суда Уральского округа, Шестого арбитражного апелляционного суда, Тринадцатого арбитражного апелляционного суда, Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда и т.д.¹

Таким образом, предложенный механизм защиты прав кредиторов должника на иных стадиях банкротства, чем конкурсное производство и внешнее управление, не способствует достижению цели, ради которой был введен.

С учетом позиции судебных органов и развитием теоретической мысли в указанной области, по мнению диссертанта, концепция недобросовестного поведения в ее нормативном содержании (статья 10 ГК РФ во взаимосвязи со статьей 168 ГК РФ) представляет собой более рациональное решение, предполагающее использование не только в рамках иных стадий процедуры банкротства, но и вне рамок несостоятельности.

Внеконкурсное оспаривание воспринимается учеными и исследователями (А.В. Егоров, О.Р. Зайцев, А.Г. Карапетов, К.А. Усачева) как процесс оспаривания сделок должника вне процедуры банкротства (в порядке статей 10 и 168 ГК РФ)². Однако эта позиция требует расширения. Диссертант полагает, что внеконкурсное оспаривание целесообразно рассматривать как процесс установления злоупотребления при банкротстве. Последствием установления указанной формы недобросовестного поведения при несостоятельности является возможность оспаривания сделки как вне рамок процедуры банкротства, так и на иных стадиях, помимо внешнего управления или конкурсного производства, и по общим основаниям (статьи 10 и 168 ГК РФ), и по специальным (статьи 61.2 и 61.3 Закона о несостоятельности).

---

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 10.12.2015 №Ф09-8136/15 по делу №А76-11588/2015 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 12.12.2016 №06АП-6541/2016 по делу №А73-8561/2016 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.08.2016 №13АП-15675/2016 по делу №А42-8460/2015 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.07.2016 №13АП-14687/2016 по делу №А42-10332/2015 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.11.2015 №18АП-12161/2015 по делу №А47-3390/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

² К.А. Усачевой, в частности, поддерживается постулат о необходимости установления размера вреда, который причинен кредитору оспариваемым поведением стороны (см.: Усачева К.А. Основы внеконкурсного оспаривания в немецком и австрийском праве // Вестник экономического правосудия РФ. 2017. №11. С. 139, 141 – 142). Помимо этого, автор раскрывает, какие именно действия подлежат оспариванию, условия, необходимость наличия которых предоставляет возможность для обращения к институту внеконкурсного оспаривания; определяет круг лиц, способных обращаться с подобным требованием; анализирует основания оспаривания во взаимосвязи с примерами более развитого регулирования указанного вопроса в зарубежных право порядках.

Прежде всего в рамках начавшейся процедуры банкротства на стадии наблюдения или финансового оздоровления может быть установлено, что признание сделки недействительной способствует восстановлению платежеспособности должника. В случае, если пороки совершенной сделки не отвечают условиям, закрепленным в статьях 61.2 и 61.3 Закона о несостоятельности, основанием для оспаривания являются нормы статей 10 и 168 ГК РФ.

Если пороки сделки отвечают признакам, поименованным в нормах главы III.1 Закона о несостоятельности, установление факта злоупотребления правом становится основанием для применения специальных положений указанного закона.

Возможность использования установленного факта недобросовестного поведения в качестве основания для применения специальных положений представляет собой «иную меру» в контексте пункта 2 статьи 10 ГК РФ, применяемую для лиц, уличенных в недобросовестном поведении.

Наиболее неблагоприятным последствием в подобных категориях споров является применение специальных норм, закрепленных в статьях 61.2 и 61.3 Закона о несостоятельности. Учитывая, что гражданское законодательство (пункт 1 статьи 6 ГК РФ) закрепляет возможность обращения к аналогии закона, наличие соответствующей нормы позволяет применять к отношениям внеконкурсного оспаривания, когда оно происходит не на стадиях конкурсного производства и внешнего управления, положения статей 61.2 и 61.3 Закона о несостоятельности.

Аналогичным образом должны действовать нормы главы III.1 Закона о несостоятельности в том случае, если заинтересованное лицо намерено оспорить сделку без обращения к процедуре банкротства.

Альтернативным способом возможности применения специальных положений о несостоятельности, когда пороки оспариваемой сделки закреплены в статьях 61.2 или 61.3 Закона о несостоятельности, является обращение к статье 170 ГК РФ.

Пункт 2 статьи 170 ГК РФ закрепляет понятие притворной сделки, то есть сделки, которая совершена с целью прикрытия другой сделки, в том числе на иных условиях. Такая сделка признается ничтожной, а к сделке, которую стороны действительно имели в виду, применяются относящиеся к ней правила.

Недобросовестное поведение сторон такой сделки в том числе указывает на ее притворность, а это, в свою очередь, влечет возможность применения к такой сделке настоящих правил, то есть норм Закона о несостоятельности¹.

Нежелание обращаться к процедуре несостоятельности является нормой для стабильного хозяйственного оборота, поскольку указанный механизм побуждения должника к исполнению денежных обязательств длителен и затратен. В связи с этим действующее законодательство должно предусматривать иные способы защиты прав контрагентов. В то же время подобная мера не должна превратиться в самостоятельную форму злоупотребления при банкротстве.

Как верно указывал Д.Д. Гримм отдельный кредитор не может претендовать на большее, чем на полное удовлетворение своей собственной претензии против должника: только в этих пределах справедливо предоставлять ему право опровержения актов, совершенных должником с третьими лицами², в связи с чем при обращении с требованием об оспаривании сделки должника вне процедуры банкротства, заинтересованное лицо обязано доказать факт злоупотребления, а также пороки, соответствующие статьям 61.2 и 61.3 Закона о несостоятельности.

Вред оспариваемого действия заключается в том, что оно подводит к инициированию процедуры банкротства, а конкурсной массы в случае возбуждения дела о несостоятельности будет недостаточно для удовлетворения требований всех участников. В случае, если оставшегося имущества достаточно, применение механизма противодействия становится невозможным.

Указанная позиция нашла отражение в судебной практике, например, в постановлении Арбитражного суда Поволжского округа: суд отказался признать сделку недействительной, поскольку оставшейся конкурсной массы было

¹ См.: Определение ВС РФ от 31.07.2017 №305-ЭС15-11230 по делу №А40-125977/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Гримм Д.Д. Оспаривание актов, совершенных во вред кредиторам // Вестник гражданского права. 1915. №6. С. 45.

достаточно для удовлетворения требований кредиторов. Аналогичная позиция отражена в решениях Арбитражного суда Уральского округа¹ и Арбитражного суда Центрального округа².

Предложенное понимание коррелируется с позицией КС РФ, изложенной в постановлении от 14.07.2003 №12-П, согласно которой при рассмотрении дела необходимо исследование фактических обстоятельств дела по существу и недопустимо установление только формальных условий применения норм права³.

В рамках процедуры банкротства предложенный вывод должен быть интерпретирован таким образом, что не всякая сделка, совершенная в преддверии или в рамках процедуры банкротства, представляет собой форму злоупотребления при несостоятельности, а значит не всегда должна быть оспорена.

Такое понимание было воспроизведено в многочисленных судебных актах Арбитражного суда Уральского округа, ФАС Восточно-Сибирского округа, Арбитражного суда Московского округа, Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда и других судов⁴.

Внешними проявлениями подобной формы злоупотребления при банкротстве являются, в частности, необоснованная цель заключения сделки и неоднозначные условия ее совершения (невысокая стоимость, повышенный процент и короткий срок возврата крупной суммы, залог ликвидного имущества в обеспечение несоотносимого по стоимости с ценой договора, взаимосвязанность контрагента по договору с одним из потенциальных кредиторов или

---

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 01.12.2015 №Ф09-11619/13 по делу №А76-11349/2012 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление ФАС Уральского округа от 28.07.2014 №Ф09-2033/14 по делу №А50-25821/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 20.10.2016 №Ф10-3970/2016 по делу №А08-6665/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Постановление КС РФ от 14.07.2003 №12-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 4, пункта 1 статьи 164, пунктов 1 и 4 статьи 165 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 11 Таможенного кодекса Российской Федерации и статьи 10 Закона Российской Федерации “О налоге на добавленную стоимость” в связи с запросами Арбитражного суда Липецкой области, жалобами ООО “Папирус”, ОАО “Дальневосточное морское пароходство” и ООО “Коммерческая компания “Балис” // Российская газета. 2003. №150; Троицкая А. Пределы прав и абсолютные права: за рамками принципа пропорциональности? Теоретические вопросы и практика Конституционного суда РФ // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. №2.

⁴ См.: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24.11.2016 №Ф09-4460/15 по делу №А60-38881/2013 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 04.06.2014 по делу №А78-7611/2012 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.08.2016 №Ф05-6400/2016 по делу №А41-16507/2014 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.08.2013 по делу №А55-12910/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

родственников должника), ожидаемость соответствующего поведения лица его контрагентами с точки зрения нормального хозяйственного оборота, наличие какой-либо скрытой выгоды для должника от заключения указанной сделки, нарушение финансовой стабильности должника в результате заключения договора).

Подобные условия отражены, например, в определении ВС РФ №4-КГ15-54, в котором было отмечено, что отчуждение имущества в целях его сокрытия от возможного обращения взыскания со стороны кредиторов является злоупотреблением правом и влечет недействительность соответствующей сделки на основании статей 10 и 168 ГК РФ¹.

В определении ВС РФ от 15.12.2014 по делу №309-ЭС14-923, когда одним из кредиторов были оспорены договоры купли-продажи долей должника, суд пришел к выводу, что, если кредитор представил достаточно серьезные доказательства и привел убедительные аргументы в пользу того, что должник и контрагент при заключении договора действовали недобросовестно, на ответчика переходит бремя доказывания того, что сделка совершена в интересах контрагентов, по справедливой цене, а не для причинения вреда кредиторам путем воспрепятствования обращению взыскания на имущество и имущественные права по долгам².

Аналогичные позиции отражены в многочисленных решениях иных судов³.

Недоказанность совокупности предложенных обстоятельств является основанием для отказа в удовлетворении требования об установлении факта злоупотребления при несостоятельности и невозможности применения следующих за этим фактом последствий.

Это особенно важно, поскольку механизм противодействия форме злоупотребления правом при несостоятельности предполагает гораздо больше последствий, чем двусторонняя реституция.

¹ См.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 01.12.2015 №4-КГ15-54 // СПС «КонсультантПлюс».

² СПС «КонсультантПлюс».

³ См., например, Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 03.09.2014 №Ф03-3745/2014 по делу №А24-4270/2011 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.05.2014 №15АП-4713/2014 по делу №А53-20966/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

Показательным с этой точки зрения является судебный спор «Уралмаш НГО Холдинг против Свиридова и Юркова», когда суд, установив исследуемую форму злоупотребления (выдача займов), рассматривал вопрос о невключении требований в реестр требований кредиторов (или, как минимум, понижения очередности указанных требований). В данном случае поведение участников было направлено на такое последствие, как создание задолженности, позволяющей контролировать процедуру банкротства. Формой исполнения является заключение необоснованных сделок. В таком случае лишение правового значения последствия указанного поведения требует иного подхода, чем двусторонняя реституция и последующее включение реституционного требования в реестр требований кредиторов. С этой целью ВС РФ проанализировал указанное поведение и применил механизм противодействия форме злоупотребления при банкротстве, а не очередной сделке, имеющей в себе какие-либо пороки, тем более что очевидных пороков исследуемые сделки не содержали¹.

Полагаем, что закрепление описанного понимания сущности такой формы злоупотребления правом, как сделка (особенно в вопросах внеконкурсного оспаривания), на уровне разъяснений ВС РФ позволит более эффективно и своевременно предотвращать подобные проявления на практике, ускорять процедуру банкротства или предвидеть ее необоснованное использование.

§ 2. Иные формы злоупотреблений при банкротстве

Сделка как форма злоупотребления правом, так или иначе, встречается в качестве элемента при иных формах недобросовестного поведения при несостоятельности. Тем не менее на некоторые особенности необходимо обратить внимание.

Несмотря на меняющееся отношение к отдельным вопросам процедуры банкротства превалирует формальный подход. Это осложняет рассмотрение

---

¹ См.: Определение ВС РФ от 06.07.2017 №308-ЭС17-1556(1) по делу №А32-19056/2014 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение ВС РФ от 06.07.2017 №308-ЭС17-1556(2) по делу №А32-19056/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

судебными органами тех споров, когда поведение сторон неочевидно и включает в себя совокупность действий, частью из которых являются сделки.

Судебная практика изобилует примерами оспаривания отдельно взятых соглашений¹, однако чаще всего субъекты используют более изощренные средства и способы, требующие более тщательного анализа со стороны как судебных органов, так и иных заинтересованных лиц.

Детальное исследование рассматриваемых правоотношений позволило идентифицировать такую форму злоупотребления при банкротстве, как схема вывода активов. Указанное понятие было сформулировано практикой и описывает совокупность действий, направленных на исключение из конкурсной массы какого-либо имущества.

Содержание данной формы может быть раскрыто в рамках анализа судебных решений.

Пример 1. Должник – «Маяк Урала» – собственник нежилого помещения. До возбуждения дела о банкротстве указанное помещение находилось в аренде у другого общества – «Трапеза». Генеральный директор должника и генеральный директор арендатора – родственники (отец и дочь). Далее ООО «Маяк Урал» решило учредить ООО ПФК «Союз» (являясь его единственным участником) с уставным капиталом 10 млн руб., формируемым за счет указанного выше нежилого помещения. На внеочередном собрании акционеров общества «Маяк Урал» было принято решение о продаже 100% доли в обществе ПФК «Союз», в связи с чем в пользу ПФК «Союз» был зарегистрирован переход права собственности на вышеуказанные нежилые помещения. Далее между обществом «Маяк Урала» и физическим лицом был заключен договор купли-продажи, по условиям которого общество произвело отчуждение принадлежащей ему 100%

---

¹ См., например, Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 07.04.2017 №Ф02-1013/2017 по делу №А19-8839/2013 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 07.09.2017 №Ф03-3352/2017 по делу №А73-18130/2015 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.09.2017 №Ф05-15674/2016 по делу №А40-197397/2015 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 11.09.2017 №Ф07-6705/2017 по делу №А56-86660/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

доли в уставном капитале ПФК «Союз» номинальной стоимостью 10 млн руб. по такой же цене, о чем в ЕГРЮЛ была внесена соответствующая запись.

Далее указанное физическое лицо (новый собственник доли) решил также продать свои 100% доли в ПФК «Союз» второму физическому лицу, о чем была также внесена соответствующая запись в ЕГРЮЛ. Второе физическое лицо приняло решение о возложении на себя обязанностей директора ПФК «Союз». Позже третье физическое лицо обратилось ко второму физическому лицу с заявлением о принятии его и его вклада (в размере 10 тыс. руб.) в состав участников ПФК «Союз». В указанный день вторым физическим лицом было принято решение об увеличении уставного капитала ПФК «Союз» до 10 010 тыс. руб. за счет поступившего вклада от третьего физического лица, и обратилось в регистрирующий орган с заявлением о внесении соответствующих изменений в государственный реестр.

Впоследствии второе физическое лицо обратилось в ПФК «Союз» с заявлением о выходе из состава его участников и добровольной передаче своей доли в размере 99,01% уставного капитала обществу по номинальной стоимости 10 млн руб. Второе физическое лицо обратилось к ПФК «Союз» с заявлением о выплате действительной стоимости доли в уставном капитале общества имуществом в натуре, а именно передачей нежилого помещения. Оставшимся единственным участником ПФК «Союз» третьим физическим лицом было принято решение об уменьшении уставного капитала до 10 тыс. руб. и передаче второму физическому лицу (в связи с выходом из участников) нежилого помещения, стоимость которого равна действительной стоимости доли. Право собственности на нежилое помещение было зарегистрировано за вторым физическим лицом. Следует отметить, что указанное нежилое помещение было обременено залогом в пользу банка (по договору ипотеки), а также долговременной арендой в пользу общества «Трапеза».

Описанные выше события происходили в 2009–2010 гг. В 2010 году ООО «Маяк Урала» обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании его

несостоятельным. Оно было признано банкротом, и в отношении него было открыто конкурсное производство.

В рамках банкротного спора сделка по отчуждению 100% доли в пользу первого физического лица была признана недействительной в связи с тем, что доля была реализована по существенно заниженной цене (рыночная стоимость доли составляла более 19 млн руб.). Судом апелляционной инстанции были применены последствия недействительности указанной сделки, и данная сумма была взыскана в пользу должника с первого физического лица. В итоге исполнительное производство в отношении указанного гражданина было прекращено в связи с отсутствием у последнего имущества, на которое можно было бы обратить взыскание.

Далее конкурсным управляющим была оспорена цепочка взаимосвязанных сделок, совершенных должником, ПФК «Союз» и всеми физическими лицами, поскольку все они прикрывали сделку по передаче нежилого помещения в собственность одного из физических лиц. На данном этапе описания дела следует пояснить, что второе физическое лицо, за которым в итоге было зарегистрировано право собственности на спорное помещение, – это дочь генерального директора должника, которая является генеральным директором Общества «Трапеза», то есть арендатора указанного помещения.

Суд апелляционной инстанции указал, что для квалификации ряда оспариваемых сделок как прикрывающих фактическую сделку по отчуждению недвижимого имущества от должника с целью его передачи второму физическому лицу необходимо доказать их объективную и субъективную взаимосвязь, а именно наличие единой цели и взаимную обусловленность. При этом в случае установления их притворности необходимо исследовать собственно прикрываемую сделку на предмет наличия в действиях генерального директора должника и второго физического лица злоупотребления правом как в отношении законных интересов должника – общества «Маяк Урала», так и его кредиторов.

Принимая во внимание вывод имущества из числа активов неплатежеспособного должника и конечный результат оспариваемой череды

сделок, заключающийся в оформлении имущества в собственность заинтересованного по отношению к должнику лица, осуществление ряда оспариваемых сделок в условиях непрерывного фактического и юридического контроля за спорным имуществом со стороны должника и его заинтересованного лица, непродолжительность промежутков между отдельными сделками в ряду оспариваемых сделок, а также иные представленные доказательства, суд пришел к выводу о совершении оспариваемого ряда сделок в целях прикрытия фактического отчуждения должником принадлежащего ему ликвидного объекта недвижимости в пользу заинтересованного лица. Конечная сделка представляет собой сделку со злоупотреблением правом¹.

Таким образом, вывод активов – это более сложная форма злоупотребления. Она может сопровождаться рядом последовательных сделок, но не ограничена только указанным действием.

Приведенный пример показателен с точки зрения сложности предложенной формы злоупотребления при банкротстве, когда недобросовестное поведение представляет собой комплекс мер, направленных на достижение определенной цели. Для установления схемы вывода активов недостаточно проанализировать одну сделку – необходимо изучить все условия и сопутствующие факторы, которые могут указать на недобросовестность сторон.

Например, сделка сама по себе может не отвечать признакам недействительности, установленным в статьях 61.2 и 61.3 Закона о несостоятельности, однако если предметом сделки является единственный актив должника, а условия сделки (например, о цене) не соответствуют рыночным условиям, здесь можно усмотреть такую форму злоупотребления, как вывод активов.

Пример 2. Должник – общество «МакФин» – произвел отчуждение недвижимого имущества в пользу другого общества – «Аспект»). Номинальная цена договора составила 69 млн руб., в то время как рыночная стоимость

---

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 04.02.2015 №Ф09-6661/12 по делу №А60-33433/2010. Определением ВС РФ от 05.05.2015 №309-ЭС14-922 было отказано в передаче указанного спора в Судебную коллегия по экономическим спорам ВС РФ для пересмотра указанного решения в порядке кассационного производства (СПС «КонсультантПлюс»).

отчуждаемого имущества была 25 млн руб. После совершения сделки должник был намерен ликвидироваться, о чем в реестр юридических лиц была внесена соответствующая запись. Однако в отношении указанного имущества судом были применены обеспечительные меры, в связи с чем процесс ликвидации приостановился.

Суды первой и апелляционной инстанций пришли к выводу о намеренной схеме вывода активов должника, поскольку установленные обстоятельства свидетельствовали об отсутствии для должника экономической выгоды от совершения оспариваемой сделки.

Учитывая, что договор заключен в преддверии банкротства, суды квалифицировали поведение сторон как действия, направленные на выведение имущества должника в целях недопущения обращения на него взыскания для расчетов с кредиторами¹.

Сложность подобной формы злоупотребления заключается в том, что она предполагает определенную множественность взаимосвязанных участников. Введение дополнительных субъектов правоотношения необходимо для исполнения придуманной схемы: третьи лица могут выкупать права требования для последующего заключения сделки с должником либо переводить на себя ценное имущество с целью последующей ликвидации².

Пример 3. Должник (ЗАО «Технологии Севера») имел задолженности перед ООО-1 (Рэм ЭкономСтрой) и ООО-2 (Комплекс-Строй). ООО-1 и ООО-2 уступили свои права требования к должнику в пользу ООО-3 (Север-СМ). Должник рассчитывается с ООО-3 своим недвижимым имуществом. Между обществами происходит взаимозачет (долг по ранее заключенному договору у ООО-3 перед должником и долг в рамках цессии у должника перед ООО-3).

Как указал суд, путем заключения оспариваемого договора его стороны использовали схему, в результате реализации которой должник утратил

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 27.08.2014 №Ф09-496/11 по делу №А76-24168/2009. Определением ВС РФ от 12.12.2014 №309-ЭС14-5276 отказано в передаче дела №А76-24168/2009 в Судебную коллегию по экономическим спорам ВС РФ для пересмотра в порядке кассационного производства // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Карелина С.А. Замещение активов как мера по восстановлению платежеспособности должника по законодательству РФ // Предпринимательское право. 2014. №2.

ликвидное недвижимое имущество. Тот факт, что в рамках уступленного требования кредиторская задолженность должника перед ООО-1 и ООО-2 была погашена, не имеет значения, поскольку при отсутствии такого погашения требования указанных обществ (при отсутствии договоров цессии) при наличии к тому оснований могли быть включены в третью очередь реестра требований кредиторов; такой же подход применяется и к полученному от этих кредиторов праву требования задолженности ООО-3. В настоящее время ООО-3 получило безосновательное предпочтительное удовлетворение требований перед требованиями других кредиторов.

Помимо этого, в рамках спора были представлены доказательства того, что между должником и ООО-3 в аналогичном порядке (путем зачета в рамках договора цессии) совершены сделки по отчуждению материалов и оборудования, недвижимого и движимого имущества, в связи с чем суд пришел к выводу, что в указанных действиях усматривается единая цель проведения сделок – вывод ликвидных активов общества-должника. Сторонами указанной схемы являются заинтересованные лица. Такое поведение направлено на ухудшение платежеспособности должника и уменьшение его активов и конкурсной массы, следствием чего является полная или частичная утрата возможности кредиторов получить удовлетворение своих требований по обязательствам должника за счет его имущества¹.

В рамках другого спора суды трех инстанций пришли к выводу о том, что стороны создали схему, повлекшую вывод активов из конкурсной массы, так как договоры, на основании которых осуществлялась передача спорного имущества, являются недействительными, а конечный собственник имущества ликвидировался, предварительно реализовав его по невыгодной сделке².

Указанная форма злоупотреблений предполагает необходимость анализа не только круга участников, но и специализации их деятельности, поскольку

---

¹ См.: Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 11.10.2016 №04АП-3298/2015 по делу №А58-1600/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.09.2015 №18АП-8501/2015 по делу №А76-3397/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

несоответствие предпринятых действий и предпринимательского интереса может свидетельствовать о злоупотреблении в форме вывода активов.

Пример 4. Между должником (ООО) и физическим лицом в преддверии банкротства (за пять месяцев до подачи заявления о признании несостоятельным) был заключен договор уступки прав требований к обществу, специализирующемуся на реализации автотранспортных средств. Суд установил, что физическое лицо не имеет в собственности недвижимого имущества либо автотранспорта, не обладает доходом, который мог бы позволить такому физическому лицу оплатить уступаемое право, физическое лицо не является индивидуальным предпринимателем, а значит, принимая во внимание специфику сделки, заключение договора цессии было для такого физического лица очевидно нехарактерно.

Суд указал, что установленные обстоятельства дают основание полагать, что должник, совершая описанные выше действия, имел своей целью вывести свои активы во избежание обращения на них взыскания, а потому разрешение спора зависит от того, насколько физическое лицо и должник докажут свою добросовестность: в частности, приведут доводы в пользу разумности своего поведения, дадут удовлетворительные объяснения целесообразности сделок, а равно того, что при их совершении были приняты исчерпывающие меры к установлению разумности и добросовестности иных участников этих сделок с тем, чтобы исключить нарушение прав и законных интересов третьих лиц. Ответчики не смогли привести разумные доводы своей добросовестности, поэтому суд признал сделку недействительной¹.

В другом случае судом было установлено, что внесение крупной суммы предоплаты по договору поставки на будущие партии поставок без явной к тому необходимости вызывает сомнения в добросовестности сторон при совершении сделки. Согласно выводу суда, оспариваемые сделки представляют собой элемент схемы по изъятию у должника в пользу заинтересованного лица ликвидного

---

¹ См.: Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.06.2015 №17АП-5183/2015-ГК по делу №А71-9456/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

имущества без внесения за него какой-либо платы, за счет которой возможно было бы осуществить расчет с кредиторами¹.

Форма вывода активов, помимо прочего, предполагает анализ последующей юридической судьбы имущества, которое было выведено из конкурсной массы. Как правило, участники совершают цепочку последовательных сделок, и изъять имущество у конечного бенефициара в таком случае невозможно. Однако бывают и исключения. Так, в рамках спора, оказавшегося на рассмотрении Арбитражного суда Томской области, должник менее чем за год до процедуры банкротства совершил сделку купли-продажи объектов недвижимости, покупателем по которой выступило заинтересованное лицо (родственник). Далее указанные помещения были переданы в качестве отступного третьему лицу. Один из кредиторов должника попытался оспорить данную сделку, однако ему было отказано по причине того, что третье лицо получило имущество не по первоначальному (подозрительному) договору купли-продажи, а в результате иной сделки, а потому права добросовестного приобретателя подлежат преимущественной защите. С таким решением согласились апелляционная и кассационная инстанции². Иными словами, добросовестность контрагента по конечной сделке была поставлена выше прав и интересов кредиторов, в результате чего цепочка совершенных сделок была санирована. При этом суд не сделал отсылку к разъяснениям постановления Пленума ВАС РФ №63³.

В другом случае, наоборот, при идентичности обстоятельств спора, было принято иное решение. Банкрот менее чем за год до возбуждения дела о банкротстве, заключил с родственником договор дарения объектов недвижимости. Далее указанные объекты были переданы в качестве вклада в

---

¹ См.: Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.01.2017 №17-АП-5228/2016 по делу №А60-1366/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 04.04.2013 по делу №А67-608/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

³ На основании пункта 16 постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 №63 в случае передачи вещи по цепочке сделок и признания недействительной первой сделки из указанной цепочки вещь может быть отобрана у конечного приобретателя посредством предъявления самостоятельного виндикационного иска вне рамок процедуры банкротства. Однако, если к моменту рассмотрения виндикационного иска стоимость вещи будет полностью уплачена, суд отказывает в удовлетворении такого требования. См.: Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 №63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

уставной капитал хозяйственного общества, единственным учредителем и участником которого являлось одаряемое лицо. Высший судебный орган признал договор дарения недействительной сделкой, указав в мотивировочной части решения, что порочность (ничтожность) первоначальной сделки влечет порочность всех последующих действий с имуществом, полученным по такой сделке¹.

Вывод активов в качестве формы злоупотребления, помимо прочего, нередко предполагает обращение к таким правовым институтам, как соглашение об отступном либо взаимозачет требований.

Пример 5. Должник (ООО) являлся арендатором нежилых помещений, арендодателем выступал ИП. Между должником и ИП в период обращения должника с заявлением в арбитражный суд о признании себя несостоятельным были заключены соглашения о взаимозачете по требованиям ИП к должнику в части задолженности по арендной плате, и должника к ИП в части задолженности по ранее заключенным договорам. Суды двух инстанций в таком поведении усмотрели схему по выводу в пользу заинтересованного лица имущества должника, в связи с чем признали их недействительными².

В другом случае суд указал, что соглашение об отступном является недействительным, поскольку выявлена схема вывода активов в преддверии банкротства, на что указывают незначительный промежуток заключения последовательных сделок по отчуждению имущества должника и отсутствие имущественной выгоды для должника от заключаемых сделок³. Подобная позиция нормативно обоснована: пункт 1 статьи 63, пункт 1 статьи 81 Закона о банкротстве, пункты 5 и 16 постановления Пленума ВАС РФ №32, пункты 1,2, 12, 25 и 28 постановления Пленума ВАС РФ №63.

Следует отметить, что в отличие от иных примеров исследуемой формы злоупотребления при банкротстве, взаимозачет требований и предоставление

---

¹ См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 27.07.2011 №3990/11 // Вестник ВАС РФ. 2011. №11.

² См.: Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 30.05.2013 по делу №А70-3878/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 03.09.2013 №09АП-25468/2013 по делу №А40-64995/11-4-308Б // СПС «КонсультантПлюс».

отступного не всегда следует воспринимать через призму недобросовестного поведения. В науке невозможность использования указанных способов прекращения обязательств в рамках процедуры банкротства подвержена существенной критике.

А.В. Егоров, в частности, утверждает, что возможность зачета позволит удовлетворять хотя бы отдельные требования кредиторов, в отличие от ситуации полной невозможности погашения требований, вызванной фактическим запретом на обращение к институту зачета¹. Свою позицию Егоров А.В. выстраивает, ориентируясь на зарубежный опыт, поскольку иностранные правовые порядки соответствующих запретов не содержат. Например, немецкое законодательство, например, исходит из того, что зачет позволяет конкурсному кредитору самостоятельно удовлетворить свои требования за счет направленного против него права требования. Французское законодательство допускает совершение зачета после открытия конкурсного производства в том случае, если требования взаимообусловлены, определены и созрели. При этом если одно из требований созревает после опубликования решения о признании должника банкротом, зачет более не допускается. В Италии кредиторы имеют право осуществить зачет и в том случае, если срок платежа по чьему-либо требованию (должника или кредитора) наступил уже после открытия конкурсного производства (статья 56 Конкурсного закона 1942г.)².

При всем многообразии положительных примеров из зарубежного опыта следует помнить, что указанные вариации приобретают значение только в условиях реальной добросовестности сторон. В связи с этим имплементация положительного опыта должна происходить постепенно, и анализ действующего законодательства позволяет говорить о постепенном реформировании и в этой сфере.

Возможно, распространенное мнение о невозможности зачета или соглашения об отступном в рамках процедуры банкротства изменится в связи с

---

¹ См.: Егоров А.В. Зачет при банкротстве: российское право и мировые тенденции // Закон. 2011. №8. С. 43-44; Егоров А.В. Реституция по недействительным сделкам при банкротстве // Вестник ВАС РФ. 2010. №12; Рухтин С.А. Злоупотребление правом или правовое обоснование реституции при банкротстве // Хозяйство и право. 2006. №3.

² См.: Егоров А.В. Зачет при банкротстве: российское право и мировые тенденции // Закон. 2011. №8. С. 47-51.

решением ВС РФ. В рамках одного из дел после принятия к производству заявления о признании должника банкротом должник передал залоговому кредитору имущество в качестве отступного по кредитному обязательству. Конкурсный управляющий должника предположил, что этим залоговому кредитору оказано предпочтение перед другими кредиторами. Нижестоящие суды поддержали это мнение, и сделка была признана недействительной. Верховный суд РФ, в свою очередь, с этим не согласился, указав, что залогодатель вправе получить удовлетворение своих требований за счет стоимости заложенного имущества приоритетно перед остальными в части 80%, поэтому речь о каком-либо необоснованности предпочтении идти не может. Если нижестоящие суды усмотрели необоснованное предпочтение, им следовало определить долю такого предпочтения¹.

Указанное решение показательно с точки зрения анализа существа заключаемых соглашений на предмет наличия или отсутствия недобросовестности в действиях сторон. В данном случае на стороне контрагента выступил залоговый кредитор, что предполагает вариативность поведения. Однако это не значит, что предложенные выводы не могут быть применены к иным ситуациям, когда на стороне выступает кредитор, чьи требования не обеспечены залогом. Значимость решения заключается в возможности изменения формального подхода в части возможности погашения обязательств посредством заключения соглашений об отступном или взаимозачета требований.

В целом, анализируя предложенные примеры из практики, важно указать, что такая форма злоупотребления при банкротстве, как вывод активов, обладает отличительными признаками, позволяющими идентифицировать указанное поведение в качестве недобросовестного.

Прежде всего, вывод активов – это поведение, включающее в себя совокупность последовательных взаимообусловленных действий. Предпринимаемые действия направлены на достижение определенной цели –

---

¹ См.: Определение ВС РФ от 14.02.2018 №305-ЭС17-3098(2) по делу №А40-140251/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

удовлетворение интереса одного или нескольких участников в рамках процедуры банкротства (или за счет указанной процедуры) без учета прав и интересов других лиц. Иными словами, это сложный механизм действий, в которые, помимо прочего, вовлечены не только прямо заинтересованные лица, но и иные участники, связанные с основными субъектами недобросовестного поведения¹.

Поскольку не только вывод активов, но и иные виды и формы злоупотреблений предполагают аффилированное звено, постольку необходимо более детально проанализировать вопрос взаимосвязанности в рамках злоупотребления при банкротстве.

Связь (прямая или косвенная) между участниками злоупотребления – это сопутствующее условие для любого вида или формы недобросовестного поведения (и не только в рамках банкротства). Установление взаимосвязи, как правило, облегчает задачу для заинтересованных (добросовестных) лиц, стремящихся восстановить справедливое положение и не допустить нарушения собственных прав.

Так, в рамках одного из споров суд указал, что на злоупотребление правом при заключении оспариваемого соглашения указывают: неравноценность предоставления встречного обеспечения, незначительный промежуток заключения последовательных сделок и взаимосвязанность участников сделки. Учитывая установленные обстоятельства, суд пришел к выводу о реализации схемы вывода активов должника в преддверии банкротства².

Аналогичное указание на аффилированность лиц в качестве фактора, идентифицирующего злоупотребление при банкротстве, было отражено в решении Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда³.

Несмотря на наличие положительных примеров, установление взаимосвязи между лицами – процесс трудоемкий, а несовершенство законодательства

---

¹ Следует отметить, что универсальность предложенной формы подтверждает исследование Сеницына С.А., рассматривающего ее в контексте недобросовестного поведения банков См. подробнее: Сеницын С.А. Правовые средства предупреждения и противодействия вывода активов банками: вопросы совершенствования законодательства // Предпринимательское право. 2018. №1. С. 66 – 70.

² См.: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 29.09.2014 по делу №А45-2168/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.04.2014 №18АП-3741/2014 по делу №А07-18929/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

способствует еще большему его усложнению. Особенно это касается физических лиц, поскольку они вовлекают в процедуру банкротства таких лиц, взаимосвязанность с которыми установить не всегда возможно.

Несмотря на то что круг аффилированных с гражданином лиц (применительно к процедуре банкротства) был реформирован, изменения носили бессистемный характер, и это повлекло увеличение числа дел, связанных с недобросовестными действиями, когда сторонами спора являются физические лица.

Важность установления взаимосвязи обусловлена тем, что судебная практика полна примерами, когда к недобросовестным действиям в рамках процедуры банкротства (как правило, к сделкам), совершенным физическим лицом до 01.10.2015, специальные основания Закона о несостоятельности (статьи 61.2 и 61.3) не применялись, а поведение могло быть оспорено только на основании статьи 10 ГК РФ¹.

Установление или отсутствие факта злоупотребления, в свою очередь, было напрямую связано с тем, вовлечено ли в недобросовестное поведение взаимосвязанное с должником лицо (самим должником, если должник – физическое лицо, или кем-либо из его органов, если должник – юридическое лицо).

И хотя подобное основание для обжалования должно было упростить механизм противодействия недобросовестному поведению в рамках банкротства, на деле невозможность установления взаимосвязи между участниками злоупотребления приравнивалась к отказу в удовлетворении заявленных требований, направленных на защиту интересов добросовестных субъектов.

Под заинтересованными лицами по отношению к гражданину понимались (как и в настоящее время) его супруг, родственники по прямой восходящей и нисходящей линии, сестры, братья и их родственники по нисходящей линии,

---

¹ См.: Федеральный закон от 29.06.2015 №154-ФЗ «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

родители, сестры и братья супруга (пункт 3 статьи 19 Закона о несостоятельности).

Предложенный перечень практически идентичен кругу близких родственников, перечисленных в статье 14 СК РФ: родственники по прямой восходящей и нисходящей линии (родители, дети, дедушки, бабушки, внуки), а также полнородные и неполнородные (имеющие общих отца или мать) братья и сестры. Иными словами, законодатель полагает, что наличие родства или свойства априори указывает на недобросовестность участников отношений.

В то же время из любого правила имеются исключения, и формальность при рассмотрении подобных категорий споров недопустима, поскольку материальные успехи одного из супругов могут напрямую зависеть не только от его собственных действий, но и от поддержки другого супруга, что привело к финансовой стабильности (или богатству).

Гражданин – особый субъект правоотношений, который не связан с предпринимательской или иной экономической деятельностью, а потому основной массив злоупотреблений в таком случае обнаруживается в брачно-семейной плоскости и нормативно проявляется посредством недобросовестного использования таких институтов, как брачный договор, соглашение о разделе совместно нажитого имущества, соглашение об уплате алиментов¹.

Рассматривать указанные правовые явления через призму имущественной неравноценности предоставления не всегда справедливо, поскольку моральный, психологический или иной нематериальный вклад бывает гораздо более существенным, чем денежный.

---

¹ См.: Будылин С.Л. Все мы делим пополам. Банкротство граждан и семейное имущество в России и за рубежом // Вестник экономического правосудия РФ. 2015. №4; Карелина С.А., Фролов И.В. Механизм освобождения гражданина-должника от обязательств как следствие его банкротства: условия и порядок применения // Право и экономика. 2015. №10.; Кирилловых А.А. Банкротство физических лиц: новации законодательства о несостоятельности // Законодательство и экономика. 2015. №6; Олевинский Э. С новым банкротством. Банкротство физических лиц в некоторых ситуациях – единственный законный способ избавиться от долгов // Юрист спешит на помощь. 2015. №1; Шелютто М.Л. Правовые последствия заключения соглашения об уплате алиментов с целью причинения имущественного вреда кредиторам // Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики). Вып. 23 / отв. ред. В.Ф. Яковлев. М., 2017.

Вместе с тем, принимая во внимание приоритет защиты прав кредиторов при банкротстве одного из супругов (о чем было указано ранее), нельзя допустить недобросовестного использования брачно-семейной сферы отношений.

Наиболее распространенным примером злоупотребления при банкротстве в таком случае является заключение сторонами брачного договора, изменяющего режим совместно нажитого имущества в пользу супруга – банкрота, незадолго до начала процедуры банкротства. Указанное соглашение тем не менее может быть признано недействительным по заявлению заинтересованного лица. К моменту рассмотрения спора о несостоятельности указанный брачный договор даже может быть расторгнут в целях невозможности признания его недействительным, однако это не препятствует судам выносить положительные решения в случае оспаривания указанного договора.

Подобное поведение было рассмотрено Арбитражным судом Северо-Западного округа. Согласно материалам дела, брачный договор (стороной которого являлся должник) был заключен 20.06.2012 (менее чем за год до возбуждения производства по делу). Условия брачного договора изменили установленный законный режим имущества супругов, в результате чего ликвидные активы супруга-должника были переведены на имя второго супруга.

Стороны расторгли брачный договор по взаимному согласию в 22.04.2014, поэтому на момент рассмотрения дела о банкротстве договор перестал действовать.

Суд первой инстанции решил, что, поскольку брачный договор на момент рассмотрения дела о банкротстве расторгнут, права кредиторов должника не могут быть нарушены.

Апелляционная инстанция с таким выводом не согласилась. Брачный договор в период его действия явился основанием для изменения собственника имущества, в результате чего конкурсная масса должника уменьшилась. Учитывая, что расторжение брачного договора изменило правоотношения сторон исключительно на будущее время, указанный факт не может быть принят во

внимание, поскольку актуальность имеют те имущественные отношения, которые сложились в период его действия.

Брачный договор был признан апелляционной и кассационной инстанциями недействительной сделкой на основании того, что стороной по сделке являлось заинтересованное лицо¹.

Следует отметить, что судебная практика с одной стороны совершенствует подходы к изобличению злоупотреблений при банкротстве, а с другой стороны влияет на их усложнение. Так, после принятия вышеуказанного решения (и иных аналогичных ему) более распространенными стали случаи заключения соглашений между супругами заблаговременно до начала процедуры несостоятельности. До введения процедуры банкротства либо в период ее введения, банкрот и его супруг заключают какую-либо гражданско-правовую сделку в отношении совместно нажитого имущества. Подтверждением добросовестности сторон в случае возникновения спора о признании заключенных договоров недействительными является наличие брачного договора, определяющего имущественное положение каждой сторон.

Подобный механизм поведения был описан в рамках дела, переданного на рассмотрение в Арбитражный суд Северо-Западного округа. Банкрот и его супруга заключили договор купли-продажи автомобиля (приобретенного на кредитные средства, возврат которых был обеспечен залогом). Указанный договор был заключен менее чем за год до введения процедуры банкротства. При этом ранее (примерно за три года до введения процедуры) между супругами было заключено соглашение о разделе совместно нажитого имущества, касающееся в том числе и транспортного средства.

Суды первой и апелляционной инстанций отказывали в признании указанной сделки недействительной, полагая, что фактически транспортное средство выбыло из общей собственности супругов задолго до заключения оспариваемого договора (на основе заключенного ранее соглашения о разделе совместного имущества). Кассационная инстанция с такими выводами не

---

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23.12.2014 №Ф07-3059/2014 по делу №А21-4832/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

согласилась, поскольку информация о соглашении не была доведена ни до банка (согласие которого требуется для смены собственника), ни до регистрирующего транспортного средства органа. Не был исследован и вопрос о реальной передаче денежных средств по заключенному договору. Ввиду того что нижестоящими судами не были в полном объеме изучены все обстоятельства по делу, оно было возвращено на новое рассмотрение. Впоследствии договор был признан недействительным¹.

Несмотря на то что решение было принято в пользу интересов кредиторов, предполагается, что основным фактором для принятия соответствующего судебного акта послужила не аффилированность сторон сделки, а отсутствие согласия залогодержателя. Возможно, в случае отсутствия обременения на имущество либо наличия согласия со стороны банка спорное транспортное средство не было бы возвращено в конкурсную массу.

Злоупотребления могут быть обнаружены не только в рамках брачных договоров или соглашений о разделе совместно нажитого имущества, но и при заключении алиментных соглашений, когда стороны устанавливают непомерно высокие размеры алиментных выплат на содержание несовершеннолетнего ребенка или иных лиц, находящихся на иждивении должника.

Указанные соглашения также оспариваются в рамках процедуры банкротства. Судебная позиция сводится к тому, что недобросовестность в таком случае выражена в неразумном поведении должника, действия которого направлены на искусственное увеличение размера кредиторской задолженности².

Следует отметить, что вышеуказанные примеры предполагают наличие между супругами официально зарегистрированных брачных отношений. Официально зарегистрированные отношения не создают особых препятствий при установлении взаимосвязанности сторон. Однако ситуация значительно осложняется, если брачные отношения между сторонами прекратились. Бывший

---

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 01.09.2014 №Ф07-2518/2013 по делу №А05-11611/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 05.08.2013 по делу №А03-15005/2010 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 20.11.2014 по делу №А41-27844/12 // СПС «КонсультантПлюс».

супруг, то есть лицо, семейные отношения с которым официально прекращены, не является заинтересованным лицом (статья 19 Закона о несостоятельности), равно как и близким родственником (статья 14 СК РФ).

На рассмотрение Двенадцатого арбитражного апелляционного суда был передан спор, связанный с оспариванием соглашения о разделе совместно нажитого имущества, заключенный между должником и его супругом менее чем за год до начала процедуры банкротства.

Суды всех инстанций, включая ВАС РФ, отказали в признании данной сделки недействительной, мотивируя отказ тем, что на момент совершения оспариваемого договора брачные отношения между сторонами были прекращены, а значит, на момент заключения соглашения бывшая супруга должника не являлась заинтересованным лицом¹.

Подобный подход обоснован с точки зрения права, но не с позиции сохранения баланса интересов в рамках процедуры банкротства. Прекращение брачных отношений не означает прекращения взаимосвязанности сторон, и отсутствие в нормах Закона о несостоятельности и СК РФ упоминания такого аффилированного с гражданином лица, как бывший супруг, является существенным недостатком действующего законодательства в указанной части.

Перечень заинтересованных лиц, отраженных в статье 19 Закона о несостоятельности, целесообразно дополнить лицом, брачные отношения с которым прекратились. Особенно важно, что при использовании понятия «прекращение брачных отношений» не должно иметь значения, прекратились они фактически либо в установленном законом порядке².

Тем не менее прекращение брачных отношений все еще может (хотя и косвенно) подтверждать определенную взаимосвязь участников злоупотребления, но установление подобного факта практически невозможно, если брачные

---

¹ См.: Определение ВАС РФ от 20.10.2011 №ВАС-13876/11 по делу №А12-6002/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

² Данное уточнение необходимо, поскольку, например, в рамках рассмотрения спора о расторжении брака и разделе совместно имущества принимается во внимание в том числе момент фактического прекращения брачных отношений, когда имущество, нажитое каждым из супругов в указанное время, признается личной собственностью супруга и не подлежит включению в совместно нажитое имущество супругов, подлежащее разделу. См.: Постановление Пленума ВС РФ от 05.11.1998 №15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // Российская газета. 1998. №219.

отношения никогда официально не оформлялись. Это касается фактически брачных отношений.

Вопреки тому что часто фактически семейные отношения не менее значимы для человека, чем официально зарегистрированные брачные отношения, в том числе с точки зрения распределения имущественных прав и обязательств фактических супругов, законодательство и судебная практика непреклонны в своей позиции о непризнании подобного рода отношений с правовой точки зрения и, соответственно, отрицают возможность правовой защиты лиц, состоящих в подобной связи¹.

Применительно к процедуре банкротства подобное непризнание фактически брачных отношений создает дополнительные возможности для перераспределения между фактическими супругами имущества, которое могло бы стать частью конкурсной массы². Позиция законодателя и судебных органов о том, что фактические супруги не являются аффилированными лицами, нередко исключает возможность предотвращения злоупотреблений при несостоятельности, совершаемых данными лицами³.

Принимая во внимание важность восполнения указанного пробела, диссертант полагает, что целесообразно дополнить перечень аффилированных с должником лиц (статья 19 Закона о несостоятельности) таким субъектом, как фактический супруг⁴. Фактическим супругом следует признать лицо, у которого с

---

¹ См.: Панин В.С. История развития института фактических брачных отношений в России // Семейное и жилищное право. 2013. №2; Ламейкина Е.Ю. Проблемы правового регулирования фактических брачных отношений // Семейное и жилищное право. 2013. №1.

² Следует отметить, что в указанной части российское законодательство существенно проигрывает зарубежным правовым порядкам, предусматривающим институт фактических брачных отношений в первую очередь с точки зрения защиты лиц, которые вступают в правовые отношения с лицом, состоящим в фактическом браке. К примеру, законодательство Швеции закрепило такую форму брака, как брак *sambo* (официально зарегистрированное сожительство или партнерство). Указанный вид брака регистрируется, изменяет правовой режим того имущества, которое приобретает для совместных нужд, и не может конкурировать с официально зарегистрированным браком (в таком случае подлежит прекращению). Данная форма брака представляет собой более облегченную версию официального брака, однако позволяет разрешить ряд проблем, в частности касающихся недобросовестного поведения в случае банкротства. URL: http://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/sambolag-2003376_sfs-2003-376 (дата обращения: 17.11.2017).

³ Следует отметить, что в редких исключениях подобные решения могут быть обнаружены. См.: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 03.02.2016 №Ф04-11618/2014 по делу №А75-10256/2013 // СПС «КонсультантПлюс». В рамках указанного спора аффилированными были признаны лица, имеющие общего ребенка.

⁴ См. подробнее об институте фактических брачных отношений и необходимости закрепления такого вида брака в законодательстве Российской Федерации, в том числе с точки зрения установления определенности относительно общности имущества фактических супругов: Назарова А.С. Правовое регулирование фактических брачных

должником совместный быт, общие дети, совместно приобретенное имущество и общие долговые обязательства, а также жизнь, здоровье и благополучие которого дороги должнику в силу сложившихся личных отношений¹.

Введение таких взаимосвязанных субъектов, как бывший супруг или фактический супруг, хотя бы применительно к процедуре банкротства будет способствовать устранению злоупотреблений с вовлечением подобных участников.

Как указывал Г.Ф. Шершеневич, «должник прибегает к содействию своих родных и близких лиц и при их помощи пытается сохранить для себя остатки крушения. Путем различных фиктивных сделок с этими лицами он старается дать им право на значительную часть своего имущества: или переукреплением на них, или допущением их в число своих кредиторов»². Ученый подчеркивал, что для физического лица наиболее приемлемым способом злоупотребления всегда будет вовлечение в подобное поведение лиц, с которыми он связан родством или свойством (официально или фактически). При этом должником может быть не только гражданин, но и юридическое лицо, поскольку фактические действия от имени юридического лица совершают физические лица. Значит, вовлечение официальных или фактических родственников – поведение, характерное для любого должника.

В качестве средства противодействия диссертант предлагает реформирование пункта 3 статьи 19 Закона о несостоятельности. В новой редакции заинтересованными лицами по отношению к гражданину следует признать его супруга, родственников по прямой восходящей и нисходящей линии (родители, дети, дедушка, бабушка, внуки), полнородных и неполнородных (имеющие общих отца или мать) братьев и (или) сестер. Заинтересованными лицами следует признать: супруга, брак с которым расторгнут (фактически или в

отношений в Российской Федерации и США: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2017. Рациональной с точки зрения института банкротства представляется возможность обращения заинтересованных лиц (кредиторов должника) в суд с требованием об установлении брачных отношений и связанной с этим обстоятельством аффилированности сторон оспариваемой сделки.

¹ В основу предлагаемого определения положены разъяснения ВС РФ. См.: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27.01.1999 №1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Российская газета. 1999. №24.

² Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 265.

установленном законом порядке), а также фактического супруга, если сделка с ними заключена в пределах установленного законом срока до даты возбуждения процедуры банкротства (например, в пределах трех лет).

Следует отметить, что необоснованные действия с дружественными участниками не обязательно совершаются в плоскости брачно-семейных отношений. Это может быть и область гражданского права, когда участником злоупотребления становится дружественное лицо, не связанное узами родства или свойства (как фактического, так и официально зарегистрированного). Подобное поведение представляет собой пример особенно сложного злоупотребления при банкротстве, поскольку правовое регулирование не может проникнуть в сферу таких этических категорий, как симпатия, влюбленность, любовь, дружба, преданность. Указанные категории лежат за рамками области права, а потому открывают безграничные возможности для недобросовестного поведения, если физические лица вовлекаются в те отношения, которые подлежат правовому регулированию. Как отмечает О.А. Беляева, злоупотребления уже давно не облечены в форму нарушений или в форму злоупотребления правом в том виде, как это обычно излагается в теории гражданского права. «К подобному поведению (правомерному, но нежелательному) может привести не право, а просто состояние. Огромное количество злоупотреблений сейчас допускается бывшими супругами либо возлюбленными, потому что у нас, получается, поймать на злоупотреблении можно того, кто имеет право, кто состоит в браке, а если люди развелись и продолжают манипулировать механизмами торгов, то есть они фактически находятся в аффилированном состоянии, и у них сильнейший конфликт интересов, потому что они любят друг друга, но, поскольку они расторгли брак, прав никаких нет, и они ничем не злоупотребляют. Они могут манипулировать ценами, они могут манипулировать самим механизмом торгов. Есть даже такие ситуации, когда бывшие супруги представляют собой арбитражного управляющего и директора специализированной организации»¹.

---

¹ См. Беляева О.А. Торги в банкротстве: основные проблемы и злоупотребления // Аукционный вестник. 2018. № 380. С. 2, 3.

В тех случаях, когда взаимосвязь между участниками злоупотребления не столь очевидна, судебные органы склонны отказывать в удовлетворении требований, направленных на предотвращение недобросовестного поведения.

Такой подход выявлен, например, в практике Арбитражного суда Московского округа. Кредитор оспаривал договор займа, заключенный между банкротом и третьим лицом. Суды всех инстанций отказали в признании сделки недействительной, поскольку стороны не являются аффилированными и на момент заключения договора займа должник имел достаточно денежных средств и другого имущества для погашения требований кредиторов¹.

Аналогичное мнение было изложено в другом решении, в рамках которого было отказано в признании оспариваемого договора поручительства, заключенного между банкротом и одним из его кредиторов, недействительным, поскольку суд не усмотрел каких-либо пороков в указанной сделке².

Принимая во внимание данные судебные решения, диссертант полагает, что целесообразно закрепить самостоятельную норму, устанавливающую, что вовлечение в правоотношения участников, взаимосвязанных с должником (в случае, если должником является юридическое лицо, взаимосвязанное с представителями его органов управления и т.п.), является самостоятельным основанием для возможности оспаривания таких действий.

Норма может быть изложена следующим образом: злоупотребление при банкротстве участников процедуры несостоятельности предполагается, если участником оспариваемых действий является аффилированное лицо (применительно к пункту 3 статьи 19 Закона о несостоятельности) и в результате указанных действий произошло уменьшение конкурсной массы таким образом, что ее стало недостаточно для удовлетворения требований всех заинтересованных лиц, либо стали возможными иные формы злоупотребления при банкротстве.

Отчасти обоснованность редакции предложенной нормы может быть подтверждена одним из недавних решений ВС РФ, когда был исследован вопрос

---

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10.09.2014 №Ф05-14481/2013 по делу №А41-58450/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.04.2015 №Ф05-2738/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

об аффилированности участников процедуры банкротства, в результате чего возможность включения в реестр требований кредиторов была поставлена под сомнение. Основанием для принятия подобного решения стала норма статьи 10 ГК РФ¹.

Вывод активов может быть выявлен, как в рамках конкретного этапа механизма банкротства, так и на протяжении всей процедуры. Указанная форма не связана с определенной стадией процедуры банкротства, однако подобная особенность характерна не для всякой формы злоупотребления при банкротстве.

Некоторые формы злоупотреблений связаны с конкретной стадией, а точнее – с конкурсным производством. Это обусловлено широтой возможностей на данной стадии процедуры банкротства, а это, в свою очередь, способствует недобросовестному поведению.

В наибольшей степени злоупотреблениям подвержен институт реализации имущества должника². Составляющим элементом подобной формы злоупотребления по-прежнему является сделка, но ее особенность – уникальный порядок заключения, представляющий собой классическую модель юридической процедуры³.

Торги, представляя собой конкурентную форму выбора потенциального контрагента, предполагают наиболее выгодные условия реализации выставяемого имущества⁴. Честность и прозрачность выбора будущей стороны договора позволяют, помимо прочего, предотвратить последствия злоупотреблений, допущенных ранее (например, при оценке имущества, выставяемого на торги). Однако указанное предназначение выполнимо только при равенстве условий участия в проводимых торгах.

Невыполнение указанного предназначения, как правило, связано с наличием в поведении сторон таких форм злоупотребления при несостоятельности, как

---

¹ См.: Определение ВС РФ от 26.05.2017 №306-ЭС16-20056(6) по делу №А12-45751/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Телюкина М.В. Реализация имущества должника в конкурсном процессе // Адвокат. 1998. №12.

³ См.: Беляева О.А. Торги: теоретические основы и проблемы правового регулирования: автореф. дис. ... д. юрид. наук. М., 2012. С. 10.

⁴ См.: Дарымова Ю. Торги при банкротстве [интервью с О.А. Беляевой] // Юридическая газета. 2011. №10.

манипулирование механизмом торгов и манипулирование преимущественным правом.

Закон о несостоятельности (пункт 3 статьи 177) закрепляет возможность преимущественной покупки реализуемого имущества должника – производителя сельскохозяйственной продукции – смежным с ним землепользователем, занимающимся производством или производством и переработкой сельскохозяйственной продукции. Указанное преимущественное право распространяется на объекты недвижимости, которые используются в целях сельскохозяйственного производства.

Основной мотив в установлении некоторых привилегий при реализации подобного рода объектов заключается в поддержке сельскохозяйственных производителей. Тем не менее, на первом месте – вопрос защиты прав кредиторов.

На протяжении долгого времени оставался нерешенным вопрос о том, что конкурсному управляющему необходимо сделать в первую очередь: выставить на торги предприятие такого должника или предложить заинтересованным правомочным лицам реализовать свое преимущественное право. Учитывая приоритетность защиты прав кредиторов, в настоящее время превалирует позиция, согласно которой сначала имущество требуется выставить на торги.

Далее, если продажа имущества не состоялась, оно должно быть реализовано по частям после получения заключения оценщика. Условия продажи одинаковы для всех участников¹.

Преимущественное право в традиционном его понимании заключается в первенстве приобретения какого-либо имущества и защите (посредством перевода на себя прав и обязанностей по договору), если указанное преимущество было проигнорировано. Первенство предполагает не первоначальное обращение к таким участникам, а выражение им предпочтения при равной по условиям борьбе. Судебная практика придерживается именно такого взгляда при рассмотрении подобной категории споров.

---

¹ См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 09.07.2009 №1989/09 по делу №А14-1423/2008-75/6 // Вестник ВАС РФ. 2009. №11.

Равенство предполагает единовременное предложение всем потенциальным участникам заявить о себе и своих условиях. Иное толкование норм, регулирующих институт торгов и преимущественных прав, создало бы новое поле для злоупотреблений и свело бы эффективность такого механизма реализации активов должника к минимуму.

По мнению диссертанта, позиция о необходимости проведения торгов при наличии субъектов с преимущественными правами является рациональной¹.

Однако разрешения требовал не только вопрос определения очередности лиц, обладающих преимущественным правом, но и вопрос защиты таких прав в случае их нарушения. А.В. Егоров указывает, что на протяжении долгого времени нарушение преимущественного права становилось основанием для обжалования состоявшихся торгов².

Такой подход представляется неверным, поскольку нарушение преимущественного права не влияет на действительность торгов либо договора, заключенного на таких торгах. Данная позиция в первую очередь продиктована нормами действующего законодательства, закрепляющими основания признания торгов недействительными³.

Определяющее значение тем не менее имеет наличие специального механизма защиты нарушенных преимущественных прав – перевод на заинтересованное правомочное лицо прав и обязанностей контрагента по заключенному договору. Именно в сторону соответствующих требований была скорректирована судебная практика.

---

¹ Соответствующее понимание преимущественных прав обоснованно с точки зрения теории и положительно воспринято практикой. См.: Беляева О.А. Преимущественные права и торги: проблемы соотношения // Аукционный вестник. 2012. №106 (8.58). С. 1-2; Постановление ФАС Северо-Западного округа от 11.05.2010 по делу №А66-7714/2007 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление ФАС Московского округа от 21.04.2010 №КГ-А41/2242-10 по делу №А41-14623/09 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Егоров А.В. Преимущественные права при продаже имущества сельскохозяйственных организаций в конкурсном производстве // Вестник ВАС РФ. 2008. №10. С. 31–34.

³ Практика (вопреки специальным положениям гражданского законодательства) позитивно воспринимала предложенный способ восстановления нарушенного права. См.: Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 13.02.2007 №Ф04-100/2007(30995-А03-39) по делу №А03-7430/2006-30 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 03.06.2008 №Ф08-2921/2008 по делу №А32-18507/2007-53/343 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 15.01.2008 №Ф08-8513/07 по делу №А32-4342/2007-31/136 // СПС «КонсультантПлюс».

Следует обратить внимание на то, что отсутствие норм об иных примерах реализации преимущественных прав не подтверждает, что указанный институт проявляет себя только в рамках банкротства сельскохозяйственных предприятий (он может быть выявлен также в случае банкротства не только юридического, но и физического лица при реализации имущества, одним из собственников которого такое лицо является (долевая и совместная собственность), либо имущества, обуславливающего наличие корпоративных прав (доля в хозяйственном обществе)).

В частности, недобросовестность при применении института преимущественных прав может быть связана с действиями лиц, направленными на устранение неугодного учредителя от корпоративного участия. Подобный спор был передан на рассмотрение в Арбитражный суд Московского округа. В отношении индивидуального предпринимателя было возбуждено дело о несостоятельности (банкротстве). Учитывая, что стоимость имущества должника составила менее 100 тыс руб., его активы были реализованы в порядке, определенном решением собрания кредиторов. В частности, соответствующим образом была отчуждена доля (в размере 50%) в одном из хозяйственных обществ, самостоятельно находящемся в процедуре банкротства. Приобретателем указанной доли стал генеральный директор (не действующий на момент заключения спорного соглашения) одного из кредиторов банкротящегося общества. Суд признал действия арбитражного управляющего недобросовестными и удовлетворил требования заявителя в части признания сделки, заключенной на торгах (по реализации доли), недействительной (в рамках рассмотрения данного правового конфликта суд обратил внимание на то, что должник – физическое лицо оспорил все договоры, являющиеся основанием для предъявления его кредиторами требований в целях признания индивидуального предпринимателя банкротом)¹.

Данный спор иллюстрирует возможность реализации доли не в пользу одного из кредиторов общества – должника, как это было в рассматриваемом

---

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.10.2015 г. №Ф05-13701/2015 по делу №А40-212698/14 // СПС «КонсультантПлюс».

случае, а в пользу одного из учредителей, поскольку объективных правовых оснований для отказа в подобной реализации не имеется, при этом будет действовать преимущественное право покупки.

Следует отметить, что недобросовестность участников торгов на этапе реализации имущества должника не только и не столько связана с возможностью обращения к институту преимущественных прав, сколько со своевременностью предупреждения заинтересованных лиц о стоимости будущей реализации и предполагаемой дате проведения торгов.

Учитывая возможность получения доступа к такой информации, следует идентифицировать не менее распространенную форму злоупотребления при несостоятельности – манипулирование механизмом торгов¹.

Согласно позиции ВАС РФ, установление факта подобной формы недобросовестного поведения является основанием для признания торгов и заключенного посредством торгов договора недействительными. Манипулирование может быть выражено в действиях по внесению ценового предложения, во много раз превышающего шаг торгов, в результате чего торги фактически останавливаются. В дальнейшем заинтересованное лицо заявляет отказ от заключения договора². Однако данный вид манипулирования используется нечасто, поскольку влечет для такого лица имущественные потери в виде оставления за должником суммы внесенного задатка.

Манипулирование может проявляться и при реализации имущества по значительно заниженной цене³, при назначении и проведении торгов о продаже уже реализованных имущественных прав должника⁴, при реализации имущества

---

¹ См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 24.06.2014 №3894/14 по делу №А36-408/2013 // Вестник ВАС РФ. 2014. №11. В судебной практике используется термин «манипулирование ценами на торгах», однако, поскольку манипулирование ценами – это только один из видов манипулирования применительно к процедуре банкротства, данный термин был скорректирован. См.: Федеральный закон от 26.07.2006 №135-ФЗ «О защите конкуренции» // Российская газета. 2006. №162.

² См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 24.06.2014 №3894/14 по делу №А36-408/2013 // Вестник ВАС РФ. 2014. №11.

³ См.: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 26.04.2016 №Ф06-7888/2016 по делу №А55-5544/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 07.10.2016 №Ф10-2970/2014 по делу №А14-3378/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

должника в пользу взаимосвязанного с должником лица, когда фактически актив остается у самого должника¹.

Манипулирование может быть выражено и в таком поведении, когда заинтересованное лицо намеренно вносит задаток в последний день срока, в связи с чем данное действие не отражается в системе организатора торгов и указанное лицо не допускается к участию в торгах. В дальнейшем несостоявшийся участник оспаривает указанные торги². Соответствующее поведение применяется в качестве средства реагирования, когда имущество реализовано в пользу незаинтересованного лица, либо как инструмент затягивания процесса реализации.

Таким образом, практика демонстрирует множество примеров такой формы злоупотребления правом при несостоятельности, как манипулирование механизмом торгов.

Подобное многообразие проявлений злоупотребления при банкротстве объясняется, в том числе обстановкой проведения торгов. Нестабильность финансового положения должника и нередкое наличие обременений на реализуемое имущество делают указанные активы непривлекательными с точки зрения потенциального покупателя. В связи с этим, а также с учетом недобросовестного поведения организатора торгов и иных заинтересованных лиц ситуация невыгодной реализации имущества становится неизбежной.

Проблема недобросовестного поведения на этапе реализации имущества должника требует решения, однако не посредством реформирования законодательства в указанной части, поскольку этого недостаточно. Во-первых, к недобросовестному лицу следует применять финансовую санкцию в виде оставления внесенного задатка. Во-вторых, в целях более эффективного предотвращения злоупотреблений в указанной части необходимо изменение подхода к процедуре торгов.

---

¹ См.: Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.11.2015 №17АП-11162/2014-ГК по делу №А71-1921/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 25.05.2017 №Ф04-4981/2016 по делу №А03-12879/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

Подобные умозаключения подводят к позиции о том, что более действенным средством предотвращения злоупотреблений в указанной области, представляется изменение подхода к процедуре торгов.

Установление факта манипулирования механизмом торгов должно быть основанием для признания торгов и заключенной посредством их проведения сделки недействительными¹. Повторные торги в таком случае следует назначить в сжатые сроки, при этом первоначальная цена имущества не подлежит изменению. Лица, уличенные в недобросовестном поведении, отстраняются от участия в торгах. При этом данные о таких лицах подлежат включению в соответствующий раздел Единого федерального реестра сведений о банкротстве.

Возможно, подобные меры и реформирование судебной позиции в указанной части снизят масштаб злоупотреблений на указанном этапе процедуры банкротства.

Примером недобросовестного поведения (как правило, связанного с определенным этапом механизма банкротства) является злоупотребление при погашении задолженности третьим лицом. В данном случае связь с этапом инициирования процедуры несостоятельности не такая прочная, как в вышеописанных формах, но тем не менее чаще всего проявляется именно на этом этапе.

В настоящее время возросло количество судебных решений, когда заинтересованное лицо в порядке статьи 313 ГК РФ частично погашает задолженность должника перед одним (или несколькими) кредитором и тем самым получает доступ к процедуре банкротства. Судебная практика в таком случае также идет по формальному пути, соглашаясь с тем, что подобные действия могут быть совершены вне зависимости от согласия кредитора, которому происходит исполнение.

---

¹ Действующая судебная практика, развивая законодательно определенный подход, исходит из того, что наличие факта манипулирования ценами (одного из видов манипулирования механизмом торгов), равно как и отказ победителя торгов от заключения договора, не является основанием для признания торгов недействительными. См.: Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 30.09.2013 по делу №А33-1370/2009 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 04.07.2013 №15АП-4935/2013 по делу №А32-16327/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

Например, при рассмотрении одного из споров Арбитражный суд Уральского округа указал, что по смыслу нормы, позволяющей погасить задолженность должника третьим лицом, должник вправе исполнить обязательство, не требующее личного исполнения, самостоятельно или, не запрашивая согласия кредитора, передать исполнение третьему лицу. Праву должника возложить исполнение на третье лицо корреспондирует обязанность кредитора принять соответствующее исполнение. При этом закон не наделяет добросовестного кредитора, не имеющего материального интереса ни в исследовании сложившихся между третьим лицом и должником отношений, ни в установлении мотивов, побудивших должника перепоручить исполнение своего обязательства другому лицу, полномочиями по проверке того, действительно ли имело место возложение должником исполнения обязательства на третье лицо¹.

Важность указанной проблемы заключается в том, что, как правило, третье лицо погашает только сумму основного долга, которая может быть значительно ниже, чем размер финансовых санкций, а у кредитора нет правовых оснований возразить и не принять такое исполнение. Указанную проблему затрагивает А.В. Егоров в своем исследовании². Следует отметить, что вскользь в рамках рассуждений о способах предотвращения банкротства об этом упоминает М.В. Телюкина³.

Позиция А.В. Егорова сводится к тому, что норма статьи 313 ГК РФ, позволяющая третьему лицу произвести платеж за должника, содержит в себе две проблемы: платеж третьего лица помимо воли кредитора и переход к плательщику в силу закона прав кредитора в объеме произведенного исполнения.

Норма пункта 1 указанной статьи сформулирована таким образом, что кредитор не вправе отказаться от исполнения за должника. Разумеется, не любой платеж третьего лица стоит признавать недобросовестным, поскольку зачастую действия могут быть направлены на защиту кредитора: А.В. Егоров приводит

---

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 10.10.2014 №Ф09-6596/14 по делу №А60-17187/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Егоров А.В. Платеж третьего лица кредитору помимо его воли // Вестник экономического правосудия РФ. 2016. №8.

³ См.: Телюкина М.В. Способы предупреждения банкротства юридического лица // Адвокат. 1999. №9.

пример, когда кредитор является залоговым, при этом предмет залога – ликвидное имущество, а сумма финансовых санкций накопилась под большой процентной ставкой. В таком случае погашение обязательств за должника будет благом для последнего. Более того, возможны ситуации, когда третье лицо пытается «зайти» в процедуру банкротства, преследуя собственный интерес, поскольку согласие должника на исполнение третьим лицом его долговых обязательств также не требуется. И тогда опять же нельзя однозначно сделать вывод о том, что действия третьего лица коррелируются с недобросовестными намерениями должника.

Вопреки формулировке пункта 1 статьи 313 ГК РФ, прямо закрепляющей, что исполнение третьим лицом возможно только в случае возложения соответствующей обязанности на него самим должником, практика спокойно воспринимает случаи исполнения третьим лицом обязательств за должника без соответствующей просьбы последнего (постановление Президиума ВАС РФ от 28.10.2010 №7945/10 по делу №А40-66444/09-3-599¹).

Указанный вопрос приобрел особую актуальность после опубликования соответствующего решения ВС РФ: третье лицо пыталось «зайти» в банкротную процедуру в связи с погашением суммы основного долга одного из кредиторов должника. Кредитор с таким поведением был не согласен и оспорил решение апелляционной и кассационной инстанций (первая инстанция в осуществлении замены лица отказала). ВС РФ указал, что действия третьего лица фактически направлены на принудительный выкуп отдельных прав к должнику в целях получения либо контроля над ходом процедуры банкротства, либо дополнительных голосов на собрании кредиторов без несения дополнительных издержек².

Критикуя указанное решение, А.В. Егоров отмечает, что оно не доведено до логичного завершения посредством закрепления вывода об ограничительном применении статьи 313 ГК РФ; обоснование решения ВС РФ с точки зрения

---

¹ Вестник ВАС РФ. 2011. №1.

² См.: Определение ВС РФ от 16.06.2016 №302-ЭС16-2049 по делу №А33-20480/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

злоупотребления правом некорректно, поскольку не позволяет применять в дальнейшем такое решение более абстрактно¹.

Однако с позицией А.В. Егорова нельзя согласиться в полной мере, так как злоупотребление правом предполагает использование предоставленного субъекту права не в соответствии с его назначением, то есть с искажением смысла того, что заложено в норме. Очевидно, что поведение третьего лица, направленное на погашение основной суммы задолженности с целью «захода» в процедуру банкротства, противоречит тому смыслу, который заложен в норме пункта 1 статьи 313 ГК РФ, тем более что в указанной норме говорится о прекращении обязательств посредством исполнения его третьим лицом, а на деле получается, что происходит замена кредитора. Такое поведение является примером злоупотребления правом, и с точки зрения обоснования ВС РФ правильно применил положения статьи 10 ГК РФ.

Предполагается, что неправильное применение статьи 313 ГК РФ связано с некорректным заимствованием немецкого института. В немецком законодательстве есть две разные нормы, связанные с исполнением третьим лицом обязательств должника.

Первая норма говорит именно об исполнении обязательства, то есть после исполнения третьим лицом кредитором обязательство прекращается. При этом кредитор вправе отказаться от такого исполнения, если оно будет исполнено должником. Вторая норма закрепляет право вмешательства третьего лица, когда в силу закона происходит переход прав к третьему лицу от первоначального кредитора, но при этом делается оговорка, что такие действия третьего лица не должны причинить имущественный вред кредитору².

В российском законодательстве указанные положения смешались и приводят на практике к злоупотреблениям со стороны заинтересованных лиц.

Во избежание подобной формы злоупотребления на практике А.В. Егоровым предложено ограничение применения статьи 313 ГК РФ в тех случаях,

---

¹ Егоров А.В. Указ. соч. С. 155.

² См.: Гражданский кодекс Федеративной Республики Германия. Параграфы 267, 268. URL: <https://dejure.org/gesetze/BGB>. (дата обращения: 10.10.2016).

когда поведение третьего лица причиняет вред имущественным правам кредиторов¹.

Полагаем, что идея ограничительного применения статьи 313 ГК РФ в рамках процедуры банкротства рациональна и обоснована. Единственный недостаток предложения А.В. Егорова – это связанность с наличием вреда.

Как указывалось выше, злоупотребление при банкротстве не перестает быть таковым при отсутствии фактического вреда остальным участникам процедуры банкротства. Однако степень вреда поведения предопределяет возможность применения механизма противодействия недобросовестному поведению при несостоятельности.

В данном случае лишение правового последствия совершаемого деяния заключается в возможности отказа заинтересованным лицом во включении третьего лица (исполняющего обязательства за должника) в процедуру банкротства. При этом подобный отказ может заявить не только кредитор, но и должник, со стороны которого не было какого-либо предложения третьему лицу исполнить обязательство.

На вред такого поведения, последствием которого является возможность ограничения применения статьи 313 ГК РФ, могут указывать различные факторы: например, погашение долга только в части основной задолженности без учета финансовых санкций; приобретение статуса мажоритарного кредитора в рамках процедуры банкротства в случае погашения задолженности; наличие аффилированности с кем-либо из участников процедуры банкротства; возражения должника по поводу погашения таким лицом задолженности и т.д.

Исходя из вышеизложенного можно сделать ряд ключевых выводов.

В одном из своих разъяснений ВАС РФ указал на недопустимость обращения к процедуре банкротства с целью неправомерного получения выгоды². Это универсальный постулат о запрете необоснованного использования правового механизма, основной целью которого является сохранение баланса

---

¹ См.: Егоров А.В. Указ. соч. С. 157, 159.

² См.: Постановление Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 06.12.2013 №88 «О начислении и уплате процентов по требованиям кредиторов при банкротстве» // Вестник ВАС РФ. 2014. №2.

разнонаправленных интересов и своевременное и безвредное для остальных лиц исключение из гражданского оборота ненадежного участника.

Тем не менее сложность механизма банкротства предопределяет неизбежность злоупотреблений со стороны вовлеченных лиц.

При таком подходе основная задача – своевременное выявление недобросовестных действий и предотвращение последствий их совершения, однако сложность форм злоупотребления при банкротстве существенно затрудняет подобную идентификацию.

Иные формы злоупотреблений, как правило, включают в себя действия по заключению необоснованных сделок, но в таком случае сделка представляет собой основной элемент иной формы. Описанные в рамках настоящего параграфа формы злоупотреблений более сложные и предполагают определенный алгоритм действий, требующих ресурсов (времени, средств, участников).

Наиболее сложной и не связанной с каким-либо этапом механизма банкротства формой является злоупотребление в форме вывода активов. Это поведение, предполагающее взаимообусловленную совокупность действий, направленных на исключение какого-либо имущества из конкурсной массы. Она определяется единой целью всех совершаемых действий и может быть обнаружена на любой стадии.

Такая форма злоупотребления, как манипулирование механизмом торгов, встречается в рамках реализации имущества должника на стадии конкурсного производства. Ее особенность – процедура заключения сделки. При ее использовании умаляется сущность торгов как конкурентного способа выбора потенциального контрагента.

Манипулирование преимущественным правом выявляется, как правило, в рамках торгов, если преимущественное право рассматривается не как первенство при прочих равных условиях, а как первенство предложения при реализации какого-либо имущества.

Не менее распространенной формой является злоупотребление в форме погашения задолженности третьим лицом. Погашение задолженности третьим

лицом не должно превратиться в способ «захода» заинтересованного субъекта в процедуру банкротства, тем более, в средство получения контроля над указанной процедурой. Важно, чтобы в рамках несостоятельности судебные органы тщательно рассматривали отношения между третьим лицом и должником, особенно если должник возражает против погашения третьим лицом какой-либо задолженности. Аналогично подобное ограничение должно иметь место в случаях, когда против исполнения обязательств третьим лицом возражает кредитор, которому происходит исполнение.

Вопреки тому, что денежные обязательства, как правило, не предполагают акцент на личных взаимоотношениях между субъектами, фигура потенциального кредитора (третьего лица, погашающего требование) иногда может иметь существенное значение для ограничения применения статьи 313 ГК РФ.

В целях установления истины формальный подход недопустим. Суду необходимо рассматривать все составляющие процедуры банкротства: вовлеченных участников, их взаимоотношения, специализацию их деятельности, условия совершения тех или иных действий, последствия совершенных действий и другие факторы, которые имеют значение в рамках конкретного спора. Соответствующее тщательное исследование также позволит персонифицировано разрешать возникающие в практике по банкротству споры.

ГЛАВА 3. НЕСОВЕРШЕНСТВО ОТДЕЛЬНЫХ СТАДИЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА), ВЛЕКУЩЕЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ

§ 1. Злоупотребления на стадиях наблюдения и конкурсного производства

Злоупотребления связаны с преимуществами, которые предполагает процедура банкротства. Прежде всего, это последствия введения той или иной процедуры несостоятельности. В настоящее время первой и обязательной стадией банкротства является процедура наблюдения. В практической сфере не раз поднимался вопрос об упразднении указанной стадии, тем не менее какая бы стадия ни являлась первой, всегда будут присутствовать последствия, привлекающие недобросовестных лиц.

На первой стадии, прежде всего, устанавливается мораторий на удовлетворение имеющихся требований.

Как отмечает С.А. Карелина, по своей правовой природе мораторий представляет собой ограничение прав кредиторов, имеющее целью высвободить денежные средства должника, используемые для удовлетворения требований кредиторов, и направить их на осуществление предпринимательской деятельности, не исполняя обязательств¹. Законодательство о банкротстве позволяет дифференцировать три модели несостоятельности: продолжниковую, прокредиторскую и нейтральную. Как указывает Р.Т. Мифтахутдинов, главное отличие продолжниковой модели от прокредиторской заключается в том, кому принадлежит право принятия решения о судьбе должника. Насколько контролирующие лица свободны войти в процесс, чтобы отстаивать свою точку зрения и доказывать суду какие-то обстоятельства, которые они считают важными. В этом смысле, как указывает ученый, Закон о несостоятельности

---

¹ См.: Карелина С.А. Мораторий на удовлетворение требований кредиторов как элемент восстановительного механизма // СПС «КонсультантПлюс».

объективно прокредиторский, поскольку основное решение о судьбе должника и его активов принимается кредиторами¹.

Безусловно предложенная позиция представляется правильной, однако полагаем разумным учитывать не только роль кредиторов в судьбе должника, но и общий баланс правовых средств и механизмов, которые предоставлены участникам банкротного процесса. В этом смысле думается наглядным примером для определения действующей в России модели послужит объем прав кредиторов по окончании моратория позволяет продемонстрировать различие указанных моделей и тщательнее проанализировать их суть².

Прокредиторская (англо-саксонская) модель характерна для таких стран как Австралия, Англия, Германия, Израиль, Индия и т.д. В указанных странах в период проведения процедуры все проценты и санкции продолжают начисляться. Следовательно, по окончании моратория кредиторы вправе требовать уплаты суммы основного долга и всех финансовых санкций, образовавшихся за период наблюдения и внешнего управления.

Продолжниковая модель характерна для Бельгии, Греции, Испании, США, Португалии и т.д. Здесь по окончании моратория кредиторы вправе рассчитывать только на получение суммы основного долга и финансовых санкций, зафиксированных на момент введения внешнего управления³.

Нейтральная модель представляет собой нечто среднее между первой и второй моделью, когда интересы должника и кредитора предполагаются сбалансированными. Указанная модель встречается в законодательстве Дании, Италии, Словакии, Чехии.

---

¹ См.: Мифтахутдинов Р.Т. «Пленум четко сказал, что субсидиарная ответственность применяется в исключительных случаях» // Закон. 2018. №7. С. 7.

² Мифтахутдинов Р.Т. Реформирование законодательства о банкротстве в части совершенствования реабилитационных процедур // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2016. №3. С. 37–38.

³ Соответствующая практика существовала в специальном законодательстве до 1998 г. ВАС РФ разъяснил, что кредиторы, у которых право требования долга вытекает из обязательств, возникших до введения моратория, имеют право в период проведения внешнего управления начислять предусмотренные договорами проценты за пользование кредитом, а также финансовые санкции по обязательствам должника. Однако предъявление должнику указанных требований возможно только после окончания моратория, то есть после прекращения внешнего управления имуществом должника. Это правило применялось и в отношении обязательств должника перед бюджетом. См.: Письмо ВАС РФ от 15.05.1995 №ОП-13/4 // СПС «КонсультантПлюс».

В России по окончании моратория кредиторы лишены возможности взыскания финансовых санкций, однако вправе требовать процентов, предусмотренных статьей 395 ГК РФ. Следовательно, кредиторы по окончании моратория могут претендовать на удовлетворение требований в части основного долга и процентов по статье 395 ГК РФ¹. Указанные проценты подлежат начислению по окончании внешнего управления (за весь его период) и только на сумму основного долга (пункты 4, 5 статьи 63 Закона о несостоятельности). Полагаем, что указанный пример позволяет прийти к выводу, что Россия более относится к странам смешанной модели, чем определено прокредиторской или продолжниковой, поскольку пример с мораторием – не единственное тому доказательство.

Даже сам по себе режим моратория – это в первую очередь помощь должнику, позволяющее «восстановить финансовые силы» и улучшить материальное положение. Между тем введение моратория не должно быть использовано в недобросовестных целях.

Мораторий не просто приостанавливает исполнение всех обязательств должника (за некоторыми исключениями, установленными законом), он дает возможность изменения условий договорных отношений между должником и контрагентом. Например, это ситуация замены определенной законом неустойки (и установленного процента) ответственностью за пользование чужими денежными средствами (с процентом, приравненным к ставке рефинансирования), что может быть для должника более выгодным, чем обязательство, установленное договором.

После пояснений ВАС РФ о том, что, если суд прекратил производство по делу в связи с полным погашением требований кредиторов (в том числе в части мораторных процентов), кредиторы не вправе после прекращения производства по делу требовать от должника доплаты разницы между мораторными и

---

¹ Телюкина М.В. Указ. соч. С. 352 – 353.

подлежащими уплате по условиям обязательства процентами¹, это стало распространенной причиной недобросовестного поведения.

Во избежание недобросовестных действий со стороны участников процесса банкротства, Президиум ВАС РФ указал, что требования по денежным обязательствам и обязательным платежам, срок исполнения которых наступил после введения стадии банкротства, удовлетворяются в общем порядке, то есть финансовые санкции подлежат расчету по проценту, установленному договором².

В данном случае речь идет о процедуре внешнего управления, однако полагаем, что эта позиция должна быть распространена и на стадию наблюдения. Если на указанной стадии должник погасил образовавшуюся задолженность, в результате чего производство по делу было прекращено, нет никаких правовых оснований изменять порядок выплаты финансовых санкций.

В целом представляется более правильным видоизменить норму о порядке начисления финансовой санкции с тем, чтобы предотвратить случаи обращения к процедуре несостоятельности с целью использования таковой для снижения степени ответственности. По мнению диссертанта, позиция, изложенная Президиумом ВАС РФ в вышеуказанном решении, должна применяться вплоть до введения процедуры конкурсного производства либо в исключительных случаях внешнего управления.

Данное предложение обосновано тем, что другие стадии – наблюдения и финансового оздоровления – предполагают, что должник сможет восстановить свою платежеспособность, поэтому начисление финансовых санкций в другом размере необоснованно. В любом случае в первую очередь должник (при любой степени платежеспособности и возможности восстановиться) будет погашать размер долговых обязательств в части основного долга. Если в ходе применения банкротных процедур должник восстановит платежеспособность, будет неправильно ставить его кредиторов в более худшее положение, чем то, которое могло бы быть без обращения к процедуре несостоятельности.

---

¹ См.: Постановление Пленума ВАС РФ от 06.12.2013 №88 «О начислении и уплате процентов по требованиям кредиторов при банкротстве» // Вестник ВАС РФ. 2014. №2.

² См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 18.06.2002 №404/01 по делу №А40-11010/00-69-122 // Вестник ВАС РФ. 2002. №10.

Стадии внешнего управления и конкурсного производства, как правило, свидетельствуют о невозможности для должника восстановить свою финансовую состоятельность, в связи с чем такому участнику отношений объективно требуется помощь, которая, в частности, может быть выражена в изменении процентной ставки в части пеней и неустойки.

Иным привлекательным для недобросовестных лиц последствием введения процедуры банкротства является снятие ареста и ограничений с имущества должника. Активы должника становятся свободными в обороте, а с учетом того, что на стадии наблюдения органы должника продолжают функционировать, фактически это может привести к выводу данного имущества из конкурсной массы.

С целью предотвращения подобных явлений некоторые исследователи предлагали накладывать арест на имущество должника с начала введения процедуры банкротства. Однако представляется, что безусловное наложение ареста нецелесообразно и вряд ли будет положительно воспринято практикой.

В рамках одного из споров акционерное общество подало заявление о признании общества банкротом, одновременно направив ходатайство об обеспечении требований путем наложения ареста на имущество должника. Арбитражный суд принял заявление о несостоятельности, но отказал в наложении ареста, мотивировав это тем, что применение такой меры сделало бы невозможным продолжение деятельности общества-должника¹.

Аргументация суда представляется вполне оправданной, поскольку в случае наложения ареста на активы хозяйственная деятельность должника неизбежно затрудняется либо фактически прекращается, вследствие чего даже потенциально «жизнеспособное» предприятие теряет возможность восстановиться.

Однако это не единственный недостаток предложенной идеи. Гораздо более сложной является проблема соотношения ареста в рамках процедуры

---

¹ См.: Постановление ФАС Дальневосточного округа от 03.10.2013 №Ф03-4877/2013 по делу №А59-1596/2013 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление ФАС Дальневосточного округа от 09.02.2011 №Ф03-10028/2010 по делу №А59-4033/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

несостоятельности и ареста в качестве обеспечительной меры перед одним из кредиторов.

В ходе рассмотрения спора, переданного на рассмотрение в Верховный суд РФ, возник вопрос об эффекте залога, наложенного в рамках обеспечения исковых требований. Один из кредиторов должника обратился в суд с требованием включить свои требования в качестве обеспеченных залогом, поскольку ранее в отношении указанного кредитора было вынесено решение о взыскании суммы задолженности и наложении ареста в качестве обеспечительной меры. Решение вступило в законную силу до момента возбуждения дела о банкротстве в отношении должника.

Основанием для предъявления требований как обеспеченных залогом явился пункт 5 статьи 334 ГК РФ, согласно которому, если иное не вытекает из существа отношений залога, кредитор или иное уполномоченное лицо, в чьих интересах был наложен запрет на распоряжение имуществом, обладает правами и обязанностями залогодержателя в отношении этого имущества с момента вступления в силу решения суда, которым требованиям такого кредитора или уполномоченного лица были удовлетворены.

Три инстанции поддержали позицию кредитора, включив его требования в реестр как обеспеченные залогом, но Экономическая коллегия ВС РФ с таким решением не согласилась.

Как следует из определения ВС РФ от 27.02.2017 №301-ЭС16-16279 по делу №А11-9381/2015, эффект залога на отношения ареста введен с той целью, чтобы кредитор имел возможность защитить свои права посредством обращения взыскания на арестованную вещь в том случае, если она была реализована должником¹. При этом ВС РФ отметил, что норма ГК РФ не содержит указания, что при аресте возникает полноценный залог. При этом правила залога действуют, если иное не вытекает из существа отношений, и таким исключением является несостоятельность должника. Суд также отметил коллизию общей и

---

¹ Ранее действующее законодательство признавало сделки, совершенные в отношении арестованного имущества, недействительными. В настоящее время они действительны, однако на приобретателя переходит обременение в виде обязательства должника перед кредитором, в пользу которого был наложен арест.

специальной нормы, которая должна быть разрешена в пользу специальных норм о несостоятельности¹.

В целом, полагаем, вывод суда был правильный, поскольку в противном случае наличие ранее вынесенного судебного решения об обеспечительных мерах необоснованно позволило бы недобросовестному лицу стать приоритетным кредитором в рамках несостоятельности. В такой ситуации любой кредитор может обратиться с соответствующим требованием в преддверии банкротства должника и перевести свой статус из незалогового в обеспеченный залогом, при этом специальные нормы Закона о несостоятельности, в силу которых все ограничения и обеспечительные меры в отношении имущества должника должны быть сняты с момента введения наблюдения, теряют всякий смысл.

Вместе с тем, в данном решении есть и противоречия. Прежде всего, как указывает суд, эффект залога при аресте необходим для того, чтобы кредитор смог в случае необходимости защитить свои права², то есть подчеркивается, что эти нормы направлены на повышенную защиту прав кредитора. Тогда непонятно, почему такая повышенная защита не должна иметь место при несостоятельности должника, если ситуация банкротства должника – это наиболее рискованная ситуация для кредитора, в наибольшей степени требующая такой защиты. Полагаем, в рамках несостоятельности необходимо внести коррективы в правомочия кредитора: обратиться с требованием на имущество при несостоятельности должника он не сможет, но тогда должна быть возможность приоритетного удовлетворения его требований за счет такого имущества.

Суд указывает, что по смыслу статей Закона о несостоятельности приоритет возникает при ординарном залоге – залоге на основании договора либо закона (пункт 1 статьи 334.1 ГК РФ), то есть когда используются стандартные гражданско-правовые меры обеспечения самого гражданского обязательства. При

---

¹ См.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27.02.2017 №301-ЭС16-16279 по делу №А11-9381/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

² Снятие ареста в рамках процедуры банкротства направлено на облегчение деятельности арбитражного управляющего. Полагаем, что две указанные цели соотносятся, прежде всего, поскольку ограничений в распоряжении таким имуществом не предусмотрено, а залоговый эффект будет максимально защищать права кредиторов. См.: Егоров А.В. Залог в силу ареста: теоретические и практические проблемы в России и за рубежом // Вестник экономического правосудия РФ. 2016. №9. С. 94.

такой позиции суда, по мнению диссертанта, в случае, если между сторонами было заключено и утверждено судом мировое соглашение, которое содержит условие запрета на распоряжение должником определенным имуществом до исполнения обязательств перед кредитором, при несостоятельности должника такой кредитор все же будет считаться залоговым.

Таким образом, согласно положениям пункта 1 статьи 334.1 ГК РФ, в соответствии с которыми залог возникает в силу договора во взаимосвязи с природой мирового соглашения¹, а также в развитие позиции ВС РФ при заключении мирового соглашения, по условиям которого стороны фактически накладывают арест на имущество должника, кредитор будет иметь приоритет в рамках несостоятельности.

Следовательно, не в каждой ситуации эффект залога будет прекращен при введении процедуры банкротства. Вместе с тем рациональной представляется идея о том, что не всякий кредитор, в пользу которого наложен арест, должен автоматически становиться залоговым кредитором в рамках процедуры банкротства.

Тем не менее, если подобная трансформация происходит, необходимо определиться с процессом подобного перехода. Полагаем, что в любом случае арест с имущества должника при несостоятельности последнего должен быть снят, но в зависимости от сохранения либо несохранения эффекта залога кредитор должен быть включен в реестр в качестве обеспеченного залогом либо не обеспеченного им.

Учитывая недобросовестное использование процедур банкротства, в частности института снятия арестов, некоторые исследователи предлагают освободить органы управления должника от обязанностей после введения первой процедуры несостоятельности.

Несмотря на то, что подобное предложение обоснованно, оно не способно решить указанную проблему, поскольку на практике нередки случаи назначения «дружественного управляющего», с молчаливого согласия которого имущество

---

¹ Мировое соглашение представляет собой договор. См.: Постановление ВАС РФ от 18.07.2014 №50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» // Вестник экономического правосудия РФ. 2014. №9.

может быть реализовано, а кредиторы будут лишены возможности получения какого-либо исполнения.

Возможно, решению указанной проблемы будет способствовать опыт зарубежных правопорядков, изучение которого целесообразно с целью возможной адаптации в российскую правовую действительность.

Мировой практике известны две основные системы: внутреннее управление, когда должником управляет прежнее руководство (США), и независимое (внешнее управление) – с привлечением профессионального управляющего (Великобритания). Выбор системы управления зависит от причин, ухудшающих положение должника. При этом существует градация степени влияния управляющих органов на факторы, обуславливающие несостоятельность организации.

Если финансовый кризис стал результатом действия внутренних факторов, то есть прямо или косвенно связан с некомпетентностью руководства, внешнее управление вполне оправданно; если же неплатежеспособность связана с внешними факторами, действие которых не зависело от руководителя, целесообразность его отстранения представляется спорной. Иначе говоря, необходима проверка деятельности руководства должника с целью выявления допущенных ошибок¹.

Закон о несостоятельности не содержит норм, направленных на урегулирование процедуры проведения соответствующей проверки (о причастности либо непричастности руководителя к возникновению неплатежеспособности предприятия). В любом случае (даже, если анализ финансового состояния позволяет сделать вывод о возможности восстановления платежеспособности, а сама необходимость инициирования банкротства была вызвана внешними факторами) руководитель должника отстраняется либо вынужденно функционирует наравне с арбитражным управляющим.

В таких случаях, как верно указывает М.В. Телюкина, необходимо применять смешанную систему управления: руководитель, непричастный к

---

¹ См.: Телюкина М.В. Наблюдение как процедура банкротства // Хозяйство и право. 1998. №10. С. 55.

возникновению финансовых проблем, должен действовать наряду с арбитражным управляющим и в процессе применения других (последующих) процедур банкротства¹.

Установление минимальной степени причастности предполагает, что отстранение таких органов необоснованно и неправильно, тем более что наличие органов управления дисциплинирует арбитражного управлявшего. В таком случае нет объективных причин не сохранять органы управления должника: они могут продолжать функционировать наравне с управляющим, но с определенными ограничениями, например без возможности совершения крупных сделок, отчуждения особо ценного или ликвидного имущества и т.д.

При этом деятельность такого должника не будет парализована, и он сможет решать текущие вопросы для функционирования на рынке. Отчасти это поможет решить проблему назначения представителя собственников должника, поскольку в таком случае будет функционировать орган, напрямую назначенный его учредителями.

Не менее привлекательным последствием введения процедуры банкротства является приостановление исполнительного производства.

На практике распространены случаи, когда кредитор, предъявляющий требования к должнику при наличии информации об ином судебном решении в пользу другого кредитора (к указанному должнику) с целью недопущения обращения взыскания на имущество, обращается с заявлением о признании должника несостоятельным (банкротом).

Тем не менее вопреки законодательно установленному запрету на реализацию имущества должника в рамках исполнительного производства (при возбуждении процедуры банкротства) суды не всегда его выполняют.

Соответствующая ситуация была проанализирована в рамках спора, переданного на рассмотрение в ВС РФ, когда в рамках возбужденного процесса банкротства имущество должника было реализовано в ходе исполнительного производства, при этом покупателем оказался один из кредиторов должника в

---

¹ Там же. С. 56.

рамках дела о несостоятельности. Суды всех инстанций сочли такое положение дел правомерным и обоснованным. Данный вывод был сделан на основании того, что, когда должник обратился в суд общей юрисдикции (на основании решения которого было начато спорное исполнительное производство) с требованием приостановить исполнительное производство ввиду введения в отношении должника процедуры наблюдения, суд общей юрисдикции решил, что введение процедуры наблюдения не препятствует реализации имущества в ходе исполнительного производства. Решение суда общей юрисдикции вступило в законную силу.

Таким образом, резюмирует ВС РФ, вопрос о возможности продолжения исполнительного производства в процедуре наблюдения находился под контролем суда общей юрисдикции и был этим судом разрешен в пользу сохранения начатой судебным приставом-исполнителем процедуры отчуждения объектов недвижимости должника¹.

Вопреки тому что решение суда общей юрисдикции необоснованно и не соответствует букве закона, ВС РФ признал его правильным. По мнению диссертанта, оно являлось бы таковым, если бы в ходе рассмотрения заявления о признании должника несостоятельным было установлено, что соответствующее заявление подано заинтересованным лицом с целью получения выгоды от введения процедур, применяемых в деле о банкротстве. Тогда суд вправе прекратить производство по делу о банкротстве при условии, что должник к этому моменту продолжает оставаться платежеспособным и это соответствует интересам кредитора (на основании пункта 10 постановления Пленума ВАС РФ от 06.12.2013 №88 «О начислении и уплате процентов по требованиям кредиторов при банкротстве»)².

Учитывая предложенную позицию ВАС РФ, решение ВС РФ в рамках рассмотренного примера представляется тем более необоснованным.

Следует отметить, что в судебной практике немало примеров, когда процедура банкротства вводится даже при установлении факта

¹ См.: Определение ВС РФ от 28.07.2016 №305-ЭС15-1943 по делу №А40-186427/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

² Вестник ВАС РФ. 2014. №2.

недобросовестного обращения к ней. Подобные случаи встречаются в практике Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа¹, Двенадцатого арбитражного апелляционного суда² и т.д.

Судебные органы не готовы анализировать причины обращения к механизму несостоятельности, что негативно влияет как на самого должника, так и на заинтересованных кредиторов и иных участников. Возможно, исключение формализма на стадии инициирования процедуры банкротства позволит снизить количество злоупотреблений. Исключение формального подхода необходимо и на завершающей стадии процедуры банкротства.

Следует отметить, что в 80% случаев процедура банкротства проходит стадию конкурсного производства. Указанный показатель не меняется тогда, когда к должнику были применены стабилизирующие меры³. Это подтверждает, что институт банкротства направлен на исключение неплатежеспособного участника из гражданского оборота.

Конкурсное производство относится к ликвидационной процедуре, завершающей процесс несостоятельности (статья 2 пункт 1 статьи 63, статья 126, пункт 1 статьи 149 Закона о несостоятельности).

В связи с этим данная стадия предполагает широкие полномочия, направленные на возвращение ликвидного имущества в конкурсную массу: обжалование действий должника и заинтересованных лиц, выраженных в заключении сделок (институт оспаривания сделок); эффективное использование наличествующих активов (институт снятия арестов и ограничений, институт освобождения руководства должника от исполнения своих обязанностей); наиболее выгодная продажа активов должника (институт реализации имущества должника); пропорциональное и поочередное удовлетворение требований

---

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 22.04.2016 №Ф02-1656/2016 по делу №А58-3001/2015 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 26.05.2016 №Ф02-2578/2016 по делу №А74-7048/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.05.2016 №12АП-3851/2016 по делу №А12-3304/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Согласно данным аналитической записки к статистическому отчету о работе Арбитражных судов в Российской Федерации за 2013 г. (более свежих сведений на официальном сайте не представлено), число банкротных дел, перешедших в процедуру конкурсного производства, составляет 76%. URL: <http://www.arbitr.ru/press-centr/news/totals/> (дата обращения: 27.03.2017).

кредиторов должника (институт расчетов с кредиторами должника); прекращение долговых обязательств собственниками должника (институт исполнения обязательств учредителями должника – унитарного предприятия); восстановление платежеспособности должника (институт замещения активов должника) и др.

Все указанные правовые механизмы так или иначе могут быть подвергнуты злоупотреблениям. Тем не менее основной массив недобросовестных действий приходится на институт реализации имущества должника. Указанная форма злоупотребления при несостоятельности рассматривалась выше, однако в рамках настоящего параграфа необходимо более подробно остановиться на злоупотреблениях, которые могут быть выявлены на этапе подготовки к проведению торгов.

Краткий алгоритм процедуры реализации следующий: конкурсный управляющий проводит инвентаризацию имущества должника, инвентаризационный отчет публикуется на официальном сайте Единого федерального реестра сведений о банкротстве¹.

В случае поступления от конкурсного кредитора либо уполномоченного органа (если размер их требований по отдельности превышает 2% от суммы требований реестровых кредиторов) заявки о необходимости проведения оценки какого-либо имущества должника, конкурсный управляющий обязан провести соответствующую оценку с последующим опубликованием результатов проведенной оценки на официальном сайте Единого федерального реестра сведений о банкротстве.

Затем конкурсный управляющий представляет на утверждение собранию кредиторов (либо в комитет кредиторов) свои предложения о порядке продажи имущества должника. Если порядок проведения торгов не утвержден, конкурсный кредитор или уполномоченный орган (в случае, если размер их требований по отдельности составляет более 20% от суммы требований реестровых кредиторов)

---

¹ См.: Шишмарева Т.П. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и практика его применения: учебное пособие для экзамена по единой программе подготовки арбитражных управляющих. М., 2015; Громова Е.Г. Деятельность арбитражных управляющих при осуществлении процедур банкротства // Арбитражная практика. 2002. №7.

вправе обратиться в суд с заявлением об утверждении порядка проведения торгов, о чем суд выносит соответствующее определение.

Имущество должника продается единым лотом с установлением процента понижения стоимости имущества при признании торгов несостоявшимися. Денежные средства, вырученные от продажи имущества, поступают в конкурсную массу и направляются на удовлетворение требований кредиторов согласно установленной в законе очереди.

Следует отметить, что нормы специального законодательства предусматривают множество нюансов, рассмотрение которых в рамках диссертационного исследования нецелесообразно. Нам необходимо уяснить в общих чертах порядок совершаемых каждым из участников действий с тем, чтобы выявить возможности для злоупотреблений.

Прежде всего, это касается этапа проведения оценки имущества должника, поскольку указанный элемент является наиболее уязвимым с точки зрения недобросовестного использования.

Начальная продажная цена имущества должника устанавливается на основании проведенной оценки, результатом которой является отчет. Крайне важно, чтобы указанный документ содержал объективную и достоверную информацию, однако на практике ситуация нередко иная.

Важность отсутствия ошибок в отчете обусловлена тем, что вопреки законодательно закрепленной возможности обжалования указанного документа (пункт 6 статьи 130 Закона о несостоятельности), при применении механизма возможно причинение существенного ущерба как самому должнику, так и его кредиторам.

Судебные органы выработали определенные позиции, связанные с процедурой оспаривания отчета. Первая заключается в том, что заинтересованному лицу необходимо прибегнуть к порядку искового производства, если оно не согласно с представленным отчетом. Соответствующая

позиция была выработана ВАС РФ¹. Вторая позиция, наоборот, предполагает невозможность самостоятельного обжалования указанного акта, поэтому отчет может быть оспорен только в рамках обжалования судебного акта, в основу которого были положены данные из этого документа².

Однако какой-бы подход ни был избран сторонами, общая судебная тенденция сводится к отказу в удовлетворении заявленных требований и оставлению того результата оценки, который был представлен управляющим. Соответствующие решения встречаются в практике ФАС Московского округа, Арбитражного суда Поволжского округа, ФАС Северо-Западного округа, Арбитражного суда Уральского округа и иных судебных органов³.

От стоимости имущества зависит количество участников соответствующих торгов, их желание приобрести выставляемый актив. Чрезмерное завышение, равно как и необоснованное занижение цены одинаково невыгодно и для должника, и для добросовестных кредиторов.

Ситуация усугубляется тем, что в рамках процедуры торгов ошибки (намеренные или случайные) на стадии проведения оценки могут быть исправлены в рамках конкурентной борьбы. Однако некорректный отчет в совокупности с манипулированием механизмом торгов исключает возможность реализации указанным институтом той цели, которая заложена законодателем.

Исходя из вышеизложенного сделаем ряд выводов.

Процедура банкротства начинается с первой стадии, которой в настоящее время является наблюдение.

В первую очередь привлекательность необоснованного обращения к несостоятельности связана с институтом моратория. Должнику создаются

---

¹ См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 23.10.2012 №6083/12 по делу №А40-114306/11-93-1021 // Вестник ВАС РФ. 2013. №2; Постановление Президиума ВАС РФ от 27.07.2011 №2419/11 по делу №А03-11363/2009 // Вестник ВАС РФ. 2011. №11.

² См.: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 30.05.2005 №92 «О рассмотрении арбитражными судами дел об оспаривании оценки имущества, произведенной независимым оценщиком» // Вестник ВАС РФ. 2005. №7; Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 10.09.2007 №Ф08-5777/2007 по делу №А63-15086/2006-С2 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Постановление ФАС Московского округа от 10.04.2014 №Ф05-2965/14 по делу №А41-36496/13 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 14.08.2014 по делу №А55-15661/2010 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление ФАС Северо-Западного округа от 02.07.2013 по делу №А56-56895/2012 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 07.12.2015 №Ф09-12527/12 по делу №А07-7302/11 // СПС «КонсультантПлюс».

условия, достаточные для восстановления финансовой стабильности и погашения задолженности перед кредиторами. Однако недобросовестными лицами мораторий может использоваться для получения финансовой выгоды.

С целью предотвращения искажения применения института снятия арестов с имущества должника – юридического лица и приостановления исполнительных действий, исследователя предлагают после введения процедуры наблюдения отстранять его органы управления. Однако это не всегда эффективно для предотвращения недобросовестных действий. В связи с этим, полагаем, целесообразно использовать идею М.В. Телюкиной о применении смешанной системы.

Органы управления действительно должны быть отстранены, но только в том случае, если они причастны к несостоятельности должника – юридического лица. А это, в свою очередь, предполагает установление того, по чьей вине должник стал несостоятельным.

В связи с этим необходимо изменить форму отчета арбитражного управляющего таким образом, чтобы в его рамках был предусмотрен специальный раздел, посвященный анализу деятельности органов управления и контроля должника с целью установления степени причастности последних к доведению предприятия до несостоятельности.

Требуют доработки нормы, посвященные мораторию на удовлетворение требований кредиторов, установлению процентной ставки по всем финансовым санкциям, а также институту снятия ограничений и арестов и невозможности обращения взыскания на имущество должника.

Диссертант полагает, что предложенные изменения будут способствовать созданию такой правовой обстановки, в рамках которой добросовестное исполнение возникших обязательств станет выгоднее обращения к процедуре банкротства.

Механизм несостоятельности – это не средство удовлетворения имущественных потребностей участников гражданского оборота. Искоренение подобного понимания снизит численность злоупотреблений при банкротстве.

Нормальное функционирование гражданского оборота предполагает, что обращение к процедуре несостоятельности является крайней мерой воздействия на должника. С такой позицией на протяжении долгого времени соглашалась судебная практика. Например, в постановлении ФАС Северо-Западного округа от 12.02.2001 №А05-8271/00-496/15 указано, что производство по делу о банкротстве представляет собой исключительный порядок удовлетворения требований кредиторов путем ликвидации должника. Поэтому, если кредитор, не использовав все законные средства защиты своих прав, то есть не пытаясь в исковом порядке получить удовлетворение своих требований, обращается в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом, действия заявителя следует рассматривать как злоупотребление правом и в принятии таких заявлений должно быть отказано¹. ФАС Северо-Западного округа от 18.12.2000 в деле №А56-22869/2000 оставило в силе определение суда первой инстанции, которым суд отказал в принятии заявления общества о признании банкротом другого общества в связи с непредставлением доказательств, свидетельствующих о принятии мер к получению задолженности по решению суда, хотя возможность взыскания задолженности в порядке искового производства у заявителя имелась².

Процедура банкротства как правильно указывает С.А. Карелина, не должна превращаться в механизм поддержания неплатежеспособных должников³. Это средство, позволяющее вовремя исключить из оборота ненадежного контрагента и способствующее восстановлению финансовой стабильности, когда обратившееся лицо действительно в этом заинтересовано.

Конечная цель процедуры банкротства – сохранение баланса равнонаправленных интересов потенциальных участников указанного отношения, который напрямую зависит от способности удовлетворения всех имеющихся требований. Она может быть достигнута только, если все участники ведут себя добросовестно.

---

¹ СПС «КонсультантПлюс».

² СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Карелина С.А. Указ. соч. С. 43.

Злоупотреблениям подтверждена и стадия конкурсного производства. Основной ущерб добросовестным участникам процедуры банкротства может быть нанесен при реализации имущества должника, в связи с чем была идентифицирована и исследована соответствующая форма недобросовестного поведения. Однако в рамках указанной формы предусмотрена определенная процедура подготовки, на отдельном этапе которой возможны злоупотребления. Речь идет о злоупотреблении при подготовке отчета о стоимости имущества должника, когда оценка производится в сторону существенного занижения реальной цены, что в равной степени неблагоприятно и для должника, и для добросовестных кредиторов. Учитывая, что подготовка отчета предшествует этапу реализации имущества должника, недобросовестное поведение в данном случае может не только существенно затронуть права остальных участников, но и сделать невозможным восстановление нарушенных прав.

Некорректность отчета может быть исправлена только при конкурентной борьбе в рамках проводимых торгов, однако, как правило, последующий этап уже подвержен такому злоупотреблению, как манипулирование механизмом торгов. Тогда возможность предотвращения подобной формы недобросовестного поведения будет минимизирована.

Полагаем, что необходимо тщательно проверять (при установлении факта манипулирования механизмом торгов) не только лиц, уличенных непосредственно в рамках торгов, но и лиц, привлекаемых для составления отчета о стоимости имущества, выставляемого на торги.

Выявление злоупотребления при подготовке отчета об оценке стоимости имущества должника должно стать основанием для назначения отдельного судебного заседания с целью решения вопроса о назначении независимой судебной оценки, когда все стороны лишены возможности предложения услуг собственных экспертных организаций. Выбор экспертного учреждения в таком случае должен быть передан на усмотрение суда. Возможно, это нивелирует количество злоупотреблений.

С учетом предложенных корректировок процедура банкротства будет способна устранять нефункционирующие звенья, в то же время максимально защищая остальных.

§ 2. Злоупотребления в рамках заключения и утверждения мирового соглашения

Мировое соглашение имеет двойственный характер – это и разновидность сделки, и стадия процедуры банкротства.

Традиционное понимание института мирового соглашения отражено в постановлении Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 №50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» – это компромиссный способ урегулирования сложившегося конфликта, когда учитываются интересы обеих сторон¹.

Однако в рамках процедуры банкротства данный механизм приобретает иную природу – это совокупность действий большинства кредиторов, связанных с необходимостью отказа от части предъявленных требований с целью получения хотя бы частичного удовлетворения, чем в случае обычного рассмотрения спора в порядке, предусмотренном Законом о несостоятельности.

Такая трактовка, по мнению диссертанта, требует корректировки: представляя собой стабилизационную процедуру, мировое соглашение не в должной мере учитывает интересы кредиторов, укрепляя позиции должника.

Иное мнение относительно указанного подхода может быть обнаружено в исследовании Р.В. Аутлевой, обосновывающей свою позицию ссылкой на постановление КС РФ, в котором подчеркивается, что в рамках процедуры банкротства превалирует публично-правовое начало, поскольку указанные отношения основываются на предусмотренном законом принуждении меньшинства кредиторов большинством, а следовательно, в силу невозможности выработки единого мнения иным образом воля сторон в данном случае формируется по другим, отличным от искового производства, принципам².

---

¹ См.: Постановление Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 г. №50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» // Вестник экономического правосудия РФ. 2014. №9.

² См.: Аутлева Р.В. Некоторые проблемы «исполнимости» мирового соглашения в рамках дел о несостоятельности (банкротстве) // Российская юстиция. 2014. №6; Постановление КС РФ от 22.07.2002 № 14-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона «О реструктуризации кредитных организаций», пунктов 5 и 6 статьи 120 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами граждан, жалобой региональной общественной организации «Ассоциация защиты прав акционеров и вкладчиков» и жалобой ОАО «Воронежское конструкторское бюро антенно-фидерных устройств» // СЗ РФ. 2002. № 31.

Указанная позиция представляет собой не что иное, как подтверждение ранее приведенного утверждения о том, что процедура банкротства вовлекает слишком большое количество участников, разнонаправленность воли которых создает объективную сложность в установлении баланса интересов. В таких условиях институт мирового соглашения вынужденно видоизменяет свою суть.

В то же время предложенное судебное решение не выдерживает критики В.А. Химичева, полагающего, что стремление законодателя обеспечить публичные интересы при заключении мирового соглашения сводит на нет возможность его заключения¹, но поддержано А.В. Егоровым, С.А. Карелиной, С.В. Сарбашем утверждением о том, что институт мирового соглашения направлен на реабилитацию должника через восстановление его платежеспособности благодаря уступкам и предоставлением со стороны кредиторов или третьих лиц².

Приведенные мнения в полной мере коррелируются со статьей 2 Закона о несостоятельности, норма которой закрепляет, что мировое соглашение – это достижение соглашения между должником и кредиторами.

Как отмечает С.А. Карелина, такой тип мирового соглашения распространен не только в России, но и за рубежом (например, в Англии) и представляет собой одну из двух известных вариаций. Однако на практике он применяется редко, поскольку восстановление платежеспособности не является основной целью мировых соглашений. Указанный довод логичен и обоснован, поскольку законодательство предусматривает иные механизмы, существующие в целях восстановления финансовой стабильности должника. Вторая вариация предусматривает иную процедуру распределения средств от продажи должника, то есть такую ситуацию, когда участники меняют предусмотренную законом очередность или порядок удовлетворения требований. Подобный подход используется чаще, поскольку позволяет подменить собой иные этапы

---

¹ См.: Химичев В.А. Защита прав кредиторов при банкротстве. М., 2005. С. 63.

² См.: Егоров А.В. Мировое соглашение в деле о банкротстве и обязательные платежи // Хозяйство и право. 2004. №4; Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. М., 2008; Денисов С.А., Егоров А.В., Сарбаш С.В. Реабилитационные процедуры в деле о банкротстве: постатейный комментарий ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». М., 2003.

несостоятельности и ускорить процесс реализации имущества и погашения долговых обязательств¹.

Таким образом, вопреки утвердившемуся в России мнению о стабилизирующем характере института мирового соглашения, для некоторых стран указанный механизм является ликвидационным.

Развитие предложенной идеи обнаружено в определении КС РФ, в котором было указано, что при утверждении мирового соглашения суд должен принимать во внимание, в каких целях оно заключается: для восстановления платежеспособности (следуя логике законодателя) либо для обеспечения неоправданных преимуществ определенной группы кредиторов².

Предложенная позиция отражает одну из ключевых проблем недобросовестного использования института мирового соглашения, когда обращение к нему обусловлено необходимостью удовлетворения интересов элитарной группы участников банкротного процесса.

В связи с распространяющимся обращением к институту мирового соглашения в недобросовестных целях, В.А. Химичев указывает, что в случаях, когда мировое соглашение не преследует цель восстановления платежеспособности должника либо его условия ущемляют права отдельных кредиторов, суд должен отказать в его утверждении, используя свои дискреционные полномочия³.

Тем не менее анализ судебной практики в рамках исследуемого вопроса не позволяет констатировать поддержку указанной идеи. Например, на рассмотрении Арбитражного суда Иркутской области оказался спор о несостоятельности, в рамках которого было утверждено мировое соглашение. В силу условий заключенного соглашения должнику была представлена скидка с долга в

---

¹ См.: Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. М., 2008.

² См.: Определение КС РФ от 01.10.2002 №228-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Калле Налс Рос Трейдинг» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 5 статьи 120 и пунктом 3 статьи 122 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник КС РФ. 2003. №2.

³ Химичев В.А. Указ. соч. С. 61. Аналогичная позиция прослеживается в одном из Информационных писем ВАС РФ, посвященных вопросу мирового соглашения в рамках несостоятельности. См.: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 20.12.2005 №97 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с заключением, утверждением и расторжением мировых соглашений в делах о несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. 2006. №3.

отношении всех реестровых кредиторов в размере 84,32%, отсрочка погашения требований кредиторов на 12 месяцев с момента утверждения мирового соглашения и рассрочка погашения требований кредиторов сроком на 5 лет. От уплаты всех иных платежей должник освобождался. Решение о заключении мирового соглашения в соответствующей редакции было принято большинством кредиторов (84% голосов).

Указанное решение было обжаловано одним из кредиторов (размер его требований составил 13%), голосовавшим против заключения указанного текста мирового соглашения.

Определение об утверждении мирового соглашения было отменено судом кассационной инстанции, поскольку условия заключенного мирового соглашения экономически нецелесообразны и не способствуют восстановлению платежеспособности должника.

Как пояснил суд, в рамках рассмотрения спора в суде первой инстанции не был достаточно полно исследован вопрос о соотношении преимуществ кредитора в случае заключения данного мирового соглашения и при применении обычного порядка процедуры банкротства.

Следует отметить, что суд скрупулезно изучил текст мирового соглашения, обратив внимание на то, что фактически такое мировое соглашение подменяет собой процедуру торгов, поскольку по условиям мирового соглашения расчеты с кредиторами должны были осуществляться после реализации имущества должника¹.

Вопреки тому факту, что вышестоящий суд отменил неоднозначное определение суда первой инстанции, приведенный пример скорее представляет собой исключение из общего правила о допустимости заключения подобных мировых соглашений. Примерами могут послужить судебные акты арбитражных

---

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 27.07.2016 №Ф02-2545/2016 по делу №А19-4094/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

судов Волго-Вятского, Западно-Сибирского, Восточно-Сибирского, Уральского, Поволжского округов и других судебных органов¹.

В то же время в случае обнаружения необоснованности условий заключаемых соглашений соответствующий анализ происходит осуществляется на уровне вышестоящих инстанций. Отмене подлежат те мировые соглашения, содержание которых нарушает права кредиторов. Однако рассматриваются они не на уровне судов первой инстанции (как это должно быть), а при последующем обжаловании.

В некоторых спорах заинтересованные лица доходили до ВС РФ. В рамках одного из рассмотрений были отменены акты нижестоящих судов, утвердивших мировое соглашение, предполагающее отсрочку уплаты основного долга на 6 лет, а неустоек – на 11 лет, в связи с отсутствием экономического обоснования этих условий. При этом Суд указал, что если за утверждение мирового соглашения голосовали связанные с должником кредиторы (например, его аффилированные лица или поручители по обязательства должника), то они обязаны доказать, что голосовали в интересах всех кредиторов как гражданско-правового сообщества, а не в интересах должника².

Другим примером может послужить спор, в рамках которого было отменено определение об утверждении мирового соглашения, по условиям которого должнику списывалось около 50% долга, а также предоставлялась трехлетняя рассрочка платежа. Излагая свои выводы, ВС РФ подчеркнул, что для конкурсного кредитора заключение мирового соглашения оправданно, когда в результате он получит больше по сравнению с тем, на что можно было бы рассчитывать в случае незамедлительного распределения конкурсной массы³.

---

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 26.12.2016 №Ф01-4959/2016 по делу №А29-2669/2013 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 22.01.2016 №Ф04-16/2015 по делу №А46-16351/2014 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 08.02.2016 №Ф02-606/2016 по делу №А33-18813/2014 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 02.03.2016 №Ф09-334/16 по делу №А60-48393/2014 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 30.04.2015 №Ф09-1978/15 по делу №А07-23633/2009 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 30.10.2014 №Ф06-16268/2013 по делу №А65-3561/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Определение ВС РФ от 17.05.2016 №305-ЭС16-1045 по делу №А40-95123/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Определение ВС РФ от 19.12.2016 по делу №305-ЭС15-18052(2), А41-69762/14 // СПС «КонсультантПлюс». В целом указанная формулировка встречается практически во всех судебных решениях, связанных с оспариванием

Вышеописанная ситуация влечет неоправданные временные и финансовые затраты для заинтересованных лиц, поэтому судам первой инстанции надлежит более тщательно подходить к вопросу утверждения мировых соглашений.

Причина подобного отношения к институту мирового соглашения, возможно, может быть обнаружена при анализе хронологии развития указанного механизма применительно к процедуре несостоятельности. Так, изначальный подход направлял юридическую мысль по пути процессуального оспаривания, когда мировое соглашение могло быть обжаловано только в рамках процедуры апеллирования судебного акта, утвердившего такое соглашение¹.

Данную позицию можно встретить в практике нижестоящих судов. Например, в рамках одного из рассмотренных споров ФАС Западно-Сибирского округа указывает, что признание мирового соглашения в результате подачи самостоятельного иска означает нарушение основополагающих процессуальных принципов; у суда отсутствуют основания для переоценки обстоятельств, установленных вступившим в законную силу судебным актом об утверждении мирового соглашения. Заключение мирового соглашения находится под контролем суда, и правовые последствия материального характера в виде установления для сторон субъективных прав и обязанностей наступают только после его утверждения судом. Ссылаясь на незаконность мирового соглашения, заявитель по существу оспаривает законность судебного акта по делу, а порядок оспаривания судебных актов предусмотрен АПК РФ².

Аналогично Арбитражный суд Волго-Вятского округа указал, что мировое соглашение утверждается вступившим в законную силу судебным актом, а потому отдельно от этого акта оспорено быть не может³.

мирового соглашения, поскольку коррелируется с правовой позицией ВАС РФ. См.: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 20.12.2005 №97 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с заключением, утверждением и расторжением мировых соглашений в делах о несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. 2006. №3.

¹ См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 30.09.2003 №4161/03 по делу №А60-23384/02-С1 // Вестник ВАС РФ. 2004. №2.

² См.: Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 22.03.2007 №Ф04-1366/2007(32385-А75-30) по делу №А75-8153/2006 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 05.12.2016 №Ф01-4969/2016 по делу №А38-5284/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

Распространение подобной судебной позиции способствовало выработке правовой концепции отождествления мирового соглашения с процессуальным соглашением сторон о прекращении судебного спора¹. Применительно к процедуре несостоятельности это соглашение кредиторов и должника в лице арбитражного управляющего (в зависимости от стадии) о прекращении производства посредством взаимных уступок.

Однако судебная практика по указанному вопросу начала менять отношение к предложенной идее, в результате чего появилась возможность отдельного оспаривания действий по исполнению судебного акта, что подразумевает возможность оспаривания как мирового соглашения, так и определения об утверждении мирового соглашения².

Процессуальный аспект подобного понимания заключается в закреплении возможности конкурсного кредитора или уполномоченного органа обжаловать определение об утверждении мирового соглашения, утвержденного судом по другому делу исковом процессе, в том случае, если указанные лица полагают, что их права и законные интересы нарушены указанным соглашением, в частности, если оно обладает признаками подозрительной сделки. В случае пропуска ими срока его обжалования суд вправе восстановить указанный срок с учетом того, когда подавшее жалобу лицо узнало или должно было узнать о нарушении его прав и законных интересов³.

В изменении направления правовой мысли прослеживается традиционное понимание о природе мирового соглашения как гражданско-правовой сделки, которая, соответственно, может быть оспорена в порядке главы III.1 Закона о несостоятельности.

Тем не менее судебная практика не сразу восприняла указанную позицию, в связи с чем можно обнаружить разные решения: первичное отношение к

---

¹ См.: Гукасян Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. М., 1970. С. 131; Князев Д.В. Мировое соглашение в арбитражном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004. С. 66 – 83.

² См.: Постановление Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 23.12.2010 №63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. 2011. №3.

³ См.: Постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 №35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // Вестник ВАС РФ. 2012. №8.

возможности оспаривания посредством обжалования судебного акта¹ либо применение нарастающей правовой тенденции².

Такое изменение практической мысли соответствующим образом отразилось на мысли теоретической, в связи с чем ученые заняли позицию родо – видовых отношений институтов мирового соглашения и сделок³.

Отсутствие единства или какого-либо приемлемого компромисса создало благоприятные условия для возникновения различных точек зрения относительно процедуры урегулирования имеющихся спорных моментов.

С.С. Галкин предлагает разграничивать процедуру обжалования определения об утверждении мирового соглашения и действий, направленных на исполнение условий, полагая, что обжалование судебного акта со ссылками на положения главы III.1 Закона о несостоятельности недопустимо. Подобное основание может быть использовано только в случаях обжалования действий, направленных на исполнение утвержденного мирового соглашения⁴.

Предложенный механизм обжалования при возможном его объяснении с точки зрения норм материального и процессуального права, когда для обжалования судебных актов действительно существует определенный порядок, тем не менее не выдерживает критики.

В том случае, если имеется вступивший в законную силу судебный акт, который придает действительность и законную силу утвержденному таким актом мировому соглашению, какое-либо обжалование действий добросовестного лица, исполняющего условия заключенного соглашения, становится необоснованным. Аналогично самостоятельное обжалование судебного акта может быть недобросовестно использовано в качестве средства затягивания процедуры

---

¹ См.: Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 21.01.2003 №Ф08-5010/02 по делу №А63-1405/2002-С2 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 17.01.2012 по делу №А27-13235/2010 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление ФАС Поволжского округа от 29.02.2012 по делу №А65-26716/2010 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение ВАС РФ от 24.10.2011 №ВАС-13344/11 по делу №А53-9308/2010 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 18.03.2016 №Ф02-1165/2016 по делу №А58-6441/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Рожкова М.А. Мировая сделка в предпринимательских отношениях // Законодательство. 2002. № 9. С. 9; Постановление ВАС РФ от 18.07.2014 №50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» // Вестник экономического правосудия РФ. 2014. №9.

⁴ См.: Галкин С.С. Вопросы оспаривания мирового соглашения, заключенного несостоятельным должником в исковом производстве // Актуальные проблемы российского права. 2014. №7.

исполнения судебного решения либо привести к ситуации, когда к моменту обжалования все необходимые действия уже будут совершены. Разумеется, возможно ввести ограничение на совершение действий на период обжалования определения об утверждении мирового соглашения, но каких-либо объективных оснований для соответствующего приостановления не предполагается.

Иными словами, подобное предложение в конечном счете может способствовать возникновению новых злоупотреблений. Полагаем, при внесении предложения о возможности оспаривания судебного акта и мирового соглашения в порядке главы III.1 Закона о несостоятельности высший судебный орган руководствовался схожими мотивами.

Другой позиции относительно исследуемой проблематики придерживался В.В. Витрянский, предлагая ввести норму, устанавливающую, что определение арбитражного суда о заключении мирового соглашения является основанием для обязательной реструктуризации задолженности должника по обязательным платежам¹.

В.Ф. Попондопуло предложил концепцию монопроцедуры. По мнению ученого, процедура мирового соглашения по своему содержанию не только может заменить собой реабилитационные процедуры, к которым относятся финансовое оздоровление и внешнее управление, но и выступить альтернативной процедурой конкурсного производства, заменив собой весь механизм несостоятельности, предполагающий ликвидацию должника – юридического лица (реабилитацию – физического лица) и определенный порядок удовлетворения требований кредиторов².

Рациональная составляющая перечисленных неприменима в условиях российской правовой действительности. Субъекты отношений не перешли на тот уровень правовой развитости экономических связей, когда примирение становится более эффективным средством урегулирования разногласий сторон, чем использование иных механизмов, нередко предполагающих злоупотребление.

---

¹ См.: Витрянский В.В. Пути совершенствования законодательства о банкротстве // Вестник ВАС РФ. 2001. №3. См. также: Оленин А.Е. Внешнее управление как процедура банкротства // Аудиторские ведомости. 2001. №3.

² См.: Попондопуло В.Ф. Процедуры банкротства и обеспечения интересов кредиторов // Предпринимательское право. 2006 г. №2.

С.А. Рухтин полагает, что проблема мирового соглашения связана с невозможностью фактического участия должника в принятии решения об утверждении редакции соглашения: без изменения самой системы регулирования всей процедуры банкротства мировое соглашение становится возможным только на стадии наблюдения, все остальные случаи заключения мирового соглашения должны быть исключены из Закона о несостоятельности. Должник должен самостоятельно заключать мировое соглашение, самостоятельно инициировать те или иные его условия, доказывая свою способность их выполнить¹.

Такая позиция тем не менее не может быть признана оптимальной, поскольку проблема связана не с инициативностью того или иного участника процедуры несостоятельности, а с теми условиями, которые выдвигаются, не только самим должником, но и иными заинтересованными лицами. При этом мировое соглашение может быть исполнимо, но фактически не выполнять отведенную ему законодательством роль.

Кроме того, при банкротстве гражданина аналог мирового соглашения – план реструктуризации – не может быть утвержден без приложенного к нему заявления самого должника – физического лица об одобрении указанного плана.

Предполагается, что банкрот, являясь лицом, которое будет реализовывать предложенный порядок погашения задолженности, обладает наиболее полной информацией о своем финансовом состоянии и его перспективах. Однако на практике должник, осознавая свое имущественное положение и возможность исполнения условий предлагаемого плана (например, при стабильно высокой заработной плате), не дает своего согласия на его утверждение, мотивируя это надуманными причинами отказа, фактически уклоняясь от разрешения долгового бремени².

Однако какие бы идеи не предлагали исследователи в области права, какие бы разъяснения ни издавала высшая судебная инстанция, практика вырабатывает

---

¹ См.: Рухтин С.А. Мировое соглашение: проблемы заключения и исполнения при банкротстве // Журнал российского права. 2001. №7.

² См.: Постановление Пленума ВС РФ от 13.10.2015 №45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» // Российская газета. 2015. №235.

свой уникальный подход, воплощающий суть предложенных идей, облеченных в приемлемую процессуальную форму, не расходящуюся с действующим законодательством.

Так, в рамках спора, переданного на рассмотрение Арбитражного суда Дальневосточного округа, было отменено определение об утверждении мирового соглашения, предполагающего 3-летнюю отсрочку платежей, поскольку оно было утверждено аффилированными кредиторами должника при отсутствии доказательств его исполнимости. При этом прекращение дела о банкротстве могло повлечь существенный ущерб для независимых кредиторов должника¹.

Арбитражный суд Западно-Сибирского округа отменил утвержденное мировое соглашение, поскольку оно утверждено кредитором, единственным учредителем которого является учредитель должника, при этом отсутствует экономическое обоснование предоставленной должнику рассрочки, а временным управляющим выявлены признаки вывода должником имущества в пользу данного аффилированного кредитора².

Арбитражный суд Московского округа отказывал в утверждении мировых соглашений, условия которых предполагали 5-летние и 7-летние отсрочки как по основному долгу, так и по неустойке в связи с отсутствием экономического обоснования этих условий, наличием у должника имущества, достаточного для частичного расчета с кредиторами, а также по причине того, что данные соглашения были утверждены аффилированными кредиторами³.

Предложенные примеры показывают, что в рамках процессуального обжалования судебного акта вышестоящие суды фактически исследуют содержание мировых соглашений с точки зрения сопоставимости их условий с нормами статей 61.2, 61.3 Закона о несостоятельности. Это следует из статьи 188 АПК РФ, закрепляющей порядок и сроки обжалования. Процессуальное

---

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 21.07.2016 №Ф03-3092/2016 по делу №А51-31080/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 30.01.2017 №Ф04-6080/2016 по делу №А02-2082/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.11.2015 №Ф05-5253/2014 по делу №А40-90028/2012 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.12.2016 №Ф05-4492/2015 по делу №А40-156928/13 // СПС «КонсультантПлюс».

обжалование судебного акта предполагает исследование порядка принятия и содержания акта с точки зрения выполнимости условий, закрепленных в статьях 184 и 185 АПК РФ.

Однако вышестоящие инстанции в приведенных случаях трактуют понятие «содержание» более широко, подразумевая исполнимость не только положений статьи 185 АПК РФ (дата и место вынесения, наименование арбитражного суда и т.д.), но и условий добросовестного оборота и невозможность отнесения таковых к диспозициям статей 61.2 и 61.3 Закона о несостоятельности.

Приведенные примеры отражают общую картину восприятия указанного института: при всей его специфике суды не изменяют своей позиции о необходимости создания условий для максимального удовлетворения требований кредиторов и недопустимости причинения их интересам имущественного вреда.

В то же время крайне важно сохранять баланс интересов сторон и не допускать ситуаций злоупотреблений по отношению к самому должнику посредством использования института мирового соглашения.

На рассмотрение ВС РФ был передан подобный спор. Между ООО и Банком был заключен кредитный договор, в обеспечение исполнения условий которого ООО заложило объект недвижимости. Здание было застраховано, в качестве выгодоприобретателя был указан банк. При пожаре заложенное здание существенно пострадало. Банк обратился в страховую компанию, которая отказала в выплате, в связи с чем Банк обратился в суд. Страховое покрытие составляло 120 млн руб., стоимость восстановительного ремонта – 699 155 981 руб., то есть в рамках спора банк просил взыскать максимальную сумму страхового покрытия.

В процессе рассмотрения спора банк и страховая компания заключили мировое соглашение, установив обязанность страховой компании произвести выплату в размере 14 млн руб. (сумма покрытия снизилась более чем в восемь раз). Мировое соглашение было утверждено судами первой и кассационной инстанций. Суды исходили из позиции банка и страховой компании, согласно которой при имевшейся задолженности по кредитным договорам ООО не вправе

вторгаться в их отношения по определению размер убытков, а свои права оно может защитить иным способом, к которому и прибегло, предъявив самостоятельный иск о взыскании страхового возмещения.

Принимая указанный спор на рассмотрение, ВС РФ в своем определении указал, что к выводу о ненарушении мировым соглашением чьих-либо прав суды пришли несмотря на участие в деле Общества, связанного с банком и Страховой компанией кредитными, залоговыми и страховыми обязательствами и заявившего об обусловленном этими правоотношениями интересе в исходе дела.

Интерес общества в рамках данного спора состоял в минимизации его задолженности перед Банком по кредитным договорам за счет возмещения убытков в подлежащем определению размере посредством страховой выплаты. Но в сложившихся к моменту возникновения убытков обстоятельствах лицом, в пользу которого подлежат возмещению убытки, являлся банк.

Таким образом, ни сторонами мирового соглашения, ни судом кассационной инстанции, установившим соответствие соглашения закону, не была опровергнута позиция ООО о том, что условия мирового соглашения, в рамках которого размер убытков определен заинтересованными лицами, нарушают его права¹. Иными словами, сложилась ситуация, при которой общество не могло принять участие в заключении мирового соглашения, которое оказывало существенное влияние на его права. Степень покрытия по страховому договору предопределяла сумму обязательств перед банком.

Этот пример демонстрирует те ситуации, когда подобное злоупотребление может быть проявлено в рамках несостоятельности (в данном споре стороны не были вовлечены в процедуру банкротства), и тех отношений, когда связь между двумя лицами напрямую затрагивает права и обязанности третьего участника. Более распространенным видом подобного вовлечения третьих лиц являются случаи использования института мирового соглашения с целью прекращения поручительства.

---

¹ См.: Определение ВС РФ от 27.03.2017 №305-ЭС16-17204 по делу №А40-112205/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

В рамках одного из споров между банком и ООО был заключен договор о предоставлении кредитной линии, в обеспечение исполнения обязательств ООО-заемщиком, ЗАО предоставило залог и свое поручительство. Банк уступил свои права ООО-кредитору. В отношении ООО-заемщика и ЗАО-поручителя были введены процедуры банкротства, ООО-кредитор вступило в указанные процедуры в качестве реестрового кредитора и залогового кредитора соответственно.

В рамках дела о несостоятельности ООО-заемщика было заключено мировое соглашение, в результате чего сумма требований существенно снизилась и была полностью им погашена. В связи с этим конкурсный управляющий ЗАО-поручителя исключил требования ООО-кредитора, полагая, что поручительство прекратилось. ООО-кредитор обжаловал указанные действия конкурсного управляющего.

Суды первой и апелляционной инстанций заняли позицию заявителя, мотивируя свое решение тем, что изменение порядка исполнения кредитного договора (это фактически было сделано, по мнению судебных органов, в рамках заключенного мирового соглашения в банкротстве ООО-заемщика) не означает его расторжения. Учитывая, что основное обязательство продолжает действовать, нет оснований считать прекратившимися обеспечительные обязательства, тем более, что соответствующее положение установлено вступившим в законную силу судебным актом. В связи с этим исключение требований заявителя из реестра требований ЗАО-поручителя противоречит принципу обязательности судебных актов.

Суд кассационной инстанции, наоборот, посчитал позицию кредитора необоснованной. Мировое соглашение в рамках дела о несостоятельности ООО-заемщика фактически снизило объем обязательств перед кредиторами, так что дополнительные обязательства поручителя прекратились. В такой ситуации действия конкурсного управляющего ЗАО-поручителя правомерны. Суд также обратил внимание на то, что мировое соглашение может быть заключено при отсутствии согласия всех конкурсных кредиторов должника, при этом заявитель не присутствовал на собрании, в рамках которого была утверждена редакция

мирового соглашения, чем выразил свое безразличное отношение к указанной процедуре.

Высшая судебная инстанция с таким выводом суда округа не согласилась, однако скорректировала мотивировочную часть судебных решений первой и апелляционной инстанций. Суд указал, что для применения положений о прекращении обеспечительного обязательства предусмотренные случаи прекращения основного обязательства должны по общему правилу охватываться волей действующего добросовестно и разумно кредитора.

Последствия от предпринимаемых большинством кредиторов несостоятельного должника действий распространяются лишь на отношения отдельных кредиторов (как правило, находящихся в меньшинстве) с должником, при этом не затрагиваются отношения таких миноритариев с третьими лицами (поручителями, залогодателями и т.д.).

Такая позиция продиктована особенностью правового регулирования банкротных отношений, которое состоит в том, что само по себе заключение мирового соглашения при отсутствии воли всех кредиторов не противоречит действующему законодательству (для принятия решения достаточно большинства голосов). Миноритарные кредиторы в таком случае могут оказаться принужденными к уменьшению объема своих прав в отношении должника.

Однако такое принуждение не должно затрагивать и изменять права и обязанности возражающего против утверждения мирового соглашения кредитора в его отношениях с иными лицами, в том числе когда такие отношения обеспечивают требование кредитора к должнику. Иной подход означал бы, что кредиторы, голосовавшие за утверждение мирового соглашения, имели бы возможность вторгаться в имущественную сферу кредитора, оставшегося в меньшинстве, произвольно изменять соотношение его юридических прав и обязанностей с третьими лицами, что недопустимо.

Природа обеспечительных обязательств заключается в том, что кредитор, должник и поручитель заранее осознают возможность неисполнения должником основного обязательства. Предоставляя обеспечение, поручитель (равно как и

залогодатель) принимает на себя все риски, в том числе риск банкротства должника. В том случае, если в рамках несостоятельности должника будет заключено мировое соглашение, уменьшающее или иным образом облегчающее бремя обеспечиваемого долга, поручитель не сможет воспользоваться ссылкой на него. Ему придется исполнять обязательство на первоначальных условиях.

Более того, обратное требование к должнику будет ограничено условиями мирового соглашения. Иными словами, поручитель принимает на себя риск ответственности за отрицательный результат от обеспечиваемой хозяйственной операции¹.

Указанная позиция в некоторой степени способна разрешить проблему необоснованного использования условий мирового соглашения с целью прекращения поручительства. В практике подобные примеры встречаются часто².

Р.И. Сайфуллин, анализируя вышеприведенное решение делает вывод, что оно правильное и обоснованное, поскольку суд исключил возможность поручителя снизить размер обязательства (изменить материальный аспект правоотношений) и преодолеть обязательную силу состоявшихся судебных актов (тем самым изменить процессуальный аспект)³.

Тем менее не представляется возможным в полной мере согласиться с подобным подходом. Прежде всего, это связано с непоследовательностью избранной судом позиции. На этапе заключения мирового соглашения большинство кредиторов неизбежно вторгаются в сферу имущественных отношений должника и миноритарных кредиторов. Такое вмешательство допустимо в целях восстановления платежеспособности и удовлетворения требований кредиторов. В то же время аналогичное вмешательство в отношения с третьими лицами недопустимо.

---

¹ См.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14.06.2016 №308-ЭС16-1443 по делу №А61-2409/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 06.06.2016 №Ф02-2147/2016 по делу №А33-16188/2015 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 13.04.2012 по делу №А45-11177/2010 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 06.11.2015 по делу №А56-71890/2014 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение ФАС Уральского округа от 11.01.2013 №Ф09-1077/11 по делу №А50-13423/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Сайфуллин Р.И. Ослабление акцессорности поручительства и залога. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 14.06.2016 №308-ЭС16-1443 // Вестник экономического правосудия РФ. 2016. №8.

Вмешательство в отношения миноритарных кредиторов как с самим должником, так и с третьими лицами одинаково невыгодно для миноритарного кредитора. При этом заключение мирового соглашения (допустим, на иных условиях) в рамках несостоятельности основного должника либо отказ от применения подобного механизма предотвратили бы необходимость обращения к обеспечительному должнику.

Получается, что основной должник имеет более приоритетную защиту, чем дополнительный, что, в свою очередь, не обоснованно. Если мировое соглашение – восстановительный механизм, его действие должно быть равнонаправленным в отношении всех участников, исключая ситуацию неизбежной несостоятельности связанного с должником лица.

Не менее спорный аспект заключается в установлении объема поручительства, поскольку обязанности должника и поручителя должны быть тождественны (пункт 2 статьи 363 ГК РФ), однако в рамках анализируемого решения указанное правило проигнорировано. Причем миноритарный кредитор не лишен возможности обжаловать такое мировое соглашение, поскольку размер задолженности должника был многократно снижен. Тем не менее он предпочел обратиться к поручителю.

По мнению суда, активное возражение кредитора на этапе утверждения соглашения – достаточное подтверждение того, что он исчерпал возможные средства защиты. Однако с учетом акцессорного характера поручительства предполагается, что добросовестный кредитор в первую очередь должен предпринять все возможные меры по отношению к основному должнику. Активное возражение при минимальном размере требований бессмысленно и не может быть принято в качестве достаточного обоснования добросовестности и разумности поведения такого участника.

Таким образом, по ряду существенных моментов предложенное решение спора не выдерживает критики и не может быть признано обоснованным. Возможно, суду надлежало закрепить позицию о том, что воля кредитора на прекращение или непрекращение обеспечительных обязательств должна иметь

значение только тогда, когда в поведении должника и поручителя установлен факт злоупотребления. В то же время добросовестность поручителя гарантирует ему такую же степень защиты прав и законных интересов, как и кредитору, поскольку последний, вступая в отношения с основным должником принимает на себя и риск несостоятельности последнего.

Иное прочтение данного решения создает возможность использования института мирового соглашения для недобросовестного переложения ответственности с основного должника на поручителя.

Предложенный пример имеет значение не только для изобличения недобросовестного поведения в рамках стадии мирового соглашения, но и для изучения вопроса порядка утверждения мирового соглашения.

Решение об утверждении редакции мирового соглашения принимается большинством голосов, то есть единогласия всех кредиторов не требуется. Условия такого соглашения распространяются только на тех лиц, которые являлись участниками процедуры несостоятельности.

По мнению ряда исследователей, с учетом того, что лица, не участвующие в процедуре банкротства, не подпадают под действие условий заключенного соглашения, в дальнейшем они не могут его оспаривать¹.

А.В. Егоров продолжает, что те кредиторы по денежным обязательствам и обязательным платежам, которые не попали в реестр требований кредиторов к моменту голосования за мировое соглашение, вправе после утверждения мирового соглашения и прекращения производства по делу обратиться к должнику с требованием об уплате долга перед ними в полном объеме без каких-либо отсрочек². Иными словами, некоторым кредиторам выгодно не принимать участия в процедуре утверждения мирового соглашения. Отсутствие должного регулирования в совокупности с недобросовестностью участников оборота может

---

¹ См.: Тальчиков С.А., Тютюнник М.А. Отдельные вопросы заключения мирового соглашения в деле о банкротстве // Безопасность бизнеса. 2011. №4. Аналогичное положение изложено в позиции ВАС РФ. См.: Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 20.12.2005 №97 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с заключением, утверждением и расторжением мировых соглашений в делах о несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. 2006. №3.

² См.: Егоров А.В. Мировое соглашение в деле о банкротстве и обязательные платежи // Хозяйство и право. 2004. №4. С. 69.

привести должника к повторному состоянию банкротства, когда в период покрытия уже сложившихся обязательств в рамках заключенного соглашения к нему предъявляются новые требования контрагентов, с указанным соглашением не связанных.

Все это, резюмирует Р.В. Аутлева, может ставить под сомнение исполнимость мирового соглашения и сводить к минимуму количество таких соглашений¹.

Во избежание подобной практики Е.Ю. Пустовалова предлагает расценивать действия кредитора, бездействовавшего в процедуре банкротства и предъявившего свои требования в общем порядке по окончании производства по делу, как злоупотребление правом. На этом основании суд может отказать ему в защите, что, в свою очередь, обеспечит баланс интересов должника и добросовестных кредиторов². Указанное предложение при всей своей привлекательности не всегда будет эффективным решением данной проблемы, поэтому диссертант считает целесообразным альтернативный выход из данной ситуации: мировое соглашение может быть изменено посредством принятия нового мирового соглашения, изменяющего условия ранее утвержденного; для утверждения нового соглашения все стороны должны обратиться с соответствующим ходатайством в суд³.

Следует отметить, что идея, заложенная в пункте 21 Постановления Пленума ВАС РФ от 08.04.2003 №4 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» о возможности конкурсных кредиторов и уполномоченных органов, требования которых не включены в реестр, предъявлять свои требования после утверждения мирового соглашения и прекращения производства по делу без учета условий мирового соглашения входит в явное противоречие с позицией, установленной в статье 142 Закона о банкротстве (абз. 3 п.1 и абз. 3 п. 9) о том, что

---

¹ См.: Аутлева Р.В. Некоторые проблемы «исполнимости» мирового соглашения в рамках дел о несостоятельности (банкротстве) // Российская юстиция. 2014. №6. С. 35.

² См.: Пустовалова Е.Ю. Судьба требований кредиторов при банкротстве должника. М., 2003.

³ См.: Постановление Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 №50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» // Вестник экономического правосудия РФ. 2014. №9.

несвоевременное предъявление требований в рамках процедуры банкротства является ответственностью кредитора, который в результате собственной процессуальной халатности может в принципе лишиться возможности получить какое-либо удовлетворение своего требования.

Учитывая отсутствие какой-либо судебной практики для подобных ситуаций, предположим ее теоретически допустимой.

Допустим, по каким-либо причинам добросовестный кредитор действительно не знал о том, что один из его контрагентов прошел процедуру банкротства (например, обязательство было заключено на длительный срок). Следует обратить внимание на то, что правило о том, что с момента опубликования соответствующего сообщения, все заинтересованные в указанном деле лица считаются проинформированными, создано для упрощения деятельности арбитражного управляющего и не может служить основанием, умаляющим права добросовестных участников правоотношений.

Такой кредитор может предъявить требования к должнику в обычном порядке, но должник обязан заявить о том, что в отношении него прекращена процедура банкротства. В случае такого заявления суд, рассматривающий спор, должен прекратить производство по делу и перенаправить его на рассмотрение в арбитражный суд, разрешивший дело о банкротстве. Такому порядку необходимо следовать при установлении как имущественных, так и неимущественных требований (если банкротство проходит с применением специальной процедуры).

Требования указанного кредитора подлежат включению в соответствующую очередь реестра требований кредиторов должника, а мировое соглашение подлежит изменению.

Крайне важно установить пресекательный срок для обращения с подобным заявлением. Наиболее оптимальным представляется срок не более шести месяцев, поскольку он достаточен для возникновения встречных обязанностей даже в рамках длительных правовых отношений и позволяет внести определенность для других заинтересованных участников процедуры банкротства.

Невозможность восстановления срока в случае его пропуска, с одной стороны, гарантирует защиту прав кредиторов и должника, а с другой – представляет собой разумный риск контрагента, который в любом случае должен интересоваться финансовым положением лиц, с которыми у него заключены договоры.

Требования такого кредитора подлежат удовлетворению пропорционально требованиям остальных кредиторов. Он должен иметь возможность участвовать в собрании кредиторов, утверждающих редакцию мирового соглашения, и отразить свою позицию посредством голосования, а кроме того, не может быть лишен права обжалования определения, если редакция мирового соглашения его не устроила. В тексте мирового соглашения либо процессуально в норме о прекращении производства по делу о банкротстве должна быть закреплена возможность возобновления производства по делу в случае предъявления таким кредитором требования.

Если должник не заявляет о том, что в отношении него было прекращено производство о банкротстве, суд рассматривает спор в обычном порядке, однако впоследствии такой должник не вправе ссылаться на свое нестабильное финансовое положение, связанное с процедурой несостоятельности, как основание для неисполнения, рассрочки либо отсрочки исполнения обязательств перед новым кредитором.

Следует также обратить внимание на то, что если кредитор не сможет доказать свою добросовестность, то есть не приведет достаточных аргументов, подтверждающих объективную невозможность вступления в спор ранее, то такое поведение кредитора может быть расценено как злоупотребление правом, и ему может быть отказано в защите такого права. Предполагается, что подобный способ предотвращения недобросовестного использования института мирового соглашения во взаимосвязи с предложением Е.Ю. Пустоваловой станет эффективным средством разрешения проблемы. Тем более что реформирование в области законодательства о несостоятельности постепенно подходит к разрешению вопроса о возможности предъявления требований после завершения

процедуры банкротства: пока это касается только ситуаций привлечения к субсидиарной ответственности, но, возможно, разовьется в более глобальные изменения¹.

В завершение исследования сделаем ряд выводов настоящей главы диссертационного исследования.

Этап мирового соглашения предполагает широкое правовое поле для действий. Многочисленные споры о природе указанного института способствовали возникновению неоднозначных теоретических и практических точек зрения. Мировое соглашение имеет двойственную природу: это и разновидность такой формы недобросовестного поведения, как сделка, и самостоятельный вид злоупотребления. Это особенность указанного правового института.

Злоупотребления могут быть обнаружены в рамках формирования условий мирового соглашения, когда они настолько неоднозначны, что должнику списывается практически вся сумма задолженности или предоставляются чрезмерно льготные условия, не отвечающие норме предпринимательского оборота. Подобные условия могут затрагивать не только самого должника, но и связанных с ним третьих лиц, если, допустим, они фактически прекращают поручительство (или иное обеспечительное обязательство). Во избежание подобного злоупотребления ВС РФ принял позицию, исключающую возможность освобождения от бремени ответственности поручителя даже в том случае, если основной должник в рамках своей процедуры банкротства выполнил требования кредитора.

Несформированность идеи высшей судебной инстанции обуславливает возможность необоснованного использования мирового соглашения во взаимосвязи с поручительством, когда недобросовестный должник намеренно прекращает процедуру банкротства посредством заключения мирового соглашения (с взаимосвязанными или дружественными лицами), перекладывая

---

¹ См.: Федеральный закон от 29.07.2017 №266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2017. №31 (ч. I). Ст. 4815.

бремя обязательств на поручителя. Это возможно, поскольку для утверждения текста мирового соглашения достаточно большинства голосов, и может не только затронуть права третьих лиц, связанных с должником, но и напрямую повлиять на права миноритарных кредиторов. При этом отказ от участия в указанной процедуре не исправит указанную ситуацию.

В то же время намеренное неучастие в заключении мирового соглашения указывает на, вероятно, недобросовестное поведения лица.

С одной стороны, добросовестный кредитор действительно может упустить момент банкротства одного из своих контрагентов, особенно когда обязательства носят долгосрочный характер и подобных контрагентов множество. С другой стороны, гражданский оборот подразумевает необходимость определенной осмотрительности в целях предотвращения подобных ситуаций и защиты своих имущественных прав. В связи с этим требуется сбалансированное решение, позволяющее защитить должника и добросовестных кредиторов от недобросовестных действий, но в то же время поддержать добросовестных участников оборота.

Допустимым решением для преодоления подобного злоупотребления является использование механизма изменения мирового соглашения. В рамках установленного срока в случае предъявления к должнику нового имущественного требования (а в некоторых случаях и неимущественного) после завершения процедуры банкротства он должен сообщить об уже заключенном мировом соглашении. Требования такого кредитора должны быть переведены в процедуру банкротства, которая возобновляется. После включения его требований в реестр, условия мирового соглашения пересматриваются, и в дальнейшем выплата обеспечиваются согласно условиям такого соглашения, в том числе в пользу нового кредитора.

В том случае, если должник умолчит о завершенной процедуре несостоятельности, новое требование должно быть рассмотрено в обычном порядке, но в дальнейшем должник не может ссылаться на эту процедуру банкротства как на причину неисполнения вновь возникших обязательств.

Возможность предъявления такого требования кредитором должна быть ограничена пресекательным сроком, прежде всего во избежание необоснованного использования указанного механизма, а также в целях сбалансированной защиты прав должника и его кредиторов, своевременно включившихся в процесс несостоятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Квинтэссенция диссертационного исследования заключается в нижеследующих выводах.

Проблема недобросовестного поведения известна еще с эпохи Древнего мира, ее решение продолжили искать в Средние века, Новое и Новейшее время. Такое поведение, в частности злоупотребление при банкротстве, на протяжении долгого времени не рассматривалось в качестве самостоятельного правового явления, а потому могло быть выделено исключительно в рамках отдельных правовых вопросов. Тем не менее отсутствие должной теоретической разработанности не мешало нормативному регулированию данного вопроса.

Русская Правда и другие источники права не только закрепляли пример недобросовестного поведения при несостоятельности, но и определяли порядок противодействия ему. С начала XIX в. До конца XX в. Процедура банкротства была фактически под запретом в связи с рядом факторов, обусловленных особенностями экономического развития страны.

Институт несостоятельности развивался в условиях жесткой борьбы субъектов среднего и крупного бизнеса за рынок и процедура банкротства воспринималась (и такое восприятие сохранилось до настоящего времени) не как средство бесконфликтного избавления от неликвидных контрагентов, предотвращающее кризисные явления в стране, а как способ ликвидации слабых предприятий, не способных иным образом сохранить свои активы и платежеспособность.

Изменения, вносившиеся в законодательство, свидетельствовали об усложнении банкротных отношений и необходимости поиска ответов на наиболее острые вопросы судебной практики.

Высшие судебные инстанции, а вслед за ними и нижестоящие суды избрали путь отождествления недобросовестного поведения при банкротстве с институтом оспаривания сделок должника. Несмотря на все достоинства избранного пути, главным его недостатком является неоправданное сужение сферы применения

такой формы недобросовестного поведения, как злоупотребление при банкротстве.

Ситуация начала меняться в 2016 г., когда высшая судебная инстанция высказала позицию о возможности обнаружения недобросовестного поведения не только у должника и не только в рамках заключения сделок.

В настоящее время судебная практика быстро развивается в части исследования злоупотреблений при банкротстве, тем самым позволяя законодателю эффективно реформировать действующие нормы, а теоретикам разрабатывать новые подходы, средства и способы своевременного обнаружения такого поведения на практике.

Злоупотребление при несостоятельности (банкротстве) представляет собой самостоятельную форму недобросовестного поведения, не поименованную в рамках пункта 1 статьи 10 ГК РФ («иную форму недобросовестного поведения»).

Такое поведение является правомерным, но в то же время нежелательным и неожиданным для остальных участников гражданского оборота, в частности, для участников процедуры банкротства.

При этом лицо не имеет намерения причинить вред другому лицу или нарушить норму права (в этом заключается одно из ключевых отличий указанной формы недобросовестного поведения от поименованных форм) – оно действует недобросовестно, поскольку ему необходимо удовлетворить личный интерес, к интересам остальных участников процесса банкротства оно при этом относится безразлично. Такие субъекты, обращаясь к нормам Закона о несостоятельности, искажают их значение, применяя их для достижения определенного результата (последствия своего поведения).

Последствие злоупотребления при банкротстве может быть разного уровня вреда. Идентификация такого поведения не требует установление наличия вреда, поскольку вред является «побочным эффектом», но не самоцелью. Невысокий уровень причиняемого вреда не исключает недобросовестность поведения, но предопределяет необходимость (либо ее отсутствие) применения мер противодействия. При высоком уровне вреда, поскольку недобросовестное

поведение при несостоятельности направлено на достижение определенного результата (последствие такого поведения), наиболее эффективным средством противодействия является лишение последствий такого поведения своего правового значения. Это позволяет своевременно реагировать на все недобросовестные проявления в рамках процедуры банкротства.

На основе предложенных диссертантом признаков раскрывается понятие «злоупотребление правом при несостоятельности (банкротстве)» – это самостоятельная форма правомерного и нежелательного недобросовестного поведения, в рамках которой участники процедуры банкротства, искажая назначение норм Закона о несостоятельности, используют их для удовлетворения собственных потребностей без учета прав и интересов остальных лиц.

В рамках исследования определено, что недобросовестное поведение вне какой-либо конкретной формы не несет правовой нагрузки. Оно становится опасным, когда выражено какими-либо внешними действиями. Это относится и к злоупотреблениями при банкротстве.

Формы злоупотребления при банкротстве – это механизм выражения недобросовестных действий. Как правило, они не связаны с конкретными элементами процедуры банкротства, а потому сложнее поддаются классификации. Их изучение и систематизация осложняются тем, что они меняются вместе с изменением отношений, в которых могут быть обнаружены. Тем не менее, анализ судебной практики и положений специального законодательства позволяет выделить следующие формы злоупотреблений при банкротстве: сделка; вывод активов; манипулирование механизмом торгов; акт недобросовестной конкуренции; погашение задолженности третьим лицом; манипулирование преимущественным правом; преднамеренное банкротство; контролируемое банкротство.

Систематизация любых данных подразумевает наличие определенной системы классификации. Поскольку процедура несостоятельности может быть разложена на составляющие элементы, постольку допустимо обращение к такой

категории, как вид злоупотребления при банкротстве. Вид ориентирует на определенную составляющую процесса несостоятельности.

Вид определяется более устойчивым критерием. В рамках процедуры несостоятельности два подобных критерия: субъект злоупотребления при банкротстве и этап совершения недобросовестного действия.

Систематизация изученной информации по данному вопросу является дополнительным средством своевременного выявления подобного поведения и предотвращения его негативных последствий.

Следует отметить, что помимо категории «форма злоупотребления при банкротстве» возможно обращение к таким понятиям, как «сопутствующее условие для злоупотребления», «способ или прием недобросовестного поведения». Однако предложенные термины настолько близки друг к другу, что в рамках конкретных споров граница между ними может быть стерта. Например, состояние взаимосвязанности, родства или свойства, доминирование на рынке могут играть роль сопутствующего для недобросовестного поведения условия. В рамках вывода активов из конкурсной массы механизм торгов может быть рассмотрен как способ удовлетворения интереса.

Иными словами, предложенная типология представляет собой авторское видение изучаемого явления. Она может видоизменяться в зависимости от категории спора. Элемент нестабильности, свойственный предложенной классификации напрямую связан с ее предметом, который также изменчив по своей природе. Важно, что данная классификация позволяет выявить злоупотребление при банкротстве не только в рамках возбужденного дела о несостоятельности.

Учитывая, что формы, как правило, не связаны с конкретным субъектом или этапом процедуры, диссертант обращает на них особое внимание. Наиболее распространенной и универсальной формой злоупотребления является сделка. В данном случае необходимо проводить четкое разграничение между сделкой с пороками, нарушающими нормы специальной главы Закона о несостоятельности или общие положения ГК РФ, и формой недобросовестного поведения при

банкротстве. Подобные сделки также заключают в себе порок, однако более сложного для выявления порядка.

Форма злоупотребления отличается не только особенностями поведения, на внешнее проявление которого могут указывать различные факторы, рассмотренные в рамках исследования, но и тем, что установление факта злоупотребления при банкротстве при высокой степени вреда для остальных участников процедуры позволяет применить эффективное средство противодействия такому поведению, а именно лишение правового значения последствий используемой формы. В таком случае установление указанной формы злоупотребления правом не всегда будет влечь двустороннюю реституцию.

Степень вреда указанного злоупотребления определяется тем, достаточно ли оставшейся конкурсной массы для удовлетворения всех заявленных требований, а значит для сохранения баланса интересов кредиторов. Это важно, поскольку тождество разнонаправленных интересов вовлеченных в процедуру банкротства участников – это основа, на которой должны быть выстроены последующие позиции в части отдельных вопросов как судебных органов, так и законодателя.

Сложность механизма банкротства предопределяет неизбежность злоупотреблений со стороны вовлеченных лиц, поэтому необходимо своевременно выявить недобросовестность действия и предотвратить последствия их совершения. Сделка представляет собой моноформу, это единичный акт, который может быть обнаружен в качестве элемента иных форм злоупотреблений при несостоятельности, которые более сложны и предполагают определенный алгоритм действий, требующих ресурсов (времени, средств, участников).

Одной из наиболее сложных форм злоупотреблений при несостоятельности является вывод активов – совокупность взаимообусловленных действий, направленных на исключение какого-либо имущества из конкурсной массы. Подобная форма недобросовестного поведения определяется единой целью всех

совершаемых действий. Указанная форма не связана с каким-либо этапом и может быть обнаружена на любой стадии.

В отношении такой формы злоупотребления, как манипулирование механизмов торгов, следует отметить, что она встречается в рамках реализации имущества должника на стадии конкурсного производства. Ее особенность – процедура заключения сделки. При ее использовании умаляется сущность торгов как конкурентного способа выбора потенциального контрагента.

Манипулирование преимущественным правом, как правило, встречается в рамках торгов. Если преимущественное право рассматривается не как первенство при прочих равных условиях, а как первенство предложения при реализации какого-либо имущества.

Не менее распространенной формой является злоупотребление в форме погашения задолженности третьим лицом. Этот механизм не должен превратиться в способ «захода» заинтересованного субъекта в процедуру банкротства и не должен становиться средством получения контроля над указанной процедурой. В связи с этим особенно важно, чтобы судебные органы скрупулезно рассматривали и отношения между третьим лицом и должником, особенно в тех случаях, когда должник возражает против использования статьи 313 ГК РФ, предусматривающей право исполнения обязательств третьим лицом. Несмотря на то что денежные обязательства, как правило, не предполагают акцентирования на личных взаимоотношениях между субъектами, фигура потенциального кредитора (третьего лица, погашающего требование) в отдельных случаях может иметь существенное значение для ограничения права, предусмотренного статьей 313 ГК РФ. Подобное ограничение должно иметь место и в тех случаях, когда против исполнения обязательств третьим лицом возражает кредитор, которому происходит исполнение.

Общий анализ всех форм злоупотребления при несостоятельности позволяет сделать вывод о недопустимости формального подхода при рассмотрении споров, связанных с выявлением недобросовестного поведения применительно к процедуре банкротства.

Однако опасными являются не только сами формы злоупотребления, но и отдельные их виды – в зависимости от стадии совершения.

Например, обращение к процедуре мирового соглашения предполагает широкое правовое поле для действий. Дискуссии о природе указанного института способствовали возникновению неоднозначных теоретических и практических точек зрения. Мировое соглашение имеет двойственную природу: это и разновидность такой формы недобросовестного поведения, как сделка и самостоятельный вид злоупотребления в зависимости от этапа, на котором оно может быть совершено. В этом заключается одна из основных его особенностей. Злоупотребления могут быть обнаружены как в рамках текста договора (неоднозначные условия, предоставляющие чрезмерную скидку и необоснованные преференции для должника), так и при заключении и утверждении мирового соглашения. Возможность подобного злоупотребления обусловлена тем, что для утверждения текста мирового соглашения достаточно большинства голосов. Это не только влечет возможность нарушения прав третьих лиц, связанных с должником, но и напрямую влияет на права миноритарных кредиторов. При этом отказ от участия в указанной процедуре не исправляет указанную ситуацию.

Недобросовестные действия могут совершаться в рамках как первой процедуры (наблюдения), так и последующих процедур, в том числе конкурсного производства, поскольку все процедуры предполагают определенные преимущества, каждое из которых может быть обращено против добросовестных участников механизма банкротства.

По мнению диссертанта, в целях установления истины необходимо досконально изучить поведение вовлеченных участников, их взаимоотношения, специализацию их деятельности, условия совершения тех или иных действий, последствия совершенных действий и другие факторы, которые имеют значение в рамках конкретного спора.

Учитывая многоаспектность исследуемого явления, его динамичность и непрекращающийся процесс усложнения судебным и законодательным органам

целесообразно применять персонифицированный и неформализованный подход к рассмотрению споров, связанных с несостоятельностью, особенно в тех случаях, когда предполагается или установлен факт злоупотребления.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Нормативные правовые и иные акты

ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации:

часть первая от 30.11.1994 с последними изменениями, внесенными Федеральным законом от 28.03.2017 №39-ФЗ;

часть вторая от 26.01.1996 с последними изменениями, внесенными Федеральным законом от 28.03.2017 №39-ФЗ;

часть третья от 26.11.2001 с последними изменениями, внесенными Федеральным законом от 28.03.2017 №39-ФЗ.

АПК РФ – Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 №95-ФЗ.

Закон о несостоятельности – Федеральный закон от 23.10.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Закон о несостоятельности 1992 г. – Закон Российской Федерации от 19.11.1992 №3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий». Утратил силу с 01 марта 1998 г.

Закон о несостоятельности 1998 г. - Федеральный закон от 08.01.1998 №6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Документ утратил силу со дня вступления в силу Федерального закона от 26.10.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Указ №623 - Указ Президента РФ от 14.06.1992 №623 «О мерах по поддержке и оздоровлению несостоятельных государственных предприятий (банкротов) и применения к ним специальных процедур». Утратил силу с 01.07.2002 г.

Постановление Правительства РФ №498 - Постановление Правительства Российской Федерации от 20.05.1994 №498 «О некоторых мерах по реализации законодательства о несостоятельности (банкротстве) предприятий».

Постановление Пленума ВАС РФ №32 - Постановление Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 30.04.2009 №32 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным

Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. 2009. №7.

Постановление Пленума ВАС РФ №63 - Постановлением Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 23.12.2010 №63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. 2011. №3.

Прочие сокращения

ФАС – Федеральный арбитражный суд

ВАС РФ – Высший Арбитражный суд Российской Федерации

ВС РФ – Верховный суд Российской Федерации

КС РФ – Конституционный суд Российской Федерации

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК**Нормативные акты и материалы судебной практики**

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ // Российская газета. 1994. №238–239.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 №223-ФЗ // Российская газета. 1996. №17.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. №25. Ст. 2954.
4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 №146-ФЗ // Российская газета. 1998. №148–149.
5. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 №136-ФЗ // Российская газета. 2001. №211–212.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ // Российская газета. 2001. №256.
7. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 №197-ФЗ // Российская газета. 2001. №256.
8. Федеральный закон от 26.10.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета. 2002. №209–210.
9. Федеральный закон от 08.02.1998 №14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Российская газета. 1998. №30.
10. Федеральный закон от 30.12.2004 №214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2004. №292.
11. Федеральный закон от 26.07.2006 №135-ФЗ «О защите конкуренции» // Российская газета. 2006. №162.
12. Федеральный закон от 28.04.2009 №73-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2009. №78.

13. Федеральный закон от 29.06.2015 №154-ФЗ «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2015. №144.

14. Федеральный закон от 29.07.2017 №266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // Российская газета. 2017. №172.

15. Постановление Правительства Российской Федерации от 27.12.2004 №855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства» // СЗ РФ. 2004. №52 (часть II). Ст. 5519.

16. Закон Российской Федерации от 19.11.1992 №3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» // Российская газета. 1992. №279. Документ утратил силу с 01.03.1998.

17. Федеральный закон от 08.01.1998 №6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета. 1998. №10–11. Документ утратил силу в связи с вступлением в силу Федерального закона от 26.10.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

18. Указ Президента Российской Федерации от 14.06.1992 №623 «О мерах по поддержке и оздоровлению несостоятельных государственных предприятий (банкротов) и применении к ним специальных процедур» // СПС «КонсультантПлюс». Документ утратил силу с 01.07.2002 в связи с изданием Указа Президента Российской Федерации от 21.10.2002 №1209 «О приведении актов Президента РСФСР и Президента Российской Федерации в соответствие с Федеральным законом от 08.08.2001 №129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц».

19. Постановление Правительства Российской Федерации от 20.05.1994 №498 «О некоторых мерах по реализации законодательства о несостоятельности

(банкротстве) предприятий» // Российская газета. 1994. №99. Документ утратил силу в связи с изданием Постановления Правительства РФ от 15.04.2003 №218.

20. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22.07.2002 №14-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона "О реструктуризации кредитных организаций", пунктов 5 и 6 статьи 120 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобами граждан, жалобой региональной общественной организации "Ассоциация защиты прав акционеров и вкладчиков" и жалобой ОАО "Воронежское конструкторское бюро антенно-фидерных устройств"» // СЗ РФ. 2002. № 31. Ст. 3161.

21. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 01.10.2002 №228-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью "Калле Нало Рос Трейдинг" на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 5 статьи 120 и пунктом 3 статьи 122 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)"» // Вестник КС РФ. 2003. №2.

22. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.07.2003 №12-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 4, пункта 1 статьи 164, пунктов 1 и 4 статьи 165 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 11 Таможенного кодекса Российской Федерации и статьи 10 Закона Российской Федерации "О налоге на добавленную стоимость" в связи с запросами Арбитражного суда Липецкой области, жалобами ООО "Папирус", ОАО "Дальневосточное морское пароходство" и ООО "Коммерческая компания "Балис"» // Российская газета. 2003. №150.

23. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13.02.2018 №8-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1,2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "ПАГ" // СПС «КонсультантПлюс».

24. Постановление Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 08.04.2004 №4 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. 2003. №6.

25. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 05.11.1998 №15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // Российская газета. 1998. №219.

26. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 №1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Российская газета. 1999. №24.

27. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.04.2009 №32 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. 2009. №7.

28. Постановление Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 23.12.2010 №63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. 2011. №3.

29. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2012 №35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // Вестник ВАС РФ. 2012. №8.

30. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 06.12.2013 №88 «О начислении и уплате процентов по требованиям кредиторов при банкротстве» // Вестник ВАС РФ. 2014. №2.

31. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18.07.2014 №50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» // Вестник экономического правосудия РФ. 2014. №9.

32. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 №25 «О применении судами некоторых положений раздела I части

первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2015. №140.

33. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2015 №45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» // Российская газета. 2015. №235.

34. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 №53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Российская газета. 2017. №297.

35. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.05.2005 №92 «О рассмотрении арбитражными судами дел об оспаривании оценки имущества, произведенной независимым оценщиком» // Вестник ВАС РФ. 2005. №7.

36. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 20.12.2005 №97 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с заключением, утверждением и расторжением мировых соглашений в делах о несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. 2006. №3.

37. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18.06.2002 №404/01 по делу №А40-11010/00-69-122 // Вестник ВАС РФ. 2002. №10.

38. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.09.2003 №4161/03 по делу №А60-23384/02-С1 // Вестник ВАС РФ. 2004. №2.

39. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 09.07.2009 №1989/09 по делу №А14-1423/2008-75/6 // Вестник ВАС РФ. 2009. №11.

40. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 28.10.2010 №7945/10 по делу №А40-66444/09-3-599 // Вестник ВАС РФ. 2011. №1.

41. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.03.2011 №14995/10 по делу №А50-39013/2009 // Вестник ВАС РФ. 2011. №6.

42. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 27.07.2011 №3990/11 по делу №А10-1176/2010 // Вестник ВАС РФ. 2011. №11.

43. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 27.07.2011 №2419/11 по делу №А03-11363/2009 // Вестник ВАС РФ. 2011. №11.

44. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13.09.2011 №1795/11 по делу №А56-6656/2010 // Вестник ВАС РФ. 2011. №12.

45. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.10.2012 №6083/12 по делу №А40-114306/11-93-1021 // Вестник ВАС РФ. 2013. №2.

46. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12.11.2013 №7473/13 по делу №А56-34688/2012 // Вестник ВАС РФ. 2014. №4.

47. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 28.01.2014 №13116/13 по делу №А32-11077/2012 // Вестник ВАС РФ. 2014. №6.

48. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24.06.2014 №3894/14 по делу №36-408/2013 // Вестник ВАС РФ. 2014. №11.

49. Письмо Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 15.05.1995 №ОП-13/4 «О содержании письма ВАС РФ от 25.04.1995 №С1-7/ОП-237» // СПС «КонсультантПлюс».

50. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11.02.2014 №13846/13 по делу №А19-2903/10-58 // СПС «КонсультантПлюс».

51. Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13.10.2010 №ВАС-9787/10 по делу №А07-13873/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

52. Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 20.10.2011 №ВАС-13876/11 по делу №А12-6002/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

53. Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24.10.2011 №ВАС-13344/11 по делу №А53-9308/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

54. Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 16.01.2012 №ВАС-15154/11 по делу №А67-2757/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

55. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2014 по делу №309-ЭС14-923, А07-12937/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

56. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 01.12.2015 №4-КГ15-54 // СПС «КонсультантПлюс».

57. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 01.04.2016 №305-ЭС16-1506 по делу №А41-33372/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

58. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 17.05.2016 №305-ЭС16-1045 по делу №А40-95123/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

59. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14.06.2016 №52-КГ16-4 // СПС «КонсультантПлюс».

60. Определение Верховного Суда РФ от 14.06.2016 №308-ЭС16-1443 по делу №А61-2409/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

61. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 16.06.2016 №302-ЭС16-2049 по делу №А33-20480/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

62. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28.07.2016 №305-ЭС15-1943 по делу №А40-186427/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

63. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15.08.2016 №308-ЭС16-4658 по делу №А53-2012/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

64. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2016 №305-ЭС15-18052(2) по делу №А41-69762/14 // СПС «КонсультантПлюс».
65. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2017 №307-ЭС16-10973(2) по делу №А52-2134/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
66. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27.02.2017 №301-ЭС16-16279 по делу №А11-9381/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
67. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27.03.2017 №305-ЭС16-17204 по делу №А40-112205/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
68. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26.05.2017 №306-ЭС16-20056(6) по делу №А12-45751/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
69. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 06.07.2017 №308-ЭС17-1556(1) по делу №А32-19056/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
70. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 06.07.2017 №308-ЭС17-1556(2) по делу №А32-19056/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
71. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 31.07.2017 №305-ЭС15-11230 по делу №А40-125977/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
72. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 31.08.2017 №305-ЭС17-4886 по делу №А41-20524/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
73. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29.01.2018 №310-ЭС17-13555 по делу №А14-3727/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
74. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2018 №305-ЭС17-3098(2) по делу №А40-140251/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
75. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 18.12.2000 по делу №А56-22869/00 // СПС «КонсультантПлюс».
76. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 12.02.2001 по делу №А05-8271/00-496/15 // СПС «КонсультантПлюс».
77. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 21.01.2003 №Ф08-5010/02 по делу №А63-1405/2002-С2 // СПС «КонсультантПлюс».
78. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 15.05.2003 №Ф03-А04/03-1/1003 // СПС «КонсультантПлюс».

79. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 13.02.2007 №Ф04-100/2007(30995-А03-39) по делу №А03-7430/2006-30 // СПС «КонсультантПлюс».

80. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 22.03.2007 №Ф04-1366/2007(32385-А75-30) по делу №А75-8153/2006 // СПС «КонсультантПлюс».

81. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 07.02.2017 №Ф04-689/2016 по делу №А27-18234/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

82. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 10.09.2007 №Ф08-5777/2007 по делу №А63-15086/2006-С2 // СПС «КонсультантПлюс».

83. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 15.01.2008 №Ф08-8513/07 по делу №А32-4342/2007-31/136 // СПС «КонсультантПлюс».

84. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 03.06.2008 №Ф08-2921/2008 по делу №А32-18507/2007-53/343 // СПС «КонсультантПлюс».

85. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 17.12.2015 №Ф08-9359/2015 по делу №А53-36951/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

86. Постановление ФАС Московского округа от 21.04.2010 №КГ-А41/2242-10 по делу №А41-14623/09 // СПС «КонсультантПлюс».

87. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 11.05.2010 по делу №А66-7714/2007 // СПС «КонсультантПлюс».

88. Постановление ФАС Московского округа от 01.09.2010 №КГ-А40/9267-10 по делу №А40-14159/10-71-76Б // СПС «КонсультантПлюс».

89. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 09.02.2011 №Ф03-10028/2010 по делу №А59-4033/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

90. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 17.01.2012 по делу №А27-13235/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

91. Постановление ФАС Поволжского округа от 29.02.2012 по делу №А65-26716/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

92. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 13.04.2012 по делу №А45-11177/2010 // СПС «КонсультантПлюс».
93. Определение ФАС Уральского округа от 11.01.2013 №Ф09-1077/11 по делу №А50-13423/2010 // СПС «КонсультантПлюс».
94. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 25.01.2013 по делу №А03-7920/2011 // СПС «КонсультантПлюс».
95. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 02.07.2013 по делу №А56-56895/2012 // СПС «КонсультантПлюс».
96. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 30.09.2013 по делу №А33-1370/2009 // СПС «КонсультантПлюс».
97. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 03.10.2013 №Ф03-4877/2013 по делу №А59-1596/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
98. Постановление ФАС Московского округа от 10.04.2014 №Ф05-2965/14 по делу №А41-36496/13 // СПС «КонсультантПлюс».
99. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 04.06.2014 по делу №А78-7611/2012 // СПС «КонсультантПлюс».
100. Постановление ФАС Уральского округа от 28.07.2014 №Ф09-2033/14 по делу №А50-25821/2012 // СПС «КонсультантПлюс».
101. Решение Арбитражного суда Московской области от 18.12.2009 по делу №А41-36068/09 // СПС «КонсультантПлюс».
102. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 14.08.2014 по делу №А55-15661/2010 // СПС «КонсультантПлюс».
103. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 27.08.2014 №Ф09-496/11 по делу №А76-24168/2009 // СПС «КонсультантПлюс».
104. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 01.09.2014 №Ф07-2518/2013 по делу №А05-11611/2011 // СПС «КонсультантПлюс».
105. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 03.09.2014 №Ф03-3745/2014 по делу №А24-4270/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

106. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10.09.2014 №Ф05-14481/2013 по делу №А41-58450/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

107. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 29.09.2014 по делу №А45-2168/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

108. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 10.10.2014 №Ф09-6596/14 по делу №А60-17187/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

109. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 30.10.2014 №Ф06-16268/2013 по делу №А65-3561/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

110. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 30.10.2014 по делу №А36-2124/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

111. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23.12.2014 №Ф07-3059/2014 по делу №А21-4832/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

112. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 04.02.2015 №Ф09-6661/12 по делу №А60-33433/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

113. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.04.2015 №Ф05-2738/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

114. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 30.04.2015 №Ф09-1978/15 по делу №А07-23633/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

115. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14.09.2015 №Ф07-6392/2015 по делу №А44-4393/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

116. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.10.2015 г. №Ф05-13701/2015 по делу №А40-212698/14 // СПС «КонсультантПлюс».

117. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.11.2015 №Ф05-5253/2014 по делу №А40-90028/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

118. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 06.11.2015 по делу №А56-71890/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

119. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 01.12.2015 №Ф09-11619/13 по делу №А76-11349/2012 // СПС «КонсультантПлюс».
120. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 07.12.2015 по делу №А66-5989/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
121. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 07.12.2015 №Ф09-12527/12 по делу №А07-7302/11 // СПС «КонсультантПлюс».
122. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 10.12.2015 №Ф09-8136/15 по делу №А76-11588/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
123. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 22.01.2016 №Ф04-16/2015 по делу №А46-16351/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
124. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 08.02.2016 №Ф02-606/2016 по делу №А33-18813/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
125. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20.02.2016 №Ф07-2398/2016 по делу №А56-40284/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
126. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 02.03.2016 №Ф09-334/16 по делу №А60-48393/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
127. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 18.03.2016 №Ф02-1165/2016 по делу №А58-6441/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
128. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 22.04.2016 №Ф02-1656/2016 по делу №А58-3001/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
129. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 26.04.2016 №Ф06-7888/2016 по делу №А55-5544/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
130. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.05.2016 №Ф05-4891/2016 по делу №А41-76549/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

131. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 26.05.2016 №Ф02-2578/2016 по делу №А74-7048/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

132. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 06.06.2016 №Ф02-2147/2016 по делу №А33-16188/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

133. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 21.07.2016 №Ф03-3092/2016 по делу №А51-31080/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

134. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 27.07.2016 №Ф02-2545/2016 по делу №А19-4094/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

135. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.08.2016 №Ф05-6400/2016 по делу №А41-16507/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

136. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 14.09.2017 №Ф01-3496/2017 по делу №А31-6981/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

137. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 04.10.2016 №Ф07-7965/2016 по делу №А56-93100/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

138. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 07.10.2016 №Ф10-2970/2014 по делу №А14-3378/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

139. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 13.10.2016 №Ф09-9490/16 по делу №А60-24220/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

140. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 20.10.2016 №Ф10-3970/2016 по делу №А08-6665/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

141. Решение Арбитражного суда Московской области от 15.11.2016 по делу №А41-35746/16 // СПС «КонсультантПлюс».

142. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24.11.2016 №Ф09-4460/15 по делу №А60-38881/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

143. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.12.2016 №Ф05-4492/2015 по делу №А40-156928/13 // СПС «КонсультантПлюс».

144. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 05.12.2016 №Ф01-4969/2016 по делу №А38-5284/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

145. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 26.12.2016 №Ф01-4959/2016 по делу №А29-2669/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

146. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26.01.2017 №Ф09-10626/16 по делу №А07-8372/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

147. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 30.01.2017 №Ф04-6080/2016 по делу №А02-2082/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

148. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 30.01.2017 №Ф07-12872/2016 по делу №А52-4273/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

149. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 07.04.2017 №Ф02-1013/2017 по делу №А19-8839/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

150. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 25.05.2017 №Ф04-4981/2016 по делу №А03-12879/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

151. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 30.05.2017 №Ф07-4653/2017 по делу №А13-9133/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

152. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.06.2017 №Ф05-11678/2016 по делу №А40-174124/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

153. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 07.09.2017 №Ф03-3352/2017 по делу №А73-18130/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

154. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 11.09.2017 №Ф07-6705/2017 по делу №А56-86660/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

155. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.09.2017 №Ф05-15674/2016 по делу №А40-197397/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

156. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 04.12.2017 №Ф08-9296/2017 по делу №А53-29023/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

157. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.12.2017 №Ф05-15669/2017 по делу №А40-120622/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

158. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 06.02.2018 №Ф02-7736/2017 по делу №А69-3918/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

159. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.02.2018 №Ф05-12971/2013 по делу №А40-98294/12-101-66 // СПС «КонсультантПлюс».

160. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.05.2013 по делу №А49-8749/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

161. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 04.04.2013 по делу №А67-608/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

162. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 30.05.2013 по делу №А70-3878/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

163. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 04.07.2013 №15АП-4935/2013 по делу №А32-16327/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

164. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.08.2013 по делу №А55-12910/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

165. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 05.08.2013 по делу №А03-15005/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

166. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 03.09.2013 №09АП-25468/2013 по делу №А40-64995/11-4-308Б // СПС «КонсультантПлюс».

167. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 11.12.2013 по делу №А27-7188/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

168. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.04.2014 №18АП-3741/2014 по делу №А07-18929/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

169. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.05.2014 №15АП-4713/2014 по делу №А53-20966/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

170. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 20.11.2014 по делу №А41-27844/12 // СПС «КонсультантПлюс».

171. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.06.2015 №17АП-5183/2015-ГК по делу №А71-9456/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

172. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.07.2015 №15АП-21058/2014 по делу №А53-21988/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

173. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.09.2015 №18АП-8501/2015 по делу №А76-3397/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

174. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.11.2015 №17АП-11162/2014-ГК по делу №А71-1921/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

175. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.11.2015 №18АП-12161/2015 по делу №А47-3390/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

176. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 03.02.2016 №Ф04-11618/2014 по делу №А75-10256/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

177. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.02.2016 №13АП-31634/2015 по делу №А21-4330/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

178. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.05.2016 №17АП-2041/2016-ГК по делу №А60-47982/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

179. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.05.2016 №12АП-3851/2016 по делу №А12-3304/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

180. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.07.2016 №13АП-14687/2016 по делу №А42-10332/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

181. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.08.2016 №13АП-15675/2016 по делу №А42-8460/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

182. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 11.10.2016 №04АП-3298/2015 по делу №А58-1600/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

183. Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 12.12.2016 №06АП-6541/2016 по делу №А73-8561/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

184. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.01.2017 №17-АП-5228/2016 по делу №А60-1366/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

185. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.01.2017 №13АП-33995/2016 по делу №А56-62267/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

186. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 08.02.2018 №Ф04-5962/2017 по делу №А27-12443/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

187. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 26.02.2016 г. по делу №А40-168599/15 // СПС «КонсультантПлюс».

188. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 21.06.2017 г. по делу №А40-3903/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

Диссертационные исследования

189. Адаева В.Н. Прекращение обязательств при несостоятельности (банкротстве) юридических лиц по гражданскому праву России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 – М., 2009. – 146 с.

190. Беляева О.А. Торги: теоретические основы и проблемы правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 – М., 2010. – 423 с.

191. Галкин С.С. Правовое положение должника – юридического лица в российском законодательстве о банкротстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 – М., 2016. – 227 с.

192. Грель Я.В. Злоупотребление сторон процессуальными правам в гражданском и арбитражном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 – Новосибирск, 2006. – 207 с.

193. Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 – М., 2008. – 638 с.

194. Кораев К.Б. Правовое положение неплатежеспособного должника: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 – СПб., 2014. – 53 с.

195. Князев Д.В. Мирное соглашение в арбитражном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 – Томск, 2004. – 212 с.

196. Ларин А.М. Правовой режим имущества несостоятельного должника по российскому законодательству: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 – М., 2008. – 220 с.

197. Маликов А.Ф. Правовое регулирование реабилитационных процедур несостоятельности (банкротства): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 – Саратов, 2017. – 220 с.

198. Назарова А.С. Правовое регулирование фактических брачных отношений в Российской Федерации и США: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 – М., 2017. – 29 с.

199. Николаев А.Р. Правовое положение контролирующих должника лиц в процедурах несостоятельности (банкротства): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 – М., 2013. – 213 с.

200. Овчинникова А.В. Права и охраняемые законом интересы кредиторов в процедурах банкротства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 – М., 2013. – 204 с.

201. Попов Е.Ю. Формирование гражданско-правового института банкротства физического лица в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 – Волгоград, 2012. – 200 с.

202. Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективными гражданскими правами: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 – Саратов, 2002. – 206 с.

203. Телюкина М.В. Проблемы несостоятельности и банкротства юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 – М., 1997. – 208 с.

204. Телюкина М.В. Конкурсное право. Гражданско-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 – М., 2003. – 473 с.

205. Циндяйкина А.Э. Правовое регулирование конкурсного оспаривания сделок должника при несостоятельности (банкротстве): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 – М., 2012. – 201 с.

206. Эрлих М.Е. Конфликт интересов в процессе несостоятельности (банкротства): правовые средства разрешения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 – М., 2012. – 186 с.

Монографии и иные научные труды

207. Баренбойм П.Д. Правовые основы банкротства: учебное пособие / П.Д. Баренбойм. – М.: Белые альвы, 1995. – 200 с.
208. Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки систем категорий теории права / А.М. Васильев. – М.: Юридическая литература, 1976. – 264 с.
209. Витрянский В.В. Банкротство: научно-практический комментарий новелл законодательства и практики его применения / В.В. Витрянский. – М.: Статут, 2010. – 336 с.
210. Габов А.В. Государство и бизнес в системе правовых координат: Монография / А.В. Габов. – М.: ИНФРА-М, 2014. – 320 с.
211. Гольмстен А.Х. Исторический очерк русского конкурсного процесса / А.Х. Гольмстен. – С.-Петербург: типография В.С. Балашева, 1888. – 300 с.
212. Гольмстен А.Х. Учение о праве кредитора опровергать юридические акты, совершенные должником в его ущерб, в современной юридической литературе / А.Х. Гольмстен. – С.-Петербург: типография М.М. Стасюлевича, 1894. – 236 с.
213. Греков Б.Д. Судебники XV-XVI веков / Б.Д. Греков. – Москва, Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. – 619 с.
214. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав / В.П. Грибанов. – М.: Статут, 2000. – 411 с.
215. Гукасян Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве / Р.Е. Гукасян. – Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1970. – 190 с.
216. Денисов С.А., Егоров А.В., Сарбаш С.В. Реабилитационные процедуры в деле о банкротстве: постатейный комментарий ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» / С.А. Денисов, А.В. Егоров, С.В. Сарбаш. – М.: Статут, 2003. – 380 с.

217. Зайцева С.Г. Злоупотребление правом как правовая категория и как компонент нормативной системы законодательства Российской Федерации / С.Г. Зайцева. – Рязань, 2002. – 150 с.
218. Кант И., Гегель Г.В.Ф., Шеллинг Ф.В.И. Немецкая классическая философия: в 4 т. / И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, Ф.В.И. Шеллинг. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 784 с.
219. Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности / С.А. Карелина. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 568 с.
220. Малиновский А.А. Злоупотребление правом / А.А. Малиновский. – М.: МЗ-Пресс, 2002. – 352 с.
221. Малышев К.И. Исторический очерк конкурсного процесса / К.И. Малышев. – СПб.: Общественная польза, 1871. – 455 с.
222. Матузов Н.И., Малько, А.В. Теория государства и права: учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – М.: Юристъ, 2004. – 245 с.
223. Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник / Л.А. Морозова. – М.: Юристъ, 2002. – 384 с.
224. Попондопуло В.Ф. Банкротство. Правовое регулирование: науч.-практ. пособие / В.Ф. Попондопуло. – М.: Проспект, 2013. – 432 с.
225. Пустовалова Е.Ю. Судьба требований кредиторов при банкротстве должника / Е.Ю. Пустовалова. – М.: Статут, 2003. – 270 с.
226. Радченко С.Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России / С.Д. Радченко. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 144 с.
227. Телюкина М.В. Основы конкурсного права / М.В. Телюкина. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 560 с.
228. Тихомиров М.Н. Соборное уложение 1649 года: Учебное пособие для высшей школы / М.Н. Тихомиров и П.П. Епифанов. – М.: Издательство Московского университета, 1961. – 444 с.
229. Ткачев В.Н. Конкурсное право. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) в России: учебное пособие / В.Н. Ткачев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М: Юнити-Дана, 2012. – 255 с.

230. Трайнин А.Н. Несостоятельность и банкротство / А.Н. Трайнин. – СПб.: Издание Юридического книжного склада «Право», 1913. – 61 с.
231. Химичев В.А. Защита прав кредиторов при банкротстве / В.А. Химичев. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 184 с.
232. Черепнина Л.В. Памятники русского права. Вып. 4, Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства, XV-XVII вв. / Л.В. Черепнина. – М.: Госюриздат, 1956. – 632 с.
233. Шершеневич Г.Ф. Конкурсное право / Г.Ф. Шершеневич. – 2-е изд. – Казань: типография Императорского университета, 1898. – 498 с.
234. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права: в 4 т. / Г.Ф. Шершеневич. – М.: Статут, 2003. – 507 с.
235. Шишмарева Т.П. Институт несостоятельности в России и Германии / Т.П. Шишмарева. – М.: Статут, 2015. – 332 с.
236. Шишмарева Т.П. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и практика его применения: учебное пособие для экзамена по Единой программе подготовки арбитражных управляющих / Т.П. Шишмарева. – М.: Статут, 2015. – 416 с.
237. Эннекцерус, Л. Курс германского гражданского права / Э. Эннекцерус. – М.: Издательство иностранной литературы, 1950. – 379 с.
238. Эрлих М.Е. Конфликт интересов в процессе несостоятельности (банкротства). Правовые средства решения: монография / М.Е. Эрлих. – М.: Проспект, 2015. – 270 с.

Статьи в периодических изданиях на русском языке

239. Аутлева Р.В. Некоторые проблемы «исполнимости» мирового соглашения в рамках дел о несостоятельности (банкротстве) // Российская юстиция. 2014. №6. С. 34–36.
240. Беляева О.А. Преимущественные права и торги: проблемы соотношения // Аукционный вестник. 2012. №106 (8.58). С. 1–2.

241. Беляева О.А. Торги в банкротстве: основные проблемы и злоупотребления // Аукционный вестник. 2018. № 380 (06.330). С. 1 – 3.
242. Богданов Е.В. Особенности оспаривания сделок юридических лиц арбитражным управляющим в деле о банкротстве и арбитражным управляющим юридическим лицом // Адвокат. 2015. №10. С. 8–13.
243. Бородкин В.Г. Введение финансового оздоровления и столкновение конкурирующих интересов // Право и экономика. 2014. №11. С. 25–29.
244. Будылин С.Л. Все мы делим пополам. Банкротство граждан и семейное имущество в России и за рубежом // Вестник экономического правосудия РФ. 2015. №4. С. 90–126.
245. Васильев Ю.С. Взаимодействие права и морали // Советское государство и право. 1996. №11. С. 12–20.
246. Витрянский В.В. Банкротство: ожидания и реальность // Экономика и жизнь. 1994. №49.
247. Витрянский В.В. Новое в правовом регулировании несостоятельности (банкротства) // Хозяйство и право. 2003. №1.
248. Витрянский В.В. Пути совершенствования законодательства о банкротстве // Вестник ВАС РФ. 2003. Специальное приложение к №3.
249. Волков А.В. Понятие «обход закона» в доктрине и практике гражданского права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. №1. С. 67–81.
250. Галкин С.С. Вопросы оспаривания мирового соглашения, заключенного несостоятельным должником в исковом производстве // Актуальные проблемы российского права. 2014. №7. С. 1381–1388.
251. Гримм Д.Д. Оспаривание актов, совершенных во вред кредиторам // Вестник гражданского права. 1915. №6. С. 10 – 53.
252. Гришаев С.П., Овчинникова А.В. Эволюция правового регулирования института банкротства // СПС «КонсультантПлюс». 2014.
253. Громова Е.Г. Деятельность арбитражных управляющих при осуществлении процедур банкротства // Арбитражная практика. 2002. №7. С. 42–47.

254. Дарымова Ю. Торги при банкротстве [интервью с Беляевой О.А.] // Юридическая газета. 2011. №10. С. 1–2.
255. Егоров А.В. Мировое соглашение в деле о банкротстве и обязательные платежи // Хозяйство и право. 2004. №4. С. 69–76.
256. Егоров А.В. Преимущественные права при продаже имущества сельскохозяйственных организаций в конкурсном производстве // Вестник ВАС РФ. 2008. №10. С. 22–46.
257. Егоров А.В. Реституция по недействительным сделкам при банкротстве // Вестник ВАС РФ. 2010. №12. С. 10–27.
258. Егоров А.В. Зачет при банкротстве: российское право и мировые тенденции // Закон. 2011. №8. С. 43–62.
259. Егоров А.В. Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ: первые шаги реформы // Legal insight. №2(18). 2013. С. 4–10.
260. Егоров А.В. Платеж третьего лица кредитору помимо его воли // Вестник экономического правосудия РФ. 2016. №8. С. 150–160.
261. Егоров А.В. Залог в силу ареста: теоретические и практические проблемы в России и за рубежом // Вестник экономического правосудия РФ. 2016. №9. С. 84–103.
262. Ерофеев А.А. Банкротство гражданина–должника как новелла российского законодательства // Современное право. 2015. №4. С. 79–81.
263. Карелина С.А. Несостоятельность (банкротство) как юридический состав // Российская юстиция. 2008. №4. С. 5–10.
264. Карелина С.А. Мораторий на удовлетворение требований кредиторов как элемент восстановительного механизма // СПС «КонсультантПлюс».
265. Карелина С.А. Подозрительные сделки в процессе несостоятельности (банкротства): правовые проблемы оспаривания // Предпринимательское право. 2012. №4. С. 22–26.
266. Карелина С.А. Замещение активов как мера по восстановлению платежеспособности должника по законодательству Российской Федерации // Предпринимательское право. 2014. №2. С. 23–29.

267. Карелина С.А., Фролов И.В. Механизм освобождения гражданина–должника от обязательств как следствие его банкротства: условия и порядок применения // Право и экономика. 2015. №10. С. 18–26.

268. Кашайкина О.Г. Особенности криминального банкротства в истории отечественного уголовного законодательства (XIX–XX вв.) // История государства и права. 2014. №5. С. 37–40.

269. Кирилловых А.А. Банкротство физических лиц: новации законодательства о несостоятельности // Законодательство и экономика. 2015. №6. С. 7–22.

270. Короткова О.И. Государственное регулирование института несостоятельности и его роль в судьбе хозяйствующего субъекта – государственного предприятия // Законодательство и экономика. 2014. №4.

271. Ламейкина Е.Ю. Проблемы правового регулирования фактических брачных отношений // Семейное и жилищное право. 2013. №1. С. 5–8.

272. Мельник Т.П. Хронологические аспекты отношений несостоятельности (банкротства) в дореволюционной России // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2006. №3. С. 20 – 25.

273. Мифтахутдинов Р.Т. Реформирование законодательства о банкротстве в части совершенствования реабилитационных процедур // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2016. №3. С. 37–40.

274. Мифтахутдинов Р.Т. Судебный акт как условие возбуждения дела о банкротстве и гегелевская диалектика: комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 12.10.2016 №306-ЭС16-3611 // Вестник экономического правосудия РФ. 2017. №2. С. 9–12.

275. Мифтахутдинов Р.Т. «Пленум четко сказал, что субсидиарная ответственность применяется в исключительных случаях» // Закон. 2018. №7. С. 6 – 18.

276. Олевинский Э. С новым банкротством. Банкротство физических лиц в некоторых ситуациях – единственный законный способ избавиться от долгов // Юрист спешит на помощь. 2015. №1. С. 9–10.

277. Оленин А.Е. Внешнее управление как процедура банкротства // Аудиторские ведомости. 2001. №3. С. 65–71.
278. Панин В.С. История развития института фактических брачных отношений в России // Семейное и жилищное право. 2013. №2. С. 43–45.
279. Пашин В.М. Институт злоупотребления субъективными правами *de lege ferenda* // Актуальные проблемы гражданского права: сборник статей / под ред. О.Ю. Шилохвоста. – М.: Норма, 2003. Вып. 7. – с. 28 – 62.
280. Полуэктов М.Г. Условия несостоятельности (банкротства) кредитных организаций // Законодательство и экономика. 2000. №11.
281. Попондопуло В.Ф. Процедуры банкротства и обеспечения интересов кредиторов // Предпринимательское право. 2006 г. №2. С. 11–15.
282. Рожкова М.А. Мировая сделка в предпринимательских отношениях // Законодательство. 2002. № 9.
283. Рухтин С.А. Мировое соглашение: проблемы заключения и исполнения при банкротстве // Журнал российского права. 2001. №7. С. 57–60.
284. Рухтин С.А. Злоупотребление правом или правовое обоснование реституции при банкротстве // Хозяйство и право. 2006. №3. С. 75–79.
285. Рябинин В.В. Новое в процедуре банкротства юридических лиц // Налоговая проверка. 2015. №3. С. 10–21.
286. Сайфуллин Р.И. Ослабление акцессорности поручительства и залога: комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам РФ от 14.06.2016 №308-ЭС16-1443 // Вестник экономического правосудия РФ. 2016. №8. С. 25–30.
287. Сеницын С.А. Правовые средства предупреждения и противодействия вывода активов российскими банками: вопросы совершенствования законодательства // Предпринимательское право. 2018. №1. С. 66 – 70.
288. Тальчиков С.А., Тютюнник М.А. Отдельные вопросы заключения мирового соглашения в деле о банкротстве // Безопасность бизнеса. 2011. №4. С. 29–37.

289. Телюкина М.В. Наблюдение как процедура банкротства // Хозяйство и право. 1998. №9. С. 46–52.
290. Телюкина М.В. Наблюдение как процедура банкротства // Хозяйство и право. 1998. №10. С. 53–56.
291. Телюкина М.В. Реализация имущества должника в конкурсном процессе // Адвокат. 1998. №12. С. 16–23.
292. Телюкина М.В. Способы предупреждения банкротства юридического лица // Адвокат. 1999. №9. С. 11–17.
293. Троицкая А. Пределы прав и абсолютные права: за рамками принципа пропорциональности? Теоретические вопросы и практика Конституционного суда РФ // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. №2. С. 45–69.
294. Уксуова Е.Е. Конкурсное судопроизводство и «мини-производство» на примере обжалования действий (бездействия) арбитражного управляющего // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. №7. С. 44–52.
295. Усачева К.А. Основы внеконкурсного оспаривания в немецком и австрийском праве // Вестник экономического правосудия РФ. 2017. №11. С. 131–176.
296. Чуча С.Ю. Проблемы установления факта преднамеренного банкротства // Арбитражная практика. 2002. №7. С. 3–6.
297. Шелютто М.Л. Правовые последствия заключения соглашения об уплате алиментов с целью причинения имущественного вреда кредиторам: комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики). Вып. 23 / М.Л. Шелютто. – М., 2017. – С. 67 – 82.
298. Эрделевский А.М. О недобросовестности и ее последствиях // Хозяйство и право. 2016. №9. С. 14–20.
299. Яни П.С. Проблемы квалификации преступлений в сфере банкротства // Законность. 2014. №1. С. 38–42.

Иные источники

300. Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. – 48 т.: указ.

301. Гражданский кодекс Федеративной Республики Германия. Параграфы 267, 268. URL: <https://dejure.org/gesetze/BGB>

302. Закон Швеции «О гражданском браке» (sambolagen). URL: http://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/sambolag-2003376_sfs-2003-376

303. Проект федерального закона №239932-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве) и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части процедуры реструктуризации долгов в делах о банкротстве юридических лиц» // СПС «КонсультантПлюс».

304. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cddep.ru/index.php?id=79&pg=0>.

305. Данные судебной статистики федеральных арбитражных судов Российской Федерации. URL: <http://www.arbitr.ru/press-centr/news/totals>.

306. Статистические данные о заработной плате Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_costs.

307. Иеринг Р. Интерес и право / Р. Иеринг. – Ярославль, 1880. [Электронный ресурс]. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003592988>.

308. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: АЗЪ, 1995. – 944 с.